

БЕСЛАН

Кто виноват?

**СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
МОСКВА 2005**

УДК 08
ББК 66.3(2 Рос)3
Б 53

*Выражаем благодарность Учительскому комитету Беслана
и лично его координатору Фатиме Рамоновой
за предоставленные снимки и неоценимую помощь
в работе над книгой,
а также редактору газеты «Жизнь Правобережья»
Мурату Кабоеву*

Художник *А. Соболева*

Редактор *Н. Виноградова*

Корректор *М. Копылова*

Компьютерная верстка *Л. Фирсовой, В. Ермолаевой*

Компьютерная обработка и верстка иллюстраций *А. Соболева*

ЛР № 00473 от 25.11.99.

Подписано в печать 12.08.05. Формат 60х90/16. Гарнитура TenseC.

Печать офсетная. Бумага офсетная № 1 (на вкл. мел.). Усл. печ. л. 14,0 (в т.ч. вкл. 4,0).

Уч.-изд. л. 11,8 (в т.ч. вкл. 3,8). Тираж 2000 экз. Заказ №

Набор и верстка выполнены ООО «Совершенно секретно».

125009, Москва, Б. Никитская ул., д. 22, офис 12. E-mail: topsec@rmt-net.ru

Отдел реализации: (095) 291-51-44, 290-04-38.

Отпечатано в ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР».

170040, Тверь, проспект 50-летия Октября, 46.

В этой книге собраны репортажи корреспондентов издательского дома «Совершенно секретно» о том, что произошло в североосетинском городке Беслан 1—3 сентября 2004 года, и о том, как развивались события дальше. На протяжении года журналисты «Совершенно секретно» ведут собственное расследование трагических событий, результаты которого и легли в основу книги «Беслан. Кто виноват?»

ISBN 5-89048-153-3

9 795890 481534 >

ISBN 5-89048-153-3

© ООО «Совершенно секретно», 2005

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение
ГЕРОИ И АНТИГЕРОИ
5

Глава I
КРОМЕШНЫЙ АД
8

Глава II
ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ
34

Глава III
ВЫЖИВШИЕ В ПЕКЛЕ
44

Глава IV
ПОМИНАЛЬНАЯ ПЯТНИЦА
59

Глава V
НЕЛЮДИ
74

Глава VI
ВОЗВРАЩЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ
104

Глава VII
ПЕРЕЖИТЬ БОЛЬ
120

Глава VIII
ВЛАСТЬ: ЛОЖЬ И ХАОС
130

Вместо эпилога
ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА К ПРЕЗИДЕНТУ
152

Над книгой работали

Авторы

Леонид ВЕЛЕХОВ (Вступление; «Поминальная пятница»)

Владимир ВОРОНОВ («Кромешный ад»)

Надежда РЯБУХИНА, Михаил ЯКОВЛЕВ («Живые и мертвые»)

Елена МАЯКОВА, Михаил ЯКОВЛЕВ («Выжившие в пекле»)

Владимир АБАРИНОВ, Владимир ВОРОНОВ, Иосиф ГАЛЬПЕРИН («Нелюди»)

Елена МАЯКОВА, Михаил ЯКОВЛЕВ («Возвращение в реальность»)

Михаил ЯКОВЛЕВ («Пережить боль»)

Владимир ВОРОНОВ, Елена МАЯКОВА, Михаил ЯКОВЛЕВ («Власть: ложь и хаос»)

Галина СИДОРОВА («Четыре вопроса к Президенту»)

Шеф-редактор

Надежда РЯБУХИНА

Составители

Елена КОЛОКОЛЬЦЕВА

Надежда РЯБУХИНА

Литературный редактор

Елена КОЛОКОЛЬЦЕВА

Фото

Леонид ВЕЛЕХОВ

Владимир ВОРОНОВ

Михаил ЯКОВЛЕВ

Автор идеи

Анна БОКШИЦКАЯ

Группа компаний «Совершенно секретно»

Президент: Вероника БОРОВИК-ХИЛЬЧЕВСКАЯ

Генеральный директор: Виктор БОГОМОЛОВ

Введение

ГЕРОИ И АНТИГЕРОИ

Беслан стал нашим российским 11 сентября — национальной катастрофой, испытавшей народ и власть на нравственную прочность. Народ это испытание выдержал. Власть — нет. Она произносит общие, полные фальшивого пафоса фразы о борьбе с мировым терроризмом и прячет глаза, когда жертвы Беслана, очевидцы, журналисты и честные политики задают ей конкретные и простые, казалось, вопросы. Кто устроил подрыв здания школы, с которого и началась бойня? Кто отдал приказ о штурме, во время которого и погибло большинство заложников? В чью голову пришла мысль бить по школе из танковых орудий и поливать ее из огнеметов? Прошел год, а официальных ответов на эти (и многие другие, аналогичные) вопросы нет и картина происшедшего в Беслане до сих пор полностью документально не восстановлена, хотя на месте событий работала не одна представительная, высокопоставленная комиссия.

То есть, наверняка, картина-то восстановлена и ответы на все вопросы сложены в каких-нибудь особых, совершенно секретных папках, доступ к которым откроется лет эдак через несколько десятков, как это водится в нашей стране. И тогда страна узнает своих антигероев — высокопоставленных представителей армии, спецслужб, гражданской власти, отдававших преступные приказы, а потом в панике заметавших следы.

А пока страна довольствуется тем, что знает своих героев — тех бесланских подростков, матерей, стариков, которые не просто выжили в этом аду, в который превратился школьный спортзал, но помогли друг другу выжить. А потом еще — когда в дело пошли огнеметы и танковые снаряды — спасали друг друга под перекрестным огнем то ли своих, то ли чужих. Вот эти люди — и тысячи других жителей Беслана, кого лично миновала чаша сия, но у кого в спортзале оказались близкие, — доказали, что народ наш, в отличие от власти, стоящий. Замечательный народ. Я помню свое собственное главное впечатление от Беслана: никакой злобы и ненависти, никакого остервенения и жажды мести не было в этих людях, потерявших в одночасье своих детей, а порой и всю семью.

Страна знает об этих людях благодаря журналистам. Их там побывало немало. В том числе журналисты «Совершенно секретно» и «Версии». Все, кто побывал в те дни в Беслане, домой вернулись другими людьми.

После 11 сентября американская нация, пережив трагедию, испытала душевный подъем и чувство колоссального единения. Народ гордился своей властью, которая помогла пострадавшим людям, восстановила все до единого имена погибших, провела тщательнейшее расследование, выявила преступников и пустилась за ними в погоню по всему миру. От наказания не уйдет никто, можно быть уверенным. После 11 сентября в Соединенных Штатах не произошло ни единого теракта.

После бесланского сентября пути российского народа и власти окончательно разошлись. Люди окончательно поняли, что власть их не защищает и что им не на кого уповать, кроме самих себя. Они — часто, возможно, даже не отдавая себе в этом отчета, — стали презирать эту власть. Жалок был уход в отставку, с почти годичным опозданием, одного из многих ответственных за Беслан, североосетинского прези-

дента. В отличие от Америки, после нашего «черного сентября» теракты в России продолжают.

После Беслана окончательно разошлись с властью и пути честной российской журналистики. В этом смысле Беслан для многих из нас был не только человеческим, но и профессиональным рубежом. Поэтому эта книга, в которой собраны наши личные впечатления и попытки осмысления того, что произошло год назад в небольшом осетинском городке, — в известном смысле итог пути журналистов «Совершенно секретно» и «Версии». Хотя это, конечно, лишь факт нашей собственной биографии.

Леонид ВЕЛЕХОВ

Глава I

КРОМЕШНЫЙ АД

День первый

Итак, 1 сентября. Спустя несколько часов после захвата школы № 1 в Беслане информация, которая до этого шла с ремарками «предварительная», «неподтвержденная», приобретает статус официальной. Мы связываемся с администрацией президента Осетии. Там говорят только то, что в школе действительно есть террористы, но уточняют: пока рано делать выводы об их количестве и числе заложников. Также появляются сведения, что школу захватили 17 террористов, среди которых есть женщины-смертницы с поясами, начиненными взрывчаткой.

А глава пресс-службы МВД Северной Осетии Исмель Шаов сообщает, что террористы вышли на связь и в ближайшее время готовы выдвинуть свои требования к властям. Чуть позже в теленовостях говорят, что террористов — 25, они вооружены гранатометами и стрелковым оружием. Заложникам приказывают выбросить сумки, фотоаппараты и мобильные телефоны. Террористы угрожают взорвать здание в случае штурма. Школу № 1 оцепляют ОМОН, СОБР, подразделения внутренних войск и милиции.

13.20. Становятся известными две цифры: 600 и более 100 заложников, которые, строго говоря, друг друга не исключают. И 600 человек, и даже 1000 — это, безусловно, тоже более 100, просто «более 100» звучит не так страшно. В это же время говорится о том, что с бандитами налажен контакт, ведутся переговоры, террористы требуют президентов Дзасохова, Зязикова и доктора Рошалья.

15.00. Информагентства сообщают: боевики — члены «ингушского джамаата», связанного с Шамилем Басаевым. Говорится, что акция проводится по плану бандформирований Шамиля Басаева и Аслана Масхадова.

19.20. Появляется информация, что в Осетию вылетел Леонид Рошаль. О том, где находятся президенты — ни слова. Мы снова связываемся с администрацией Дзасохова и выясняем совершенно необъяснимую вещь: оказывается, контакта с террористами до последнего времени у них не было. То есть бандиты якобы потребовали только Рошалья, встречаться с Дзасоховым или Зязиковым они вроде бы вообще не хотели. Тем не менее, Владикавказ официально заявляет, что теперь переговорный процесс начался, хотя о том, какие именно требования были выдвинуты террористами — ни слова. Их как будто бы просто нет.

23.00. Мы в последний раз за первые сутки говорим с Бесланом. Источник в президентской администрации с гневом отвергает предположение, что в школе может быть порядка 600 детей. 300—350 — цифра окончательная и, по его словам, серьезно пересматриваться не может.

Лишь много позже мы узнаем, как развивались события на самом деле. Что на торжественную линейку в школу № 1 пришло порядка 1200 человек. Что еще в 11.30 утра террористы выдвинули первые требования — выпустить

боевиков, арестованных за нападение на Ингушетию, а затем — и вывести все российские войска из Чечни. Что за каждого убитого террориста бандиты обещают убивать по 50 заложников. Что детей выставят в качестве живых щитов около окон школы, а спортзал заминируют. Что отморозки откажутся принимать для заложников воду, пищу и медикаменты. Что предложение о посредничестве со стороны старейшин Чечни и Ингушетии будет ими отвергнуто. Что, наконец, в бесланской школе было 1128 заложников, 318 из них погибло. Причем и здесь нет единой цифры. В списках Учительского комитета Беслана заложников насчитали 1180. Трагедия в Беслане еще раз показала, что люди — это простой статистический материал и для террористов, и для власти.

День второй

2 сентября наш коллега Володя Воронов добрался до Беслана и воочию увидел, что происходило там на самом деле.

Дорога от аэропорта до Беслана — на всем протяжении пути ни одного поста, ни одного милиционера, вообще ни одного вооруженного человека. Словно пустыня. Въезжаем в город, и накатывает ощущение пустоты: на окраинах все будто вымерло, словно все люди собрались на площади перед ДК, возле оцепления. Очень много вооруженных, но не служивых, в форме, а буквально в домашнем облачении, в тапочках и... камуфляже. Масса небритых мужиков с разномастным оружием — ножи на поясе, у многих пистолеты, а за плечами чего только нет — древние и новенькие охотничьи ружья, старые армейские карабины СКС, автоматы. С утра 3 сентября эти молчаливые ополченцы (хотя, какие они ополченцы — это родственники тех, кого взяли в заложники) вооружатся

еще основательнее, и в их руках будут пулеметы и даже гранатометы. Поистине всеобщее вооружение народа!

Все это воинство почти безмолвно кучкуется в сторонке от гудящей площади. Впрочем, площадь чаще тоже безмолвствует. Время от времени эти мужчины с автоматами и в разгрузочных жилетах решительно, без лишних слов отодвигали в сторону милиционеров и омовцев, исчезая где-то в частных дворах, каких полно вокруг школы. Оцепление — солдаты внутренних войск — ни во что не вмешиваются, молча преграждая путь только журналистам. Какое-то странное оцепление. В чем его странность, осознаю позже: среди сотен растянувшихся вдоль улиц солдат — ни одного офицера! Может, они что-то согласовывали в штабах?

На дворце культуры огромный плакат: «Страсти Христовы». На соседнем доме еще более шокирующий постер: «Кино в ДК. ОБИТЕЛЬ ЗЛА». Рядом еще и «Пираты Карибского моря»... Какая-то фантазмагория, жуть! И кто бы еще пару дней назад мог подумать, что в этот тихий и богатый городок — неофициальную водочную столицу России — придут всамделишные пираты, учинившие натуральную обитель зла?!

Время от времени со стороны школы доносятся одиночные выстрелы и автоматные очереди: террористы, не жалея патронов (видимо, с боезапасом у них проблем нет), прочесывают окрестности беспокоящим огнем. Как бы предупреждая энтузиастов: не вздумайте лезть, мы наготове. Это не перестрелка — ответного огня, разумеется, никто не открывает.

Машинально хочется сравнить то, что вокруг, с «Норд-Остом»: нет, совершенно не похоже! В Москве хотя бы оцепление сделали относительно грамотно, наличествовали признаки хоть какого-то управления и явно вменяемые городские службы. По крайней мере, было ясно: власть в шоке, но она есть. Здесь же власть не ощущается совер-

шенно и никакая — ни местная, ни федеральная. Оцепление рыхлое, солдаты понятия не имеют, что происходит, зачем они тут, и кого пускать через кордоны, а кого — нет. Какие-то вооруженные люди без формы, не показывая никаких документов, просто проходят через кордон, отодвигая солдат в сторону, растерянные милиционеры пытаются освободить в окружившей толпе проезд для беспрестанно снующих туда-сюда крутых машин с мигалками. Армейские саперы просто фланируют среди толпы, словно выгуливая своих рвущихся с поводка овчарок, уже охрипших от лая, на армейских грузовиках с надписью «разминирование» гроздьями висят десятки местных мальчишек, непонятно что пытающихся выглядеть с высоты кабин. Время от времени милиционеры пытаются по-осетински уговорить людей разойтись, хотя бы отойти подальше — в ответ молчание, изредка прерываемое вопросом из толпы к журналистам: «Ну, что там видно? Вон-вон, кто-то пробежал! Посмотри, что там?».

«Там» — на улице Октябрьской, на дальних подступах к школе, совершенно бесцельно маневрирует бронетехника: БТРы въезжают в зону оцепления, выезжают оттуда. Там полно разномастно одетых вооруженных людей, несколько машин «скорой помощи» и пожарных, не считая милицейских и бронетехники — но никакого командования. Все машут руками, кричат друг на друга, кто-то отдает какие-то команды, никто никого не слушает, ничего не выполняет, машины перемещаются рывками, едва не сталкиваясь друг с другом. Опыта военных командировок достаточно, чтобы понять: никакого единого руководства, никакого реально работающего штаба тут просто нет, все растеряны, не знают, что делать, полный управленческий хаос. А ведь идут уже вторые сутки теракта!

Слава богу, пока хотя бы весь этот бардак не перерастает в панику. Нет бьющихся в истерике женщин, нет эк-

зальтации, вообще нет ничего, кроме молчаливого людского круговорота возле ДК. Хотя 1 сентября истерика была. Но все быстро прекратилось, потому что власть в городе взяли суровые бесланские мужчины — те, у кого там жены, дети, родственники, и те, у кого близких там нет. Бесланские мужчины не брали штурмом администрацию или райотделы. Они просто молча (господи, как часто приходится повторять это слово, но это действительно так, потому что молчание людей — вот самый характерный признак тех дней в Беслане) достали оружие с чердаков и из подпола, и пришли — кто к оцеплению, а кто пробрался почти к школе. И это по их мелькающим в садах и углах теням регулярно били боевики.

Всю государственную власть представляли лишь милиционеры в оцеплении, вяло и без энтузиазма пытавшиеся отогнать людей подальше. Негромкий гул толпы перекрывают лишь регулярные гранатометные залпы и выстрелы от школы: ближе к вечеру бандиты стали постреливать еще и из подствольных гранатометов. Слышно, как гранаты рвутся где-то в стороне: то тут, то там. Иногда уши выделяют и другие звуки, глухие и еле слышные. И вдруг доходит, что это стреляют внутри школы. Не сразу, но становится ясно: это, скорее всего, опять расстреливают кого-то из заложников. Эта догадка подтвердится на другой день... Ближе к ночи частота залпов из подствольников усиливается, разрывы слышны чаще — недостатка в боеприпасах террористы точно не испытывают. Краем глаза удается глянуть на школу: тот, кто выбирал для захвата именно ее, явно не дилетант — очень удобное место для огневой позиции, прекрасно контролирует прилегающую местность, очень сложно пробраться незаметно. Другие бесланские учебные заведения для такой обороны явно не столь удобны...

На лавочках группками сидят старики — молча, не переговариваясь друг с другом. Напряженные взгляды, слу-

шают радио из машин, ловят реплики проходящих. Машин вокруг площади вообще очень много, словно съехалась вся Осетия. И почти во всех включено радио, вокруг каждой десятки слушателей, затаивших дыхание. По радио вот уже много часов говорят одно и то же, да и разве можно узнать больше, чем находясь здесь?! Но люди слушают. Из нескольких только что приехавших машин выгружают карабины...

К людям на площади никто не выходит, ничего им не разъясняет — полная неизвестность. Лишь в **18.05**, уже после того, как Аушев вывел 26 человек, из ДК выносят микрофон. С бумагой в руке выходит Урузмаг Огоев, секретарь Совета общественной безопасности Северной Осетии. Площадь забурлила: «Да тихо же, люди! Тихо!». Огоев зачитывает списки тех, кого вывел Аушев. Стоявший за его спиной молодой мужчина вдруг заплакал, прикрывая лицо рукой — значит, в том списке не оказалось родного имени. Женщины с окаменевшими лицами, но есть и еще несколько плачущих мужчин. Чтобы мужчина заплакал, да еще и прилюдно — это просто немыслимо на Кавказе! Буквально физически ощущается, как от людской толпы на площади бьет волна ненависти и неприятия — не к говорящему, к власти. Виталий, с которым только что мы познакомились на площади — у него там две дочки, — цедит сквозь зубы: «Если среди вышедших сейчас назовут детей Мамсурова (тогдашний спикер парламента республики Северная Осетия — Алания), я сам подожгу его дом». Не называют — ни Мамсуровых, ни дочек Виталия. А сам он вдруг исчезает, коротко бросив: «Я за пулеметом...».

Гул, что-то говорят, какие-то выкрики, но понять нельзя — на осетинском, разобрать можно только слово «Дзасохов». Стоящий рядом мужчина уходит. Женщина за спиной подсказывает: «Они говорят, почему вы все врётё, почему не говорите правды про наших детей, почему не

скажете, сколько там людей по-настоящему». И поясняет: «Город же маленький, мы почти все тут знакомы, как можно скрыть правду? Там же точно больше тысячи — это одиннадцатилетняя школа, три параллели — уже 33 класса, в каждом минимум по 25 человек. Еще столько же пришло родителей и родственников, многие с маленькими детьми, учителя. Откуда же всего 354 заложника?!». Офицер милиции рядом пытается возразить: «Но это только те, чьи имена точно известны». Его резко обрывают грубой фразой на осетинском.

Выкрики уже по-русски: «Почему Дзасохов к нам не выходит, почему он не с нами?! Почему нам не говорят, чего хотят ЭТИ?!».

На «трибуне» ДК группка явно чиновного вида. Молчат. Кто-то выдавливают: «Да что мы знаем, у нас самих там дети, нам тоже ничего не говорят». Никто ничего не знает толком, а тут же оглашаемые совершенно бредовые сводки теле- или радиоканалов вызывают у людей ярость — пока еще тихую. Но чувствуется, что внутреннее напряжение растет, не выплескиваясь: копится. Люди уже хотят знать не только о детях, но и чего там требуют террористы на самом деле, сколько их. Слова, что, мол, террористы требуют вывода войск из Чечни, встречают недоверчивым гулом, когда же упоминают о якобы выдвинутом требовании освобождения ингушей, задержанных во время нападения на Назрань в июне 2004, гул еще больше: «Мы-то тут при чем?! Да выдайте их к черту!». С кем ни поговори, все в едином порыве твердят: нет, у них какие-то другие требования, такие, что просто страшны для власти и неприемлемы, потому их и боятся обнародовать. Из толпы все чаще и чаще доносится: «Раз вы не можете спасти наших детей — отойдите, мы сами с НИМИ разберемся, сами спасем детей!».

Вполголоса по цепочке разносится: ОНИ требовали к себе на переговоры президентов Северной Осетии, Ингу-

шети — Дзасохова, Зязикова и советника президента РФ Алханова, да еще и доктора Рошала. Всех, мол, хотят кончить, особенно Рошала — за «Норд-Ост», а потом затребовать коридор до... Назрани! Внятной информации никакой, слухи рождаются и множатся буквально на глазах, обретая совершенно фантастический облик. Порождая, в свою очередь, все новые и новые слухи.

Офицер с погонами капитана (позже становится известно, что это руководитель пресс-службы республиканского МВД Шаов) уверяет: «Да нет, в том-то и дело, что совершенно непонятно, чего они на самом деле хотят: никаких внятных требований, совсем ничего. То попросили сначала воду, затем отказались ее взять. Вызвали Рошала — не пускают. Аушев тут вообще случайно: его попросил Мамсуров приехать...».

То, что рассказывают женщины, вышедшие с Аушевым 2 сентября, стремительно разносится по толпе: в школе — настоящий ад, мужчин в первый же день отделили от женщин и детей и почти всех сразу расстреляли. Кого-то убивали прямо на глазах детей: ставили на колени и стреляли в затылок. Потом прошел слух, что две смертницы с «поясами шахидов» собрали вокруг себя нескольких мужчин и подорвались... Капитан милиции неохотно подтверждает — да, вышедшие говорят именно это. Услышав наш разговор, на Шаова тут же накинулись два крепыша чиновного вида, в штатском и камуфляже: «Чего ты им говоришь?! — орут оба в один голос. — Им нельзя ничего говорить!». И мат... Очень большие оказались начальники, генералы...

Освобожденные утверждают, что на их глазах бандиты вскрывали полы в школе, доставая оттуда какие-то упаковки — то ли с взрывчаткой, то ли с боеприпасами. Да и так ясно, что с собой террористы явно никак не могли притащить столько оружия, взрывчатки и боеприпасов. Из

толпы время от времени вырывается одна и та же реплика: «Ищут дагестанских строителей. Найдем. Им не жить...».

Кстати, о бдительности. За все время в Беслане наши документы никто ни разу не проверил, и реально пропуском и журналистским удостоверением служила... фотокамера. Да и вообще там никто и ничего не проверял, хотя, казалось бы, можно было предположить, что среди оцепенелой от горя публики могут быть сообщники боевиков. И, как кажется, несмотря на все местные обычаи, можно и должно создать действительно непроницаемое кольцо оцепления — хотя бы и как возле «Норд-Оста». Все возможно, если бы была местная власть. Но эти несколько дней не только мы, журналисты, — вообще никто из бесланцев в глаза не видел хотя бы своего мэра. Впрочем, как оказалось, многие из горожан и не знали, как его зовут...

А вечером 2 сентября город вдруг охватывает паника: в Беслан на полном газу врывается несколько легковушек, из кабин которых доносилось: «В Фарне бои, в Фарн вошли боевики! Басаев идет на Беслан, увозите детей! Взорван мост». Фарн — это совсем рядом. Натыкаемся на гаишников, спрашиваем. Милиционеры, услышав, переглядываются и стремительно кидаются к рации. После короткого радиообмена облегченно вздыхают: «Нет там боев, это «Альфа» там оружие пристреливает и тренируется». — «Нет, не «Альфа», СОБР!» — перебивает его второй милиционер, выразительно прожигая взглядом напарника.

Но слух то ли о боях в Фарне, то ли о тренировке «Альфы», площади перед ДК уже достиг: «Вот, опять все врут! Обещают: штурма не будет, а сами готовятся! Не дадим штурмовать!». В этой готовности трудно было усомниться, глядя на мужчин, молчаливо сжимавших оружие: эти не дадут.

Уже поздним вечером перекусываем в еще работавшем на улице генерала Плиева кафе «Ирбис». Сидели, пытались перешучиваться с красивыми официантками, пока серия

разрывов подствольных гранат не громыхнула совсем рядом, за ней еще и еще, да еще и очереди. Что там, было не понять, чтобы узнать, рванули поближе к школе: неужели боевики пошли на прорыв?! Когда помчались, следующая серия разрывов пришлось туда, откуда только что ушли — двух девушек-официанток посеколо осколками: одну в брюшную полость, вторую — в кисть правой руки. Правда, мы узнали об этом лишь наутро... То, как оказалось, не прорыв: все тот же дежурный обстрел из школы, чтобы никто и не думал к ней приближаться в темноте.

День третий

Ночь пришлось провести на улице — махонькая гостиница напрочь забита. Лишь под самое утро местный житель предложил прикорнуть у него. Громыхало постоянно: обстрел окрестностей велся поразительно стабильно. А утром стало ясно, что вокруг никого, кроме сидящих или спящих на газонах автоматчиков. Солдаты равнодушно провожали нас взором, не пытаясь даже выяснить, как мы тут очутились: раз ходят тут — значит им можно.

Оказалось, оцепление расширили вроде как потому, что ночью гранаты бандитских подствольников стали сыпаться уже в жилом секторе, есть раненые. Но сержант внутренних войск (офицеров в округе, опять же, не видно ни одного на весь батальон!) пояснил: вроде как террористы окончательно запросили коридор до Назрани и им его сделали — отвели бронетехнику, часть солдат. И действительно, брони в этом углу стало поменьше.

А вот оцепление возле ДК неожиданно оказалось мощным: в город, наконец, приехал президент Северной Осетии Дзасохов. К людям на площади, правда, выйти он не пожелал, предпочтя выступить лишь в зале — перед некоторыми родственниками заложников. В ДК пускают,

но без фотоаппаратуры: «Ничего не снимать и не записывать!». Записывать, впрочем, было нечего: совершенно пустые и ничего не значащие общие слова — все будет хорошо, ситуация под контролем, мы работаем, ведем переговоры, штурма не будет... Но стоило из зала прозвучать вопросам, почему врут о количестве заложников и чего же на самом деле требуют террористы, как Дзасохов спешно удалился через черный ход. Надо было видеть лица людей, когда они узнали, что Дзасохов скрылся, не пожелав даже хотя бы фразу бросить прилюдно! «Это не мужчина!» — самое мягкое из услышанного, что можно привести.

А потом мы направились в кафе «Ирбис» — узнать про тех самых двух знакомых раненых официанток. И когда мы пришли в кафе, все и началось: «Ирбис» буквально в нескольких десятках метров от школы...

Два или три взрыва, точнее сложно разобрать, громыхнули, как водится, неожиданно — очень мощных и, совершенно ясно, внутри здания. Какое-то секундное затишье после этих взрывов, и тут же неистовый шквал автоматной пальбы. Столь ожесточенный и, это уже было очевидно, взаимно-перекрестной, что в тот момент даже и сомнений не возникло: началось, штурм! Правда, опять же на какой-то миг, мелькнула мысль: «Какое странное время для штурма, разгар дня».

Машинальный взгляд на часы. Но тут, буквально через какие-то секунды после звуков разрывов, в наш дворик вдруг непонятно откуда врывается бегущий мальчишка лет 12—13, в одних трусах, в пятнах крови, в ожогах, с хлопьями какой-то копоты на спине. Ничего не понимая, я просто вскинул фотоаппарат, а по дворику, по стенам кафе в воздухе засвистели пули. Хронометраж событий можно было восстановить уже позже — благодаря цифровой фотокамере: первый кадр бегущего ребенка был сделан в **13.04**.

А дети все появлялись и появлялись из какой-то не-приметной калиточки в заборе. Второго ребенка, девочку, мужчина вынес на руках точно через две секунды после первого. И всего лишь за первую неполную минуту этого ада мимо нас вышло или было вынесено 14 человек. Потом ровно минутная пауза — и выносят-выбегают еще примерно 20 человек — мальчишки, девочек выносят на руках, три женщины... Все как на одно лицо: в крови, полуодетые, в полном шоке, совершенно ничего не понимающие, еще трясущиеся от ужаса. «Пить, я хочу пить, — еле шепчет девочка на руках у автоматчика. — Мы пили мочу, дайте пить...». Дверь в уже закрытое кафе размолачивают прикладами, вносят туда ребенка и буквально поливают минеральной водой.

Первая мысль: «Во, как классно сработали штурмующие, еще и минуты не прошло после взрывов, а уже столько спасенных...». И вдруг понимаешь: да никакой это не спланированный штурм, а просто какой-то хаос! Укрываемся возле стены от обстрела. Рядом автоматчик, только что принесший девочку. Жадно глотнув воды, говорит, что все началось случайно:

— Там, когда эмчезники за трупами пришли, один пацан из зала выпрыгнул и побежал, боевики за ним, дальше непонятно — то ли он подорвался на растяжках, то ли они. И сразу другие дети побежали, а эти суки им в спину огонь открыли, вот наши сейчас детей огнем и прикрывают...

13.19 — на руках выносят старика в шляпе. Он совершенно никакой от пережитого ужаса, мертвой хваткой прижимающий к себе вывернутый наизнанку окровавленный пиджак. Позже становится известно: это Заурбек Гутиев, бывший учитель, ветеран войны. Его пригласили в школу на торжественную линейку, которая затянулась до 3 сентября — его тоже взяли в заложники, и ему тоже пришлось пить мочу. А в пиджаке, как оказалось, награды за

войну: специально вывернул его, чтобы террористы их не увидели...

13.26 — в воздухе появились вертолеты — ударный МИ-24 и пара МИ-8. Не стреляют, кружат над школой. Рядом во дворике молоденький лейтенант в авиационной форме: «Там моя мама, Лариса Левченко, учительница географии...». Вечером станет известно: мать лейтенанта жива.

Во дворике уже невозможно находиться: вокруг то ли осколки падают, то ли пули: со стороны школы наш кварталчик накрыли просто предметным огнем. Впрочем, на улице тоже полный хаос. А со стороны школы разрыв следовал за разрывом. По звукам определяется: рвутся растяжки, ручные гранаты, ведется пальба из подствольных гранатометов и — это тоже совершенно четко можно определить — по школе лупят из противотанковых гранатометов — после чеченской войны эти звуки уже ни с чем не спутать. Управляемый штурм это уже совершенно не напоминало.

— Какой штурм?! Там просто мочилово! — орет ополченец и пресекает любые попытки продвинуться к школе. — Оружия! Дайте мне оружие! — заходился в крике уже совершенно невменяемый парень лет 25. — Эй, ты! Зачем снимаешь! Не снимай это! Я же сказал, не снимай!!! — Это орет уже какой-то бешеный мужик с карабином. Перестрелка явственно приближается к нам и доносится совершенно звериный вопль: «Патроны! У нас кончились патроны! Дайте патроны!». Какая-то суета, и буквально через мгновение из соседнего дома уже тащат ящики с патронами, словно арсенал тут в каждом подъезде.

По звукам похоже, что из школы пошли на прорыв: выстрелы зачастили ближе, и прямо над нашими головами, в кронах деревьев, стали рваться гранаты из подствольников. Улицу буквально выметает — народ рвет к домам, залегает на обочине. А к микроавтобусу рванулась

странная группа: здоровые дяди старательно прикрывают бронещитком кого-то важного. Это Кокойти — президент Южной Осетии, а из-за его спины доносится звериный рык какого-то человечка: «Не снимать, твою мать! Я же сказал, это не снимать! Убью, сволочь!»...

Впрочем, спустя минуту Кокойти передумал уезжать. И улица вокруг нас превращается в импровизированный штаб: руководить этот человек действительно умеет. Возможно, где-то еще и было какое-то управление или руководство, но здесь, на улице Плиева, казалось, что вся власть перешла в руки Эдуарда Кокойти. Взмахом руки он показывал, куда пригнать машину, куда нести носилки, командовал, как погружать подтаскиваемых раненых. Потом распоряжения президента стали обретать уже чисто военный характер.

— ...Патроны, где патроны? Туда тащите! Слышите, стрельба перемещается — они уходят, а темнеет рано — нельзя дать им уйти, нельзя дать им раствориться, они сейчас прорвутся, разбегутся, затаятся во дворах, а потом ночью уйдут. Нельзя упустить! Начинайте прочесывать каждый дом уже сейчас. Каждый двор, все подвалы, чердаки...

В **14.12** через улицу зигзагами пронесся парнишка лет 10—12: тоже лишь в трусах, в ожогах и кровавых пятнах на спине. Он зайцем проскакивает мимо всех, не давая к себе прикоснуться, и вламывается в подъезд соседнего дома. «Саша, это Саша Погребной! Жив! Он здесь живет!». Пацана укладывают на кровать, поливают водой, говорить он просто не может...

Примерно в **14.25 — 14.30** можно наблюдать странную компанию: по улице спокойно фланирует троица, одетая по-спецназовски — камуфляж, шлемы-сферы, мощные бронежилеты, полная боевая выкладка. Кто это — неизвестно, но они совершенно спокойно прогуливались по улице, не обращая никакого внимания на происходящее.

Как-то это выглядело не так. Люди при их приближении замолкали, окидывая бойцов взглядами, далекими от восхищения: «Почему вы здесь, а не ТАМ?!» А из школы уже потащили и раненых — тоже в камуфляже. Качаясь и прихрамывая, поддерживаемый с двух сторон, прошел раненый в бедро спецназовец в полном облачении...

Паники нет, но нет и никаких представителей власти. Разве лишь где-то совсем вдали, подальше от зоны огня, заметны лица испуганных милиционеров. Кстати, ни одного человека в милицейской форме, спасающего людей, не видно! Может, кто из милиционеров и делал это, будучи в штатском, но вот люди в форме выглядели совершенно растерянными. Один милицейский офицер, находясь, по-моему, в совершенном ступоре, бесцельно бегал по улице туда-сюда, размахивая пистолетом. К школе рвутся одни лишь люди в гражданской одежде. Они же, вместе со спасателями МЧС и медиками, все время кого-то оттуда выносят: раненых, детей.

Пальба то затихает, то вновь разгорается, хотя уже понятно, что сопротивление боевиков неуклонно затихает. Но в здании и вокруг него все время гремят взрывы. На подступах к школе трубы использованных одноразовых гранатометов и даже огнеметов (это станет ясно уже потом, разглядывая сделанные снимки) — совершенно очевидно, что из всего этого били по школе, набитой людьми и взрывчаткой. Полный ужас! Но те ополченцы, что ведут огонь по зданию, по-моему, уже мало что соображают... Приняли за боевиков двоих незнакомцев — просто растоптали, приняли за боевика коллегу-фотографа — он спасся лишь тем, что успел показать фотокамеру: «Журналист я, журналист...».

Ближе к вечеру в звуковую какофонию вплелись залпы танковых орудий. Это уже никак не укладывается в голове: ведь в школе еще куча заложников, как можно приме-

нять танки?! С импровизированного наблюдательного пункта видно: крыша здания школы провалена. Вчерашний знакомый Виталий: весь в крови — рубашка, брюки, за поясом пистолет.

— Там, в спортзале, настоящая Хатынь! Одни трупы, только трупы, их сотни, сотни, кровавое месиво... — Нашел дочек? — Только старшую — сам вытащил! Да всех таскал, пока можно было, ее и не узнал — страшная, на себя не похожа, сама меня узнала — «папа, папа». Я через гаражи прошел. Там сотни сгорели, взорвались, крови по колено, никого не опознать, от них ничего не осталось — везде внутренности, сердца валяются... Младшую еще не нашел...

Он ее так и не найдет ни тем вечером, ни на другой день — ни среди живых, ни среди мертвых.

А в бесланской больнице, на изумление, царит почти идеальный порядок. Еще вечер 3 сентября, но уже вывешены рукописные листочки с именами живых, люди обмениваются сведениями кого нашли, кто опознан. Вход охраняют автоматчики, в палаты никто не прорывается. Удивительно дисциплинированные люди, так держать себя в руках! Хотя, конечно, все просто в шоке, осознание случившегося придет позже. Слышно, как женщина говорит по мобильному телефону: «Заурик только что умер, я говорю умер Заурик, ему голову оперировали, умер. А Адама мы еще не нашли...».

Вышли на свежий воздух покурить-подышать хирурги, профессора Кульчиев и Слепушкин: «У нас сейчас больше 200 человек. Раны в основном минно-взрывные, осколочные, есть пулевые, ожоговые, практически все в шоке. Еще примерно 400 увезли в больницы Владикавказа».

А потом морг: какая-то жуткая куча детских тонких тел: кто на носилках, кто просто на земле, неприкрытые, тонкие детские ручонки... Как в хронике про концлагеря...

Назад к живым! Сумевшие поговорить со спасенными родными обменивались новостями, почти нет плачущих. Рассказывают про Раису Гавриловну Гадисову — секретаря школы: во время боя сумела вытащить троих детей на улицу, выпрыгнула сама. Говорят про семью Бетрозовых. Точнее, что нет больше этой семьи: отца, Руслана, на глазах сыновей — 16-летнего Алана и 13-летнего Аслана — поставили на колени и убили выстрелом в затылок. Запомнили, как старший, Алан, произнес, глядя в глаза боевика: «Я тебя запомнил». Потом этих парнишек уже не видели... Может, выжили, не было сил узнавать.

Не представляю, как еще держится Саша Баландин: в школе у него было пятеро — сын девяти лет, тоже Саша, жена, теща, невестка и племянница. Пока среди живых значится только невестка.

Алла Гадиева сидит на носилках и хочет выговориться: у нее — ни царапинки, а вот ее шестилетнего сына Заура пока не нашли. Вот эта диктофонная запись: «Он гордый, — говорит Алла молчаливо сидящему рядом отцу. — Мочу не стал пить. Говорит — мама, когда выйдем, ты мне купишь много-много ванильного мороженого и «кока-колы». Мне вообще все время казалось, что это сон. Вижу рядом соседа и думаю: что за человек, откуда я его знаю. Да, съели цветы, пили мочу. Тайком ее в баночки собирали и тихо пили. Представляешь, многие жадничали, даже мочой не хотели делиться. Да скоро и ее не стало — нечем оказалось ходить. Мужчин расстреляли. **Сначала ставили в центре зала зайчиком — на корточки, руки за головой, такими торчащими ушками. — Показывает. — Говорили: шевельнется или кто в зале пикнет — застрелим. А потом сказали: вам мужчин не жалко, будем детей зайчиком ставить. И ставили...».**

Уже позже слышал, как радостно закричал вдруг кто-то, пробиваясь к Алле: «Нашли, нашли твоего Заурчика, жив!».

Застывшее время:

А вот поминутная хроника тех событий. Сухой остаток трагедии:

2 сентября

- 01.30.** Террористы выходят на контакт с доктором Леонидом Рошалем. Разговор продолжался до 3.00 по мобильному телефону с неопределяемым номером. Затем связь прервалась.
- 07.04.** Появляются первые уточненные данные о захваченных — 354 человека.
- 09.09.** По факту захвата заложников в Беслане возбуждается уголовное дело сразу по нескольким статьям.
- 09.37.** Старейшины Чечни и Ингушетии и два арабских телеканала «Аль-Алям» и «Аль-Джазира» предлагают помощь в контактах с террористами для освобождения заложников.
- 10.19.** Владимир Путин принимает решение отложить запланированный ранее на 2–3 сентября официальный визит в Турцию из-за событий в Северной Осетии.
- 11.45.** С захватчиками достигнута договоренность, что детский врач Леонид Рошаль будет и дальше вести с ними прямые контакты — заявил заместитель председателя парламента Северной Осетии Станислав Кесаев.
- 12.07.** Заложники в Беслане вышли на связь по телефону с вице-спикером парламента Северной Осетии.
- 16.49.** Боевики, захватившие школу, освободили трех женщин с грудными детьми.
- 17.22.** Освободили еще 26 человек женщин и детей.
- 20.52.** Доктор Рошаль опять общается с заложниками. По-прежнему террористы отказываются передавать лекарства, воду и продукты.

3 сентября

- 00.05.** Начальник информационно-аналитического центра при президенте Северной Осетии Лев Дзугаев сообщил, что террористами в Беслане освобождено 26 человек.
- 00.24.** Со стороны школы раздалось несколько выстрелов, ранен милиционер. Оперативный штаб связывается с террористами и просит объяснить произошедшее. «Они ответили, что им показалось, что в этом месте было какое-то движение, но мы объяснили, что это не так», — сказал Дзугаев. Еще раз подтверждается, что правоохранительные органы не намерены штурмовать школу, а предпочитают вести переговоры.
- 06.20.** Террористы вновь открыли неспровоцированный огонь — был сделан выстрел из гранатомета и раздалось несколько автоматных очередей.
- 07.30.** Оперативный штаб возобновил контакт с террористами, который был прерван ночью. Бандитам было вновь предложено забрать продукты питания и воду для заложников. Они отказались, заявив, что заложники «сами не хотят принимать пищу и воду».
- 09.20.** Вокруг школы расширяется зона оцепления, за которую не пускают родственников и журналистов. Если раньше можно было свободно ходить между зданием горадминистрации, где располагается штаб, и домом культуры, то теперь ради безопасности людей в связи с ночными обстрелами эта дорога перекрыта. Металлические ограждения отодвинуты примерно на 100 метров.
- 12.46.** С террористами достигнута договоренность об эвакуации 10—20 тел расстрелянных ими заложников. В то же время Лев Дзугаев заявляет, что, «по последним данным, число заложников больше, чем 354 человека, как

считалось ранее. То же самое относится и к количеству погибших». Точной или даже приблизительной численности заложников и погибших он не назвал.

- 12.55.** К школе подъехала техника, сотрудники МЧС начинают эвакуацию тел.
- 13.05.** В районе школы прогремели два мощных взрыва, началась интенсивная стрельба. В районе поднялись огромные клубы дыма. Правоохранительные органы выводят в безопасную зону всех, кто находится вблизи школы.
- 13.12.** Из школы выбежала группа заложников — около 30 женщин и детей.
- 13.19.** В районе школы раздался третий мощный взрыв. Перестрелка усилилась.
- 13.27.** Эвакуация заложников продолжается. Военные выносят детей на руках, многих сразу отправляют в больницу. Оперативный штаб делает заявление: «В связи со складывающейся обстановкой вокруг захваченной школы в Беслане силовые подразделения вынуждены действовать согласно этой ситуации».
- 13.30.** В школе обрушилась часть крыши. Над захваченным зданием в воздух поднялись четыре боевых вертолета. Военные стрельбой прикрывают отход большой группы заложников из школы.
- 13.38.** Сквозь толпу родственников попытались прорваться несколько боевиков, силовики открыли по ним огонь. Террористы, оставшиеся в школе, ведут беспорядочную стрельбу по людям и зданиям.
- 13.52.** В здание школы вошел спецназ, бой продолжается.
- 14.07.** Боевики пытаются вырваться из здания школы, спецназ блокирует им дорогу. Школа перешла под контроль спецназа.

- 14.17.** Глава МЧС Сергей Шойгу сообщает, что пострадали несколько спасателей, эвакуировавшие детей. Также приходит информация о том, что ранен оператор польского ТВ.
- 14.23.** Представитель МВД Северной Осетии на встрече с родственниками в доме культуры в Беслане сообщил, что из школы, которая была захвачена боевиками, могли сбежать две шахидки, они одеты в белые одежды. Представитель МВД призвал жителей Беслана проявлять бдительность. Бывшие заложники рассказывают, что еще несколько террористов меняли свои одежды на вещи заложников.
- 14.49.** Спецназ произвел маломощный взрыв, чтобы проделать отверстие в стене и создать еще один путь для выхода заложников. Несколько террористов, вырвавшихся из школы, пытаются пробиться в южную часть Беслана, к железнодорожным путям.
- 14.55.** В больницы Беслана доставлены порядка 200 раненых заложников. Наиболее тяжелые доставляются во Владикавказ. Спецслужбы проводят операцию по выявлению пытающихся скрыться террористов. Задержан один из пособников боевиков.
- 15.00.** Спецслужбы проводят в Беслане операцию по выявлению пытающихся скрыться террористов и их пособников.
- 15.12.** Спецназ окружил дом, в котором укрылась небольшая группа боевиков, прорвавшаяся через первое кольцо оцепления.
- 15.13.** Местные жители помогают спецназовцам выявлять боевиков.
- 15.16.** Из спортзала школы в Беслане эвакуированы все заложники.

- 15.17.** Спецназ ведет бой на южной окраине Беслана. В здании школы раздается серия мощных взрывов.
- 15.25.** Школа разминирована и находится полностью под контролем спецназа
- 15.33.** Местные жители поймали и передали милиции человека, которого подозревают в связи с террористами.
- 15.43.** Бой в районе школы в Беслане фактически прекратился, раздаются одиночные выстрелы. В школе и нескольких домах по соседству вспыхнул пожар.
- 15.59.** Как минимум 7 тел погибших находятся в больницах Беслана. Детей среди них нет. 20 тяжелораненых детей отправлены во Владикавказ.
- 16.07.** В клинику больницу Владикавказа доставлено 110 раненых, в двух больницах Беслана находится около 200 бывших заложников.
- 16.09.** Здание школы продолжает гореть. Тушение пожара затруднено тем, что школа и прилегающая к ней территория заминированы. Спецназ проводит зачистку в районе школы. Местные жители из одеял и подсобного материала изготавливают дополнительные носилки. Машины «скорой помощи» продолжают вывозить раненых.
- 16.13.** Бой в районе школы прекратился. Спасатели и врачи вошли в здание. По словам медиков, большинство госпитализированных — в состоянии средней тяжести. Характер ранений — ожоговый и огнестрельный.
- 16.23.** Последние взрывы принесенного боевиками в школу пластита произошли самопроизвольно из-за пожара в спортзале — сообщает МВД Северной Осетии. Людей в спортзале уже не было.
- 16.25.** Граница Ингушетии и Северной Осетии заблокирована силами МВД. Ведется тщательная проверка автотранспорта.

- 16.27.** Для тушения школы в Беслан выехали почти все пожарные расчеты из Владикавказа.
- 16.33.** В североосетинских больницах находится около 350 бывших заложников и местных жителей. Врачи устанавливают личности раненых, у многих из которых нет ни документов, ни даже одежды.
- 16.35.** Террористы разбились на три группы — сообщает МВД Северной Осетии. Около пяти бандитов оставались в школе, другие с боями отходят на юг города, четыре человека, среди которых женщины-смертницы и главари, пытаются смешаться с заложниками.
- 16.39.** К школе выехали представители прокуратуры. Начинаются следственные действия. Убитых и раненых в здании школы нет.
- 16.55.** Жители Беслана отбили у военных задержанного, предположительно боевика, и совершили над ним самосуд (по словам очевидцев, его застрелил один из местных жителей). В отделение милиции доставлен под конвоем еще один человек в камуфляжной форме.
- 16.57.** Выяснилось, что один сотрудник МЧС у школы погиб, еще трое ранены и госпитализированы.
- 17.00.** В спортзале школы обнаружены тела более ста погибших заложников, в том числе от обрушения крыши. Открыт счет по оказанию помощи пострадавшим в результате захвата заложников в Беслане.
- 17.43.** Часть боевиков засела в школьной пристройке и продолжает оказывать сопротивление спецназу. Вспыхивают перестрелки с использованием подствольных гранатометов.
- 17.53.** На площадь возле дома культуры начали опять собираться люди, многие женщины плачут.

- 18.05.** В результате перестрелок уничтожено более 10 террористов.
- 18.07.** Второй спасатель МЧС скончался от ран.
- 18.12.** В районе школы раздалось несколько выстрелов из гранатомета и взрывов гранат. Всех людей, находящихся перед зданием горадминистрации, эвакуировали.
- 18.13.** В больницы Владикавказа и Беслана поступило 346 заложников.
- 18.18.** Четверо сотрудников ОМОНа получили ранения.
- 19.12.** Освобождено более 400 заложников, более 60 погибших опознаны.
- 19.16.** Двое из доставленных в больницы Беслана и Владикавказа заложников скончались.
- 19.17.** Выяснилось, что в разговорах с советником президента России Асламбеком Аслахановым террористы заявляли о том, что удерживают 1200 заложников, 70% среди них — дети.
- 19.20.** Начальник УФСБ по Северной Осетии Валерий Андреев заявил, что среди 20 уничтоженных террористов 10 — выходцы из арабских стран.
- 19.25.** Асламбек Аслаханов заявил, что количество жертв теракта может превышать 150 человек.
- 19.47.** В Москве готовятся к вылету два самолета МЧС с реанимобилями на борту. Предполагается, что вылет состоится через час.
- 20.05.** Спецназ ФСБ проводит операцию по уничтожению последней боевой точки боевиков.
- 20.07.** Офицер спецназа ФСБ ценой собственной жизни спас двух малолетних девочек.
- 20.08.** Освобождено еще более 50 человек, удерживавшихся в школе.

- 20.34.** Из Владикавказа в Беслан направлен самолет с хирургами и медикаментами.
- 20.50.** Минздрав Северной Осетии подтверждает гибель 63 человек, в том числе 12 детей.
- 21.02.** Стало известно, что количество погибших превышает 150 человек, 646 пострадавших госпитализированы, среди них 227 — дети.
- 21.21.** Начальник УФСБ по Северной Осетии Валерий Андреев сообщил, что опознаны 79 погибших.
- 21.26.** Спецназ продолжает проводить операцию по уничтожению боевиков.

День четвертый

Школа еще кое-где дымится, спортзала нет... Люди в форме МЧС носят на носилках трупы. Во внутреннем дворике какие-то ряды прямоугольников, покрытые фольгой, вокруг ходят люди в респираторах: приподнимают фольгу, что-то смотрят, потом записывают. А под фольгой — люди, идет опознание.

И в том же дворике трактора и бульдозеры что-то сгребают в кучки, небольшой экскаватор своим ковшом грузит это в кузова грузовиков — какой-то непонятный хлам. Это обрывки ткани, обувь...

Спустя несколько месяцев на одной из свалок за городом обнаружат остатки одежды, обуви и фрагменты тел. То, что было видно в телеобъектив, оказывается, было просто преступлением, сокрытием улики: трактора-экскаваторы сгребали в мусор то, что осталось от людей, то, что никто не собирался опознавать... Из-за ограды во двор школы молча смотрели живые. Мальчишки уже играли с трубами использованных гранатометов... А на следующий день — 5 сентября — в Беслане пройдут первые похороны погибших.

Глава II

ЖИВЫЕ И МЕРТВЫЕ

Каждый день в Беслане шли похороны. В это время несчастные близкие продолжали искать своих родных по больницам и моргам... Отцы и матери рассказывали нам о своих пропавших сыночках и доченьках. У этих людей еще теплилась надежда отыскать своих детей. Увы, этой надежде не суждено было сбыться...

Азу Гумецову видели после штурма, но...

12-летнюю Азу Гумецову долго не могли найти. Ее близкие сбились с ног, но... Бабушка девочки Людвиг Павловна Торчинова говорила о внучке в настоящем времени и верила, что Азочку ждет замечательное будущее.

— Азочка очень красивая стройная девочка. Учится хорошо, стихи пишет и рисует прямо как художник, — рассказывала Людвиг Павловна. — Она и в драмкружке состоит, из которого ее отпускать не хотят. И английский язык самостоятельно изучает. Она вообще девочка самостоятельная. И в школу давно сама ходит. В тот день я перестрелку из дома слышала. Мне дочь Римма позвонила и рассказала о случившемся. И пошел отсчет бесконечного кошмара, который длится по сей день. После штурма мою внучку никто не смог найти. Тогда ужасная паника была.

Освобожденных детей кидали в машины и увозили в неизвестном направлении. А теперь даже те, кто освобождал заложников, не понимают, как происходил сам процесс. Они не помнят даже лиц детей... Мои близкие родственники и знакомые работали на перехвате: живых детей несли по переулкам, через огороды. У одного из офицеров ребенок прямо на руках умер. Азочку мы долго искали... И надежда нас не покидала. Один человек сказал, что видел нашу девочку. Якобы она была ранена и ее увезли на «скорой», но ни в одной больнице мы так и не обнаружили своего ребенка... Азочку нашли только в ноябре, девочка была мертва. Ее хоронили одной из последних...

***Марата Цаболова
родным советовали искать в морге***

10-летнего Марата тоже долго и безуспешно искали. Но ему не удалось выжить. Если бы тогда все обошлось, озорной голубоглазый мальчишка осенью 2005-го мог бы пойти в 6-й класс.

— Бедный наш мальчик, что ему пришлось вытерпеть, — причитала бабушка Марата. — А ведь до штурма с нами общались милиционеры. Успокаивали: «Ничего не случится. Не бойтесь». Говорили, что в спортзале есть еда и вода. Потом, после штурма, они советовали еще раз в морге посмотреть...

Ольга Соскиева мечтала закончить дома ремонт

Учительница начальных классов Ольга Соскиева 1 сентября успела получить кучу букетов от своих подопечных. А потом со своими детками она приняла все муки и страдания и погибла.

— Перед началом учебного года мы делали ремонт в доме и мама меня весело подгоняла: «Давай, дочурка, бы-

стрее заканчивать!», — рассказала нам дочь Ольги Соскиевой Ирина. «Чего так торопиться? — спрашивала я. «Надо сделать, — отвечала она, — а то вдруг умру».

А потом мы ходили и искали ее по больницам, по моргам. Все надеялись, что она назвала свою девичью фамилию — Филонова. Но и с такой фамилией не было пострадавших. После штурма мы разговаривали со старичком, которому она помогала: поддерживала его под руку, когда тот ходил. Ему повезло, он выжил. Еще были свидетельства, что она пыталась спасти кого-то из школьников, вытаскивая из окна. Знаете, а ведь незадолго до событий мама говорила, что она с коллегами видела, как неизвестные люди что-то заносили в школьную библиотеку. Она расположена слева от входа в школу. Кроме зала с книгами, там есть небольшая комнатка — тихий закоулочек. В нем практически никто не бывает. И, как говорят, там все и было спрятано. Мама говорила, ее коллеги спрашивали: «Что это несут?». А им отвечали: «Вы что — дебилы? Не лезьте».

У нас и сейчас какие-то подозрительные незнакомцы ходят по улицам, но к кому обращаться, чтобы защитили, мы не знаем. В милиции прямо отвечают: «Мы не приедем!».

Фатима Тедеева сказала, что в школе красиво

7-летнюю Фатиму Тедееву в первый класс повела бабушка. Вместе с ней она попала в заложники.

— Я помню, Фатя, придя в школу, сказала: «Бабушка, как здесь красиво!». Потом были стрельба, спортзал... Без еды и воды мы сидели и ждали. Дальше был взрыв и мой обморок. Когда я очнулась, в зале уже никого... Меня увезли в больницу, а Фатима исчезла. Одна женщина видела, как внуку с раненой ногой унесли на носилках. Я так долго верила и надеялась.

Сейчас на могилке Фатимы всегда живые цветы.

Алину Токову напугали автоматчики

9-летнюю Алину Токову в спортзале успокаивала мама Залина. Говорила: «Все обойдется, нас спасут». После штурма Залину отвезли в больницу со сломанной рукой. А свою маленькую дочку она так больше и не видела живой.

— Я не могу понять как такое могло произойти, — сказала Залина, — Аля ведь всегда была рядом, а потом... Говорили, ее видели у дверей, выходящих во двор школы. Но Але не удалось спастись.

Оксану Кокову отец опознал по сережке

В семье Коковых на столе стоят фото детей. Одно из них — в черной рамке. Оксана так и не вернулась домой, несмотря на молитвы отца Руслана и брата Урузмага.

— Если бы я мог все изменить, — мрачно говорит Руслан Коков, — я бы ни за что не оставил своих детей одних. Пошел бы с ними до конца... Но в тот день я проводил дочку с сыном в школу и пошел на рынок — нужно было купить тетрадок, книг... Как-то не успели... «После торжества никуда не уходите, дождитесь меня», — сказал я своим и уехал. А уже на рынке услышал, что произошло что-то нехорошее. «Школу захватили, что ли!» — крикнул мне один мужчина из толпы. И такой меня ужас охватил. Я сразу понял, что беда пришла в нашу семью. Кинулся в школу, а там уже военные, родственники рыдающие... Сын мой сумел убежать от террористов, а дочку они увели. Ни спать, ни есть, ни говорить я не мог. Глаза прикрою и сразу дочурку вижу. Все мне казалось, что она зовет, просит помочь. Наверняка, так и было. Она, девочка моя, ждала, когда папка придет ее освободить. Но что я мог?.. Когда начался бой и заложники хлынули наружу, я ни на секунду не расслаблялся. Был там, искал, но тщетно. Теплилась

надежда, что увезли моего ребенка в больницу. Обошел все палаты — зря. Медики посоветовали в моргах посмотреть. Как мне не хотелось туда идти... Глядя на тела убитых детей и не находя Оксаны, я все еще пытался верить в то, что она жива. А потом увидел родное тельце... От лица ничего не осталось. Как мне сказали, у Ксюши было пулевое ранение в висок... В ушке висела золотая сережка, по ней я и опознал дочку... Теперь мы с сыном остались вдвоем.

Карину и Хетага Туаевых нашли в морге

Среди пропавших без вести некоторое время числились Карина Туаева и ее брат Хетаг Туаев. К моменту, когда мы позвонили к Туаевым домой, детей уже нашли и похоронили. Вот что нам рассказала их тетя, директор дворца культуры, в котором находится штаб по розыску пропавших без вести, Римма Туаева:

— Люди, ответственные за поиск, сначала говорили, что ребят увезли в разные города. Тяжело раненых — в Ростов и Москву. Но мы детей нашли не там, а в морге. Их мама там с ними была. У нее — ранение в тазовой области...

Сима Аликова, Эльбрус и Георгий Худаловы не смогли выжить

Для гармонистки Симы Аликовой и певца Эльбруса Худалова дом культуры, где после штурма разместился штаб, был вторым домом. Их всегда звали на праздники: все помнят день, когда у Эльбруса родился сын. «Он радовался, как подросток, — вспоминают бывшие заложники. — Не просто пел, он целое шоу устроил. Залез в фонтан и оттуда исполнил арию...».

В заложниках Эльбрус оказался с сыном Георгием. «Он обнимал своего мальчика, пытался прикрыть его, чтобы

террористы не заметили и не обидели, — рассказывает нам одна из заложниц. — Но все оказалось зря...».

Эльбруса так и нашли — в обнимку с сыном. Оба они были мертвы. Погибла и Сима Аликова.

Семью Цогоевых хоронили под сильным ливнем

Семья Цогоевых — все пять человек — погибли под пулями.

— Залина одна поднимала детей, — рассказала «Версии» знакомая погибших, главный редактор газеты «Жизнь Правобережья» Эльза Баскаева. — Муж у нее умер. И ей хотелось, чтобы детки не хуже других были и одеты, и обуты. Такая милая женщина была — веселая, жизнерадостная, будто и не было у нее проблем. В гости к ней зайдешь, все на стол выставит. Пока не накормит, не напоит, не успокоится. Вернее, не успокаивалась... Цогоеву в селе очень любили. А Алан, Виктор, Аслан и Джульетта такими хорошенькими были: братья сестренку свою просто обожали. Местным мальчишкам в голову прийти не могло как-то ее задеть. Знали, придут трое защитников и навешают хороших тумачков... 1 сентября Цогоевы дружно отправились в школу. На каждом была красивая форма (в этом году ее ввели в школе), в руках новенький портфель. Мать тоже была в своем лучшем наряде. По словам очевидцев, в зале среди заложников семья Цогоевых держалась вместе. Залина успокаивала ребят, говорила, что надо немного потерпеть и все будет хорошо, их обязательно спасут. Но... всех Цогоевых нашли недалеко друг от друга. Остатки рваной одежды, окровавленные тела... Их похоронили в один день, под сильным ливнем. «Как же они хотели пить, — сказала одна из бывших заложниц. — Но терпели... Пусть хоть сейчас напьются...».

Аслан Бероев шел на расстрел спокойно

Террористы выводили мужчин-заложников на расстрел партиями, в класс, что на втором этаже школы. Перед смертью давали выкурить последнюю сигарету и стреляли... Потом заставляли детей выкидывать их окровавленные трупы из окон на глазах у их родных, все дни дежуривших у школы... После теракта на том месте было больше сотни окурков, а на стенах — следы рикошета пуль... Среди расстрелянных был и боец пожарной части № 6 города Беслана Аслан Бероев. 1 сентября он шел на службу. В форме, чисто выбритый, аккуратно постриженный.

— Куда направляешься? — спросила его одна из приятельниц.

— В школу нужно забежать, — улыбаясь, ответил Аслан. — С другим дело одно решить, а потом — на службу. Аслан зашел на территорию школы как раз в тот момент, когда начался захват заложников.

«Его расстреляли в этот же день, — рассказала нам одна из заложниц. — Я видела, как его уводили вместе с другими мужчинами. Аслан на их фоне выделялся: он был в форме, чем очень напрягал бандитов. Мне кажется, он до последнего надеялся, что все обойдется. Шел на расстрел абсолютно спокойно и уверенно...».

Бесланскому Корчаку сказали — дед, ты можешь уйти...

Иван Каниди повторил подвиг знаменитого гуманиста Януша Корчака. Вот отрывки из стихотворения, которое местный поэт Феликс Цаликов опубликовал в бесланской газете накануне столетнего юбилея школы № 1, за годы до трагедии:

*...Словно в храм, я входил благовейно в спортзал
И на миг, замерев у порога,*

*Я — счастливейший самый — в тот мир попал,
Где, казалось, владения Бога.
... Ну, а Бог наш спешил к нам на помощь всегда,
Если мы не владах были с волей,
Иучил нас великой молитве труда
Через пот, через слезы и боли.*

Все правильно написал ученик: Иван Константинович стал для многих заложников настоящим спасителем. Но давайте сначала поймем, кто он такой — Иван Константинович Каниди. Родился 31 января 1930 года в селе Малая Ирага Тетрицкаройского района Грузии. Отец, Константин Иванович, работал председателем колхоза, а расстреляли его в 1938 году за то, что был одним из тех, кому односельчанин, добравшийся ходоком до Молотова, рассказал о встрече.

Иван приехал в Осетию уже после войны, поступил в пединститут в Орджоникидзе. Играл в футбол, просматривался даже в дубль тбилисского «Динамо», студентом выступал за местный «Пищевик». На поле был, по знаковому совпадению, защитником, на восьмом десятке сохранил форму и объем ножных мышц, как у тех футболистов, которых можно разглядеть на телеэкране. Участвовал в велогонке Калининград — Москва, пришел 18-м, занимался легкой атлетикой и боксом. Был, сами понимаете, кумиром мальчишек многих поколений. Вел секцию баскетбола до последних дней, инвентарь закупал сам на деньги, которые не стеснялся брать у бывших учеников. Так в шкафу и остались 50 комплектов формы, которую этим летом Иван Константинович привез из Краснодарского края. Туда он ездил отдыхать с семьей сына.

Летом у него были два приступа стенокардии, дети хотели, чтобы он позагорал и покупался еще пару недель золотой осени, а он хватался за лопату: «Отдыхайте, а я поработаю!». Пришлось ехать к 1 сентября: «Я должен

выстроить школу на линейку!». Дети вообще уговаривали его уйти на пенсию, в 74-то года, а поджарый невысокий олимпиец со стальными руками отказывался. Еще в этом году делавший стойку на голове, имевший до последнего лета давление 120 на 80 и выпивавший перед обедом по стакану своего вина, он говорил: «Вот на будущий год Янис пойдет в школу, отучу его один класс — можно будет и на покой». Янис, Иван Константинович-младший, в школу пойдет без деда.

В спортзале Иван Константинович выделялся среди заложников. Возможно, среди террористов был и выродок из школы № 1. Каниди сказали: «Дед, можешь идти!», — он остался. Почти все время простоял у шведской стенки, хотя 1 сентября перенес еще один сердечный приступ. Массировал детям затекшие ноги, все время лекторским тоном пытался убеждать боевиков. Другой резонер, его друг, учитель труда Александр Михайлов, тоже пытался заняться воспитанием террористов. Тон не понравился — застрелили сразу.

После взрывов уцелела мина рядом со шведской стенкой. Иван Константинович лег на нее, загородил от детей и спрашивает у рядом находившегося заложника: «Какой проводок выдергивать?» — «Любой...». Дернул наугад, не взорвалась, выкинул за окно. И направил уцелевших детей в маленький спортзал, в дверь под баскетбольным кольцом. Этот зал он сам оборудовал «качалками», туда приходили по вечерам не только ученики. Говорят, заходил и разведчик террористов...

Дети пошли, а Каниди обернулся — боевик направил автомат: «Ты этого хотел — получи!». Крикнул детям: «Бегите, бегите, не оглядывайтесь!» — и схватился за дуло. Если бы не три дня жажды и голода, он бы свалил боевика за просто, а тут поехала нога. Но автомат отвел. Боевик, очевидно, выхватил пистолет: в груди три пробоины и одна пуля в голове. Контрольный выстрел.

Похоронили Ивана Константиновича Каниди не вместе со всеми жертвами теракта на новом кладбище, а рядом — на старом, где могила жены и где Иван Константинович заранее приготовил себе памятник. Мраморный, с открытой датой... Чего удивляться — он был мастер на все руки, одно время подрабатывал мраморщиком в Грозном.

Иван Константинович оставил дом в Грузии, который десять лет строил во время летних отпусков на скромные отпускные деньги. Оставил память он о себе и в Греции, куда ездил в голодные 1994—1995 годы. В семье он останется навечно, как и в памяти тех, кого спас. Маленький Янис помнит деда по греческому языку, на котором они разговаривали. В Греции у Каниди много родственников и бывших земляков. Останется ли теперь семья Каниди в России, где все жители Беслана, независимо от происхождения, — лица кавказской национальности?

Глава III

ВЫЖИВШИЕ В ПЕКЛЕ

Сваленные в груды тетрадки, чьи-то башмаки, разбитые стекла. Следы рикошета на стенах и сопровождающее все увиденное чувство дикого ужаса... Почти все классы сгоревшей школы напоминали последствия нашествия варваров — груды макулатуры, посуды, гильз и прочего остались даже после «зачистки» спецслужб. Недалеко от спортзала, в туалете первого этажа — остатки разорванного нижнего женского белья... Страшно даже думать о том, чем занимались там с заложниками эти изверги-террористы. Детям, прошедшим весь этот ад, он будет еще долго сниться. Но им повезло, они остались живы.

Семья Караевых

Караевым довелось пережить за свою жизнь многое. Мать Заминет вложила всю душу и силы в воспитание трех дочерей и сына. Семья долгое время жила в общежитии, пока Заминет не выдала замуж двух дочерей. Мать с двоими оставшимися детьми оттуда выселили, и они фактически оказались на улице. Одна родственница временно поселила семью в своем недостроенном доме. В помощницах у мамы осталась только младшенькая дочь Нино. «Она мечтала стать доктором или адвокатом», — говорит

одна из ее сестер Майя. 1 сентября Нино Караева пошла в 10-й класс. И в сентябре ей исполнилось бы 16 лет, если бы не тот злополучный теракт. Нино трагически погибла.

Алевтина Фадеева

12-летней Алевтине Фадеевой не повезло дважды. Сначала она стала заложницей среди сотен других жителей Беслана, а 3 сентября в спортзале Аля потеряла сознание. Когда очнулась, то поняла, что террористы забрали ее с собой в столовую. Там девочкой, как и другими заложниками, бандиты прикрывались от пуль спецназа.

После взрывов в столовой шестиклассница первой добежала до «скорой», но ее все-таки задела осколки взорвавшейся бомбы. Хирурги вытащили из тела девочки 25 из 30 застрявших осколков. Долгое время она с трудом ходила, а на ее теле остались чудовищные шрамы, которые болят до сих пор. Мама Али Светлана Сергеевна Фадеева — учительница начальных классов. Ее мизерной зарплаты едва хватает на то, чтобы содержать старшую дочь-одинадцатиклассницу и престарелую больную полиартритом мать.

Сослан Бетеев

— Я в школу не хочу идти. А что? Меня Зайка всему научит, буду дома заниматься, — говорит Сослан Бетеев. Зайкой в семье Бетеевых зовут старшую сестру Сослана, она ходит в другую школу, поэтому 1 сентября среди заложников ее не оказалось. А Сослан все три дня просидел в спортзале. Решил, что 12 лет — возраст вполне самостоятельный, и попросил маму не провожать: мол, будет неудобно перед ребятами, такой большой — и с родителями. Родители трое суток не смыкали глаз...

Сослан отделался достаточно легкими ранениями. Вскоре после освобождения он вернулся домой, в родную квартиру, где каким-то чудом умещается все большое семейство Бетеевых. Теперь, когда все самое страшное уже позади, им нужно думать, как поднимать детей. Но когда мы были в гостях у Бетеевых, коммунально-бытовые сложности, казалось, никого не волновали. Главное, что вся семья снова была в сборе.

Семья Арчиновых

Илина деловито расхаживает по двору, за ней на веревочке волочится воздушный шарик. Шарик лопается. Взрослые вздрагивают, Илина на минуту замирает. А дальше: несколько секунд звенящей тишины, а потом пронзительный, дикий рев. Но ничего не происходит, Илина удовлетворенно хмыкает и идет дальше по своим нехитрым делам — ей обязательно нужно примерить кепку.

— Нас Аушев вывел. Меня и дочь, — говорит Анжела Кокаева-Арчинова, мама Илины.

Арчиновы вспоминают, как 1 сентября родители и старшая сестра Анжела пошли в школу, чтобы проводить на занятия 13-летнего Николая и 7-летнего Ахсарбека, мальчик пошел в 1-й класс. Ахсарбек погиб, Николай тоже.

Андрей Кузнецов

Андрею Кузнецову 15 лет. Он теперь уже бывший ученик 1-й школы г. Беслана. В заложниках парень оказался вместе с мамой Татьяной и младшим братом, 9-летним Сережей. После взрыва и последовавшего за ним штурма мама и брат каким-то чудом смогли выпрыгнуть в окно. Андрюшу вынес на руках какой-то мужчина, мальчик был весь в крови, без сознания. Почти два месяца врачи боро-

лись за его жизнь. Андрей получил сильную контузию, долго лежал в коме, из всей семьи он оказался самым тяжелым пациентом. В Андрюшиной голове застряли несколько осколков от бомб, лопнули барабанные перепонки. Один из осколков врачи извлечь так и не смогли, через полгода Андрею сделали еще одну операцию по восстановлению барабанных перепонок.

Коковы

Рустам Коков 1 сентября провожал в школу 8-летнего сына Шамиля. Пошел с дочерью, 3-летней Лерой. Когда началась стрельба и террористы стали загонять людей в здание, Шамилю удалось убежать, а Лера и Рустам остались в школьной столовой.

Мы все три дня там провели, — вспоминает Рустам. — Я Леру из рук не выпускал, а вокруг были еще десятки детей. Они на меня смотрели, думали, что, раз большой, должен помочь. А что я мог сделать? Просто выть хотелось от бессилия. Я просто им говорил — садитесь поближе, берите меня за руки. Вот так и сидели. Те, кто не мог меня за руки взять, за ремень держались — им так все-таки спокойнее было. А уже 3 сентября, когда школу освободили, три часа в столовой бой шел, террористы отстреливались... Почему нас не убили, не знаю. Счастье... Может, у них просто руки не дошли.

Рустам выжил и почти не пострадал, ему удалось спасти Леру и помочь десяткам детей. Но боль и ужас от пережитого так и осталась.

Сима Албегова

Мы встретили Симу Албегову на развалинах 1-й школы. Она как тень ходила по изрешеченным пулями кори-

дорам, периодически останавливалась и в пустоту, явно не рассчитывая на случайных слушателей, монотонно говорила: «Вот здесь одну учительницу и ее класс расстреляли... Тут мужчин убивали... А ребятшек заставляли выкидывать их тела из окон...».

Симе Махарбековне 55 лет. До теракта в Беслане она работала в школе поваром. 1 сентября в числе других сотрудников школы оказалась в заложниках. «Я думала, что это сон! Что такого не может быть!» — рассказывала она. Два дня террористы сидели на сухом пайке (ели супы «Роллтон», шоколадки), а на третий нашли в холодильнике в столовой замороженных кур и приказали Симе Махарбековне их приготовить. Она не успела: прогремел взрыв, начался штурм...

Алена Даурова

Дом, в котором жила семья Дауровых, находился во дворе злополучной 1-й школы. Во время бесланского теракта у них погибли трое домочадцев — 35-летний Вадим Дауров, его 2-летний сын Георгий и бабушка Инэсса Патвакановна. Инэсса и Георик были смертельно ранены во время штурма, а в Вадима выстрелили, когда он выбежал из подъезда. Он скончался в больнице от ран.

Дочь Дауровых Алена также была в захваченной школе, но выжила — с тяжелыми ранениями ее доставили в больницу. Врачи достали десятки осколков из рук и ног, но один в животе все-таки остался. При каждом движении он отзывается болью. Только после Нового года девочка смогла пойти в школу. Но и это далось ей с большим трудом, даже несмотря на то, что с ней работал психолог. Ей по-прежнему снятся террористы.

В их семье сейчас осталось только двое — Алена и ее мама Светлана.

Зарема Дигурова

Она работала техничкой в школе № 1 с 1991 года — мыла полы, убирала, делала ремонт. С тех пор она без прописки живет в маленьком домике напротив школы № 1. После развода с мужем воспитывала шестерых детей. Старшему из них Аслану — 28 лет. В день захвата террористами школы он стоял возле своего дома, на руках была годовалая дочь. Аслан видел, как в школу загнали его мать. Он быстро сообразил, что делать. Закрыл за собой дверь, лег на пол и пролежал там 3 дня, прикрывая собой дочь. А в это время над головой свистели пули, разбивая все вокруг: стекла в окнах, стены, крышу, холодильник... Но Аслан с девочкой остались живы, впрочем, как и их мать. Зареме Дигуровой удалось собраться с силами и бежать после первого взрыва. Считается, что она легко отделалась — ранения, а затем тяжелая депрессия.

Тамила Татрова

Тамиле — 2 годика. Ее мама Алена Татрова преподавала детям осетинский и русский в той самой школе № 1. В скором будущем ей прочили директорское кресло. Но планам и мечтам было не суждено сбыться — Алена Ахсарбековна погибла вместе со своими учениками.

В силу возраста Тамила еще не понимает, что стало с ее матерью, но уже чувствует — случилось что-то страшное.

«Она постоянно обнимает фотографии матери, целует их, плачет, — со слезами на глазах говорит бабушка Тамилы Наталья Саламова. — Тамила тянет меня за палец на улицу, словно хочет там найти свою маму. И не объяснишь ей, что мамы уж нет в живых».

Отца у Тамилы нет. Как говорит Наталья Николаевна: «Непорядочный человек оказался, ушел из семьи, — и добавляет. — И в личной жизни Аленке не везло, а тут еще и такая беда...».

«Жить не хочется, — причитает бабушка. — Одно заставляет меня держаться за жизнь — Тамила...».

Хетаг, Алан и Льяна Кусаевы

У Чермена и Эльвиры Кусаевых трое детей: два сына, Алан и Хетаг, и дочка Льяна. Сыновья учились в 9-м и 8-м классах школы, а дочка перешла в 6-й. 1 сентября семья в полном составе пошла в школу. Все пятеро, хоть и израненные, остались живы. Родились в рубашках.

Хетагу и Эльвире досталось больше всех: их отправили лечиться в Москву. У Хетага было ранено колено, его мама носила на руке аппарат Елизарова. Пока Хетаг и Эльвира лечились в Москве, остальные члены семьи постепенно возвращались к нормальной жизни. Глава семейства Чермен вышел на работу, Льяна первой из всех детей пошла в школу. В 6-ю — как и большинство бывших учеников школы № 1. Учителя говорят, что девочка такая же забавная, как и прежде. Следом за ней в школу пошел Алан.

Но 1 сентября 2004 года и проведенные в захваченной школе дни никогда не уйдут из их жизни. И Кусаевы учатся жить с этим.

Маирбек Варзиев

Маирбеку всего восемь лет, но он хлебнул уже столько горя, сколько не снилось многим, дожившим до почтенных лет. Ему удалось выбраться живым из захваченной школы, его матери Анжеле — нет.

Каждая гибель страшна, но для семьи Варзиевых это потеря вдвойне. Отец Маирбека инвалид — производственная травма. Содержать Маирбека и его младшего брата Мурата на свое мизерное пособие он попросту не в состоянии.

Забота о детях легла на бабушку Симу Варзиеву: «Ма-ирбек первое время боялся даже на улицу выходить, — вздыхает она. — Только после общения с психологами немного успокоился. Но как его растить без матери?..».

Сармат Худалов

До трагических событий сентября 2004 года 9-летний Сармат Худалов практически не болел, даже не простужался. Однако после теракта не было ни дня, чтобы мальчик чувствовал себя хорошо. Взрывом его сильно контузило: он практически перестал слышать, его мучают постоянные головные боли.

Фатима Дзгоева

Десятилетняя Фатима Дзгоева 3 сентября 2004 года потеряла свою родную сестру Залину. Сама она была сильно ранена осколками. Первое время после операции у нее была парализована левая половина тела. Шансов, что она сможет вернуться к нормальной жизни, было 50 на 50. Медики Ростовской областной больницы смогли поставить девочку на ноги, она начала ходить.

Руслан Бигаев

Руслан Бигаев и до теракта в бесланской школе был нездоров: ребенок страдает детским церебральным параличом. Как следствие — множество сопутствующих заболеваний. После трех дней в спортзале к ДЦП добавились многочисленные ранения.

Весной Руслана и еще нескольких бывших заложников, пострадавших в результате теракта, пригласили на лечение в Израиль. Но прилетев на землю обетованную, родители узнали, что лечить их детей никто не собирается. Приглашаю-

щая сторона, как оказалось, звала осетинских школьников на обычный отдых. «Если бы нас предупредили, — говорят родители Русланчика, — то не повезли бы сына. Ему и так сейчас тяжело, а поездка только усугубила положение». И все же они не перестают надеяться, что мальчик когда-нибудь встанет на ноги и не будет кричать от боли по ночам.

Лариса и Сослан Меликовы

Во время теракта 5-летние двойняшки Лариса и Сослан почти не пострадали физически, но их психике был нанесен серьезный урон. Прошлой осенью они провели целый месяц в НИИ психиатрии Минздрава в Москве. Потом им старались помочь психологи.

Но до сих пор Сослан боится выйти даже в соседнюю комнату. Ситуация с Ларисой еще хуже: девочка стала просто неуправляемой, ей по-прежнему нужна профессиональная помощь психиатра.

Асет Тхостова

«Бог спас» — так говорят об Асе Тхостовой ее родные. После теракта она была в крайне тяжелом состоянии: первые несколько дней она пролежала в ростовской реанимации под искусственной вентиляцией легких. У 14-летней Аси, как сказано в медицинском заключении, множественные осколочные ранения. В том числе и в голову.

— Первое время она не могла видеть, — говорит ее мама Елена. — Но сейчас зрение постепенно восстанавливается.

Даже под невольным «домашним арестом» — а девочка практически не выходит из дома, — Ася продолжает учиться — на дому ей преподают бывшие учителя 1-ой школы. Не забывают девочку и преподаватели музыкальной школы Беслана, где Ася училась до теракта. Но по состоянию здоровья свои занятия музыкой она пока продолжать не может.

— Она очень тяжело переносит любой шум, — продолжает Елена. — Даже звук фортепиано. Изредка она подходит и пробует сыграть. Но пока не получается...

Диана Муртазова

От 15-летней Дианы Муртазовой врачи отказались — вначале во Владикавказе, потом в Москве. Все единогласно твердили, что она не выживет. Даже родители в одно время смирились с казалось бы неизбежным. Однако вопреки приговору врачей девочка осталась жива. Парализована, но жива. Спасти ее смогли хирурги клиники во Франкфурте-на-Майне.

— У нее перелом основания черепа, задет спинной мозг, — рассказывает отец Дианы Мурат. — Два месяца она была в реанимации, не могла даже самостоятельно дышать. Наши врачи уже с этим ничего поделать не могли и развели руками. Я не хочу сказать, что они что-то плохо сделали. Нет, просто не со всем они в состоянии справиться. И тогда решили отправить Диану на лечение в Германию. Это была последняя надежда на спасение.

В захваченной школе Диана была со своей матерью Фатимой и двумя своими младшими сёстрами — Викой и Мадиной. Обе ее сестры оставались дома под присмотром отца, когда мать со старшей дочерью ездила по больницам. Врачи немецкой клиники говорят, что, скорее всего, Диана ходить больше не сможет. Но кто знает — ведь когда-то эскулапы уверяли, что она не выживет.

Когда девочка приехала из Германии, первым делом ее повезли по святым местам: поблагодарить, что Диана осталась жива, и попросить у Бога успешного исцеления. Врачи сделали свое дело — остается надеяться на чудо. И очень хочется верить, что святые не оставят в беде.

Сослан Цаликов

Первые полгода, прошедшие после теракта, Сослан Цаликов провел в больнице. Осколочными ранениями были задеты печень, селезенка, седалищный нерв. Полгода парень не мог даже встать с постели, и только после полугода в Детской республиканской больнице в Москве он вновь потихонечку начал ходить.

— Он пока еще очень плохо ходит, — говорит его сестра Фатима. — За те полгода, что он был прикован к больничной койке, его мышцы атрофировались. Сейчас он, словно маленький, учится заново стоять на ногах.

Мурат Калманов

После трагических событий 1—3 сентября Мурат стал одним из героев Беслана. В городе знают, как он во время взрыва бросился к малышне, прикрыв детей своим телом. Известно и то, как он, раненый, вместе с физруком Иваном Каниди обезоружил террориста.

Благодаря самоотверженным действиям Мурата несколько детей остались целы и невредимы. А Мурат еще долго залечивал раны. Осколком перебило нерв на левой руке. 16-летнему школьнику пришлось делать и операцию на барабанных перепонках — последствие контузии.

С 14 лет Мурат учился во Владикавказе в суворовском училище. В бесланскую школу № 1 он перешел, когда его мать сильно заболела. Хотела, чтобы сын был с ней рядом. Мама умерла незадолго до теракта, но Мурат решил доучиться в Беслане до 9 класса, а затем вернуться обратно в училище. Отец у Мурата был офицером на таможне и погиб в 1994 году в стычке с бандитами.

Весной Мурат снова пошел в школу. Как и большинство — в 6-ю.

— Мне предлагают усиленно позаниматься и окончить сразу 10 и 11 классы, — говорит Мурат. — А после этого

хочу поступить в военное училище. Не знаю только, возьмут ли. Надеюсь, что за год мне удастся поправиться...

Алина Албегова

Алина Албегова — одна из тех, кто значится в списке детей, оставшихся без родителей после теракта. Но это не совсем так: своих родителей Алина потеряла еще задолго до тех трагических событий. Отец ушел из семьи задолго до рождения дочери, а мать умерла вскоре после родов. С восьми месяцев об Алине заботилась только ее бабушка Аза Хаджиметовна.

2 февраля 2005 года Алине исполнилось 14 лет. Ее, как и большинство учеников бывшей школы № 1, определили в 6-ю. Все её нынешние одноклассники — те, кому посчастливилось выжить после теракта.

— Довольно легко было привыкнуть к учёбе, — рассказывает Алина. — Вокруг одни знакомые лица. Учителя хорошие. Помогают нам догнать наших сверстников. И не ругаются, когда нас отправляют на обследование или лечение...

Саша Чеджемов

Чеджемова Сашу вытащили из школы чуть живым: ожоги составляли 40 процентов тела, он был изранен осколками. Полтора месяца Саша пролежал без сознания в реанимации в Ростове-на-Дону. 12-летний парень больше полугода провел в больнице: вначале в Ростове, потом в Москве.

В Ростове Сашиным родителям выделили материальную помощь. На эти деньги по просьбе мальчика был куплен компьютер. Именно о таком подарке мечтал подросток.

Вадим Томаев

Вадим Томаев уже почти залечил все свои раны, полученные после штурма школы. У мальчика были осколочные ранения по всему телу, повреждены барабанные

перепонки. Пришлось ему пройти и психологическую реабилитацию в институте Сербского.

После школы Вадим хочет поступить на юридический факультет Северо-Осетинского университета, а затем пойти на работу в следственные органы.

Залина Богазова

1 сентября Залина Богазова пошла в 11 «Б» 1-й школы Беслана. Ее сестра Фатима — в 9 «Б». Их мать Сима решила их проводить. На торжественной линейке 11-е классы стояли с самого края и Залине во время захвата школы террористами удалось убежать. Ее сестре и матери, увы, такого шанса не представилось. Они погибли.

Залина, как и все ее одноклассники, закончила 6-ю школу. Фонд Михаила Ходорковского «Открытая Россия» приглашал девочку доучиться в подмосковном интернате. Но девочка отказалась, сказав, что из Беслана не уедет. И еще, что в ее в аттестате должна быть запись об окончании 1-й школы.

Мадина Токаева

В захваченной террористами школе 14-летняя Мадина Токаева была вместе со своей младшей 13-летней сестрой Фатимой. К счастью, обе девочки остались живы. Старшая, Мадина, серьезно пострадала: у нее ранения в голову, в ногу. Один осколок остается в голове до сих пор. Врачи говорят, что удалять его опасно.

Тома Хаева

В Беслане нет такого жителя, который бы не знал театра моды «Кокетка». Местные жители приходили посмотреть на талантливых девчонок, демонстрирующих платья, сшитые руками жительниц Беслана. Среди них были Тома

Хаева и Света Цой. Обе — умницы, подающие надежды. Обоих долго не могли найти: их родители сходили с ума, ходя по кругу от больницы до моргов. В одном из них нашли Светочку. До теракта ее мать, руководитель «Кокетки», возила девочек в Москву на 8-й национальный конкурс детских театров «Мода вокруг нас». Коллекция Беслана называлась «Мир души». Маленькие манекенщицы выходили в оригинальных платьях, на которых были изображены храмы самых разных религий. «Мы хотим, чтобы все люди, независимо от того, в кого они верят, объединились...», — говорили тогда Тома и Света. Тома выжила, но старается о былом не вспоминать. А если вспоминает, то плачет. Ее лучшая подруга Света и родная сестра Эмма погибли.

Сереза Караев

У Сереза Караева во время теракта погибла мама Татьяна Базрова. Его отец — Сослан — разбился еще в 2002 году в автомобильной катастрофе.

А 10-летний Сереза после бесланской трагедии стал инвалидом 1-ой группы. Осколками ему буквально изрешетило всю голову. Один из них повредил височную кость: ее пришлось заменить специальной титановой пластиной. О том, что он остался совсем один, Сереза долго не знал. Почти полгода мальчик лежал в разных больницах — вначале во Владикавказской, потом в военном клиническом госпитале имени Бурденко в Москве, а затем и во Фрайбурге (Германия). Поначалу мечтал, что скоро его вылечат и он поедет домой в Беслан, к маме. Думал, что мамочку тоже ранило и она лежит в больнице, только не в Москве, как он, а в Израиле. Лишь перед наступлением 2005 года, когда Сереза в очередной раз попросил отвезти его домой, врачи разрешили родственникам мальчика сказать правду.

Алета Хасиева

На фоне трагедии детей, искалеченных в результате теракта в Беслане, незамеченным оказались судьбы педагогов первой школы. А ведь многие из них, прикрывая своими телами детей, сами серьезно пострадали.

— Зачем про нас писать, когда столько детей израненных? — удивленно говорит Алета Хасиева, преподаватель математики у старшекласников школы № 1 Беслана. Хотя она только в марте вернулась из Москвы, где проходила курс лечения. Затем — вновь операция: кость срослась неправильно.

Но о своих проблемах Алета Хасанбековна говорить не хочет. Она рассказывает, как её ученицы поздравили с 8 марта. Как ее коллеги — преподаватели бывшей 1-й школы — уговаривают вернуться и продолжать работать.

— Поначалу думала, что никогда в школу не вернусь, — говорит она. — Но коллеги сумели переубедить. Надеюсь, когда у меня заживет правая рука, я вновь выйду на работу.

Глава IV

ПОМИНАЛЬНАЯ ПЯТНИЦА

Дорога из владикавказского аэропорта в город идет через кладбище. Так что и через много лет первое, что увидит тот, кто прилетит в Осетию, — каменное напоминание о бесланской трагедии, о жестоком уничтожении нескольких сотен детей и женщин.

Мы приехали в Беслан осенью 2004, спустя три недели после трагедии. Тогда кладбище было еще не вполне похоже на то, каким мы привыкли видеть погост. Не было ни оград, ни крестов, ни могильных плит. Просто в чистом поле несколько гектаров распаханной смертью земли, почти сплошь укрытой живыми цветами, венками, уставленной бутылками с водой, пакетами сока и блюдами с традиционными осетинскими пирогами. Какой-то пир на поле смерти! Между могильными холмами было трудно пробираться — почти нет «межи». Да еще рискуешь свалиться в зияющую по соседству с уже обустроенной могилой свежевырытую яму. Она еще ждала того, кто обретет в ней, как говорили в старину, вечный приют. Ведь под бесланским мартирологом черта не подведена: останки многих людей тогда еще не были опознаны. Кто-то из родных уже смирился с фактом потери — и над пустующей пока ямой уже стоял столбик с именем ее будущего вечного поселенца. А кто-то все еще надеялся, что их сгинувшие без

вести сын или дочь обнаружатся живыми в каком-нибудь глубоком подвале, где они схоронились со страху и до сих пор боятся выйти на свет божий. И тогда над ямой таблички с надписью еще не было. Но место, считай, все равно занято.

В день, когда мы приехали, похоронили девочку. Ее труп — какой там труп, трупик, простите за сентиментальность, — три недели пролежал в морге. **Каждый день мать приводили на опознание, она переступала порог — и теряла сознание, так и не дойдя до тела дочки.** Но соседям, приходившим к ней в дом с сочувственными словами, говорила с порога твердо: «Мне не надо соболезнований, я никого не потеряла, моя дочка найдется...». Пока, наконец, набравшись сил, не дошла в морге до стола, на котором лежала ее девочка. И еще одна безымянная яма стала могильным холмом.

Дорога на кладбище

Когда наш самолет приземлился в аэропорту Владикавказе, уже вечерело, а пока мы взяли багаж и сели в машину, и вовсе стало смеркаться. К кладбищу, как я уже сказал, дорога привела сама. В этот час народу там было уже немного. У могилы 11-летней Анжелики сидели, по местному обычаю, на корточках двое мужчин. Один из них подозвал нас. Казбеку, как он представился, явно не хотелось, в силу тех или иных причин, «светиться»: попросил не фотографировать его, на вопрос о родстве с погибшей девочкой ответил как-то неопределенно — получалось, не то сестра, не то племянница. Но, видимо, необходимость высказаться, поделиться своим горем, была сильнее. Человек он, что называется, простой, и чувства свои выражал ясно, без всякой политкорректности. По Казбеку — мы излагаем его мысли, конечно, более литератур-

ным слогом, чем он сам, — пролитая кровь на Кавказе никогда не остается без отмщения. А кому мстить за Беслан, кто виновник происшедшего — Казбек знает хорошо. Когда его спросили об этом, он выразительным жестом показал в сторону стоящих на пригорке ингушских сел, отделенных от Беслана лишь негустой лесополосой и невидимыми с нашей точки обзора блокпостами.

Забегая вперед, скажем, что потом мы беседовали со многими людьми — и потерявшими близких, и не затронутыми впрямую бесланской бойней, прямолинейно-грубоватыми, как Казбек, и куда более интеллигентными, не забывавшими, что разговаривают с журналистами. Но все они рано или поздно произносили классическую фразу: то, что произошло в Беслане, требует возмездия. А на дежурный вопрос: кому они собираются мстить — кивали в сторону все тех же деревень.

Не беремся судить, прав ли наш кладбищенский знакомец Казбек и подавляющее большинство прочих наших осетинских собеседников, винящих в бесланском теракте соседей-ингушей. У осетин с ингушами старая, многовековая вражда, ее последним по времени рецидивом были хорошо памятные события осени 1992 года, которые начались захватом земель в Пригородном районе Северной Осетии. Не берусь разобраться, кто прав, кто виноват в этом вековом конфликте, лишь констатирую: едва задремавший после 92-го года вулкан после бесланской трагедии проснулся вновь.

...Пока Казбек изливал душу, по шоссе подъехал мотоцикл с прицепом, и спешившийся водитель стал деловито загружать свой «Урал» черноземом, заготовленным с другой стороны дороги, видимо, для обустройства нового кладбища. В голове у меня мелькнуло: кому война, кому мать родна — вот шустрый парень, решил прихватить кладби-

щенской земельки для своего огорода. Тем временем «шустрый парень» загрузился, но вместо того, чтобы пуститься восвояси, пересек дорогу и направил свою машину вглубь кладбища. У одной из свежих могил остановился и стал разгружать землю, насыпая аккуратный холм. 24-летний Игорь обустроивал могилу отца, Мокрова Владимира Григорьевича, 52-х лет. Владимир Григорьевич погиб 3 сентября, успев спасти младшего брата Игоря, 10-летнего Вячеслава, и еще нескольких ребят. Он своим телом закрыл сына от взрыва, а когда началась суматоха, выбросил Игоря и еще кого-то из его товарищей из окна спортзала. Выпрыгнул и сам, почти добежал до спасительного угла, но снайперская пуля настигла его. Увидев, что отец упал, Слава вернулся, хотел его поднять. Но помочь Владимиру Григорьевичу уже было нельзя. Слава вспомнил, что отец наказал ему еще в спортзале: что бы со мной ни случилось, беги, не оглядывайся. А тут еще мальчишка впереди упал, сраженный пулей, и Слава пустился наутек. Потом он был в Кисловодске, лечился (осколок в ноге), проходил курс реабилитации, а Игорь привыкал к новой роли главы семейства.

Мокровы — русские, еще прадед Игоря и Славы приехал сюда, в Северную Осетию, после войны. У Игоря какая-то поразительная, мягкая, словно извиняющаяся улыбка, с которой он рассказывал о семейной трагедии — без аффектации, без гнева.

Это вообще то, что едва ли не больше всего поразило нас в Беслане. Все здесь напоено горем, бедой, скорбью — но нет ни капли злобы и ненависти. Те же рассуждения о возмездии звучат строго, почти сакрально. Отомстить — не поквитаться. Эти рассуждения, независимо от того, выражены они языком «босняка» Казбека или блестящего человека, умницы, преуспевающего предпринимателя Юры Дзуцева, — на уровне тильуленшпигелевского «пепел Клааса стучит в мое сердце».

Но пока что бесланская история — это история не мести, а страданий, самоотверженности и достойной шекспировского пера родительской, братской, сыновней любви. Примеров много. Но сейчас о другом.

О том, что это еще и история замечательной самоорганизации общества. Общества, не то что бросившего вызов власти (до этого дело не дошло), но разочаровавшегося в ней из-за ее, власти, паскудного поведения, и решившего уповать на самого себя. Из-за чего разочаровавшегося — наверное, объяснять не нужно. Из-за ее лживости, бездарности, трусости и продажности. Кто, как не власть, открыл 1 сентября, как в страшной сказке, все пути-дороги в Беслан для тяжело груженных оружием машин террористов? Вспомним еще раз прямолинейного Казбека: «Сейчас виноватых ищут — а чего их искать? Пройди по Беслану: увидишь самые богатые дома — будь уверен, это дома ментов и гаишников. Все знают: взятку гаишнику дай — и хоть атомную бомбу провози...». Кто, как не власть, бездарно организовал — вернее, провалил — операцию по осаде захваченной террористами школы? И потом еще трусливо пытался свалить вину на самих жертв, утверждая, что местные жители, стоявшие в оцеплении, видите ли, помешали правильно организовать осаду. А люди в голос говорят: если бы не местные ополченцы, жертв было бы еще больше.

Общество ведет себя тактично и деликатно. Оно не то что оттесняет опозорившуюся, оскандалившуюся власть, но начинает действовать как бы параллельно с ней. Со всех сторон шли в Беслан посылки, денежные переводы. Чиновники из местной администрации поначалу монополизировали распределение поступающей помощи, но потом «в параллель» им возник учком — комитет учителей бывшей школы № 1. Добавлю: чудом уцелевших учителей, потому что погибли среди заложников 20 преподавателей школы № 1. Но вот некоторых Бог миловал — кого

вынес из этого ада, а кого-то и вовсе миновала, как говорится, чаша сия.

Преподаватель физкультуры Марина Георгиевна Бичоева не пришла 31 августа на педсовет и не знала, что торжественную линейку перенесли на полчаса раньше — с десяти утра на полдесятого. Это ее и спасло. Историчка Татьяна Урузмаговна Дулаева живет в соседнем со школой доме. Чем ближе живешь — тем чаще опаздываешь, это знает каждый школьник. Вот и Татьяна Урузмаговна вышла из дома со спасительным для себя пятиминутным опозданием. Подходя к школе, увидела цепочку бегущих друг за другом, четко, затылок в затылок, людей в камуфляже. Мелькнула мысль: очередной звонок глупого анонимного шутника о том, что школа заминирована, прислали саперов, весь праздник насмарку... Но вдруг она заметила нетипичные для солдат длинные волосы и бороду одного из пробежавших «саперов», и страшное подозрение закралось ей в душу. Прозвучавшая со стороны школьного двора автоматная очередь моментально превратила подозрение в уверенность: случилась беда. Но мимо самой Татьяны Урузмаговны эта беда, слава Богу, протопала коваными башмаками. Эпизод просто из фильма какого-то...

И вот эти люди, родившиеся, видимо, под счастливой звездой, создали комитет для помощи своим коллегам, ученикам — всем, пострадавшим от теракта. Организовали сайт www.beslan.ru — благо, помещение для учкома предоставил в своем компьютерном клубе местный бизнесмен, депутат Правобережного района Виссарион Асеев, — опубликовали на нем реквизиты банковского счета, списки пострадавших. Люди стали присылать деньги — за каждый рубль (евро, доллар) учком отчитывается на сайте: от кого пришел, кому из пострадавших отдан.

Говорят, деньгами горю не поможешь, но это неправда, пустая риторика. Еще у Бальзака, кажется, сказано, что

в бедности любое несчастье переживается тяжелее. А в Беслане люди в основном небогатые.

И вот каждое утро Ахмед Ганиев, на чье имя открыт в банке счет, едет туда, забирает строго определенную часть поступивших средств, Марина Бицоева и другие члены учкома составляют, уточняют тем временем ведомости. А потом Марина с Ахметом отправляются по адресам. Поехали с ними как-то и мы.

Горе Самвела

В тот день Марина развозила по три тысячи рублей на каждую пострадавшую семью. 14-летнего Шалву с перебинтованной головой мы встретили во дворе пятиэтажки, где он живет. Шалва вполне весел, на вопрос, было ли страшно сидеть в заложниках, ответил жизнеутверждающе: «Не страшно: я ведь там с соседями сидел». Отец Шалвы настроен не так оптимистически: рана у мальчика никак не заживает, гноится.

После Шалвы поднялись в одну из квартир, передали деньги кому-то из родственников пострадавшего ребенка, уехавшего на поправку в Сочи. Следующей в Маринином списке значится семья Русовых, которых Марина не знает (так-то, как учитель, она хорошо знает многих из тех, к кому нам предстоит сегодня зайти). Марина спрашивает у только что получившей деньги женщины:

— Теть Галь, а Русовы где живут?

— Армяне-то? В соседнем подъезде. Только я их с первого сентября не видела. Говорят, девочку, Анюту, сразу убило, мальчику, Мартину, ногу взрывом оторвало и он кровью истек, а жену Самвел никак найти не может. Он хотел всех в Армению отвезти похоронить. Может, туда и уехал?..

Идем к Русовым. Нет, Самвел дома, из Еревана он вернулся накануне, отвез туда гроб с телом одиннадцати-

летнего Мартина. А жену и четырехлетнюю Анюту нашел потом и всех похоронил. Со стены на нас глядит изумительной красоты девочка. Самвел рассказывает, что когда Анюте не было и года, ее фотографию опубликовали в местной газете: такая она была красивая, его Анюта...

Мы выходим от Самвела, Марина признается, что каждый раз, когда она возвращается из такой «экспедиции», у нее случается истерика. «Не могу: заходишь в дом, а с фотографии на стене на тебя смотрит или твой ученик, или коллега...». Марина, несмотря на хрупкость, женщина, как мне кажется, сильная. Не всякая с такой миссией справится, пусть и ценой вечерней истерики. Но ведь мы прошли только три адреса, а у нас в ведомости их 80.

Но спасает еще, видимо, разнообразие жизненных историй, ситуаций и характеров. Если бы несколько таких вот русовских случаев подряд, то срыв не только у Марины, но и у нас случился бы задолго до вечера. Но после Русовых мы попадаем к Кануковым — почти счастливым, жизнерадостным людям. Двое их детей, 16-летний Ацамаз и 14-летняя Фатима, были в заложниках, просидели все три дня, но вышли живыми.

Беглецы

Ацамаз за полчаса до взрыва умудрился убежать. Улучил момент, когда охранник отвернулся, и выскользнул в окно. Но вот ведь замечательная деталь: как ни торопился, а окно за собой аккуратно притворил. Помнил, что за каждого беглеца террористы обещали расстреливать по пятьдесят заложников, и поэтому не забыл скрыть следы своего бегства. Мать, улыбочивая Земфира, до сих пор не может понять, как он решился на побег: мальчик всегда был робким, физической ловкостью не отличался. А он объяснил просто: «Мама, мне так хотелось пить, что было уже все

равно — убьют, так убьют». Дежурившая, как и все родители, у школы Земфира вспоминает это чудо: бежит ей навстречу Ацамаз, она его хватается в объятия, а он вырывается, говорит: «Не обнимай меня, от меня мочой пахнет!». А сбежавший вместе с Ацамазом мальчишка рядом приговаривает: «Ой, меня мамка убьет, у меня в спортзале туфли остались, они девятьсот рублей стоили!..». И только что обратно за этими туфлями не собрался — еле удержали...

А у Ацамаза в спортзале остался первый в его жизни костюм, купленный родителями к 1 сентября. Он его в первый же день заложничества снял и аккуратно постелил на пол, чтобы сестре удобнее было лежать. Да что там «удобнее лежать»! Ацамаз с самого начала убежать мог и в заложники не попасть, так как старшие классы стояли на линейке почти за территорией школы и многие старшеклассники благодаря этому успели спастись. А Ацамаз кинулся искать Фатиму, пока искал — ловушка захлопнулась. Все три дня он ее опекал, накрывал своим телом, когда начинали стрелять, а она отбивалась: «Ну чего ты, бугай такой, на меня навалился, мне же тяжело!».

(Такой случай — не единственный. Десятикласснику Казбеку Дзарагасову удалось сбежать с той треклятой линейки, но по дороге он спохватился, что в заложницах осталась сестра-третьеклассница. Казбек вернулся и только что не постучался в дверь школы, уже превратившейся в тюрьму...).

А когда Ацамаз убежал из спортзала, Фатима обиделась. И когда он в первый раз к ней в больницу пришел, так и сказала: «Что же ты, сволочь такая, меня бросил?». Но это, конечно, так, в шутку: брат и сестра очень привязаны друг к другу, это вообще поразительная семья. Впрочем, таких поразительных семей в Беслане мы видели не одну и не две.

Фатима тоже родилась в сорочке, хотя и отделалась не так легко, как брат: при взрыве получила ранения желудка, руки, ноги, но сейчас уже дома, все постепенно зажи-

вает. Мать вспоминает, что девочка очень беспокоилась, на месте ли у нее пупок: осколок рассек брюшную полость как раз в этом месте. А еще Земфира рассказывает, что «вся попа у Фатимы была в мелких осколках, как в стразах, и блестела; сноха их всю ночь выковыривала». И мать, и дочь весело хохочут. Фатима тут же хватается за незаживший шов, но смеяться не перестает. Задаем девочке дежурный вопрос, было ли ей страшно, она отвечает: «Первые десять минут поплакала, потом думаю: чего я плачу, никто на меня внимания не обращает, никто не жалеет. И успокоилась». Бывают такие неистребимые оптимисты по жизни, все Кануковы, видимо, из их числа.

Теперь Фатиму больше всего волнует, не останутся ли шрамы. Советуем ей мазь контрактубис и обещаем прислать из Москвы, если в местной аптеке не найдут.

Самое поразительное воспоминание Фатимы, однако, другое. Она утверждает, что вынес ее после взрыва из здания школы человек в маске — один из террористов. Донес до ближайшего милиционера, которому Фатима кричала: «Подожди, дядя милиционер, не стреляй!», — положил на землю и побежал обратно в школу. Почему ты уверена, что это был террорист, — спрашиваем, — ведь в маске мог быть и спецназовец? Нет, — уверенно говорит девочка, — спецназ в тот момент в спортзал еще не пробился. У Фатимы такая устойчивая психика, ничуть не пострадавшая, в отличие от многих детей, от пребывания в заложниках, она так спокойно и точно, даже с юмором, как мы видим, воспроизводит канву событий, что ее воспоминаниям и впечатлениям стоит, как мне кажется, доверять.

Напоследок, прощаясь, Земфира Канукова говорит: «Вы побывали в счастливой семье...».

Из счастливой семьи — в несчастную. В доме, где жил 14-летний Хасан Рубаев, женщины готовят поминальный стол, а мужчины ожидают окончания приготовлений на ули-

це, во дворе. Сегодня третья пятница после дня смерти, 3 сентября, — поминальный день по христианским канонам. Мы заходим в комнату мальчика, где на кровати, в изголовье, его фотография и аккуратно сложенные вещи — школьные рисунки, учебники, рюкзак, одежда; под кроватью стоят кроссовки. И тут Марина не выдерживает, начинает плакать. Хасан был ее любимым учеником, и сам он из всех уроков любил только физкультуру, до остальной учебы охоч не был. Сквозь слезы Марина бормочет: «Вот уж была уверена, что Хасан-то выберется...». Но она быстро берет себя в руки, понимая, что кругом одни женщины и любая слеза здесь может спровоцировать такую стену плача... Старая бабка Хасана наливает нам по поминальной стопке, усаживает за стол закусить поминальным пирогом, отварным мясом и курицей, а потом мы уходим. Из одного горя в другое.

В доме Лизы Цириковой — такая же кровать с фотографией, только уложены на ней, помимо учебников, платьица и блузочки. И еще — свечка для именинного торта в форме цифры 8. 15 сентября Лизе должно было исполниться восемь лет, ко дню рождения все уже было готово. В первый же день плена, как мы знаем, многие люди разделись до нижнего белья из-за невыносимой жары и духоты. Лиза аккуратно сложила свою одежду и держала вместе с туфельками все время под мышкой, сказав матери: «Не оставим ничего этим плохим людям». У мамы на руках она погибла от прямого попадания осколка в голову. Мать выжила, но только с того момента ничего не помнит.

Удивительно красивые детские лица глядят с этих траурных фотографий, ни одного некрасивого, неинтересного ребенка. Какие-то они все еще поразительно фотогеничные.

А у выживших детей тоже очень красивые лица, только глаза стали... Недетские, что ли. Хотя и не сказать, что взрослые. В них печаль и опустошенность, и смотрят они как будто сквозь тебя, даже не по себе становится. У сирот

в детском доме такие глаза. Но, будем надеяться, это пройдет. Детские душевные травмы, говорят, заживают.

Есть, конечно, феномены, вроде Фатимы, чью жизнерадостность никаким мировым террористам, видимо, не сокрушить. Или вот Кристина Бекузарова, одиннадцати лет от роду. Сама Кристина была тогда в Москве, в больнице, с тремя осколками в области сердца, и о внучке рассказывал 80-летний дед, гордо показывая большую цветную фотографию, с которой смотрела девочка с неотразимой улыбкой. Когда Кристину вытащили из этого чертова спортзала, она была вся изранена, даже ушко порвано. Но, лежа на носилках и держась как раз за это ушко, первое, что она сказала деду: «Передай бабушке — пусть она не волнуется: сережки, которые она подарила, целы...». Когда ее приходили навещать в больницу и она видела, что у посетителя глаза на мокром месте, предупреждает сразу: «Если будете плакать, то больше приходите не надо».

Но в основном все дети, которых мы видели в Беслане, психологическую травму получили потяжелее физической. Заходим в квартиру Цагараевых. Сквозная дырка от пули, которую 11-летний Гоша получил в стопу, уже затянулась, скоро даже следа не останется. С виду с ним все в порядке, мальчик как мальчик, очень славный, красивый будет парень, сейчас уже видно. Лежит в трениках на диване, играет в «Данди». Только на улицу не хочет выходить, силком не вытащишь, а раньше очень любил гулять. В заложники Гоша попал вместе с матерью, после второго взрыва выпрыгнул в окно, а мама осталась в спортзале — взрыв ее оглушил. Гоша еще долго стоял под окнами, ждал мать, и только когда рядом кого-то из мужчин подстрелили, побежал. А Гошина мама, когда пришла в себя, стала искать сына. Уже начался пожар, а она все искала — спецназовцы вывели ее на улицу чуть ли не силой. Марина рассказывает мне, что Гоша — круглый отличник, один из самых одаренных учеников. Но

когда я спрашиваю его, хочет ли он в школу, мальчик категорически говорит: «нет». (И так отвечали очень многие дети; трудно сказать, когда они преодолеют шок, с которым связано у них теперь само это слово — школа).

Зато Гоша, который учится еще и в музыкальной школе, хочет играть на фортепиано. Но пианино стоит запылившееся, и мать не подпускает его к инструменту, просит подождать, пока пройдет хотя бы сорок дней с 3 сентября. Не время для музыки, тем более что под Цагараевыми квартира семьи Аликовых, которая погибла полностью. Вспоминаем, что обратили внимание на фамилию Аликовы в учкомовском списке пострадавших. Там Аликовы занимают строчки с 46-й по 58-ю, и только против двух из них стоит пометка «дома». А против остальных чередуется — «погиб», «погибла», «больница». Словно мор какой-то прошел по городу.

Вообще эти списки, вывешенные на улице около входа в учком, — отдельное впечатление. «Птах Алеша Викторovich, 1989 г.р., дома (он уже находился к нашему приезду дома). Озиев Вова Сергеевич, 1996 г.р., Москва, больница. Батагова Юля Алановна, 1996 г.р., (девочка погибла). Эти «Алеши Викторовичи» и «Вовы Сергеевичи» звучат по-детски трогательно и одновременно как-то по былинному. Не хватает только Алеши Поповича. Люди, особенно дети, останавливаются, ищут имена — свои ли, соседские — и, найдя, комментируют. Женщина, увидев чью-то фамилию, возмущается: «Как это, она же на улице сидела, на лавочке, ничуть не пострадала, каким образом она в этих списках оказалась?!». 11-летний Арсен Хасигов с младшим братом, размещенным на раме его велосипеда, с гордостью показывает свое имя: он был в заложниках. А потом, уже с грустью, имя мамы, Аиды Арчеговой. Мама была в больнице, в Москве, с челюстно-лицевой травмой.

26 круглых сирот осталось в Беслане. Но на Кавказе сирот не бывает — в том смысле, что в приюты детей не

отдают, как не сдают стариков в дома престарелых. Здесь другие традиции: у сироты всегда найдутся дальние родственники, которые возьмут на себя роль ближних.

...Как ни странно, но и Гошина мама на прощание говорит, что их семья считает себя счастливой: «Счет идет такой, что люди рады, когда у них только один погибший в семье...».

Одна дата смерти на всех

Горе втягивает в свою воронку, как водоворот. После поездок с Мариной по домам пострадавших мы вновь отправились на кладбище. Был, напомним, поминальный день, третья пятница. Вы видели когда-нибудь кладбище, где у каждой — без преувеличения, у каждой — могилы стоят и сидят люди? Ну, так и кладбищ, где на всех могилах одна и та же дата смерти, вы тоже, наверное, не видели.

И похороны в этот день были новые. Хоронили бабушку и внучку Кундуховых, Таиру Бешоловну, 1954 года рождения, и Кристину, 1997 года рождения. Их опознали накануне в морге. Опять с фотографии глядел какой-то неземной красоты ребенок в национальном осетинском костюме. Две ямы приняли гробы, засыпались землей, а третья, по соседству, пока пустует. Маму Кристины и невестку Таиры Бешоловны, Аллу Ходову, тогда так и не нашли. Это произойдет лишь несколько месяцев спустя...

Со временем, конечно, заполнятся все ямы, осядут могильные холмы, и бесланский погост внешне — если смотреть издали — приобретет сходство со всеми остальными кладбищами на российской земле. Правда, говорят, надгробья здесь решено поставить всем одинаковые, за государственный счет, чтобы ни одно не выделялось, не было размежевания на богатых и бедных покойников. Так что поэтому и издали, наверное, это кладбище будет производить необычное впечатление этаким огромной братской могилы.

Но вот вопрос: как жить дальше живым? Как жить городу Беслану — до 1 сентября одному из самых благополучных на осетинской земле. Сейчас, пока еще не прошел шок, люди живут по инерции. Находят спасение в составлении списков пострадавших, распределении помощи, обустройстве могил, приготовлении поминальных пирогов... Город в центре внимания, сюда приезжают делегации, журналисты — все это поддерживает видимость жизни. Но вот дальше, когда эхо событий стихнет и о трагедии Беслана — быстрее или медленнее — забудут все, кроме самого Беслана: что делать? Как жить на кладбище, среди бесчисленных теней Анжел, Анют, Мартинов, Хасанов, Лиз, Кристин и прочих? Не тогда ли их пепел застучит в сердца живых, требуя возмездия так громко, что не внять ему будет невозможно?

...Наш водитель Артур родом из Кармадона. Его отец даже снимался в главной роли в последнем фильме Сергея Бодрова. Артур вспоминает, как за месяц до схода лавины, похоронившей Бодрова и его группу, в августе 2002 года он был в Кармадонском ущелье, смотрел на вертикально нависавшую горную породу и удивлялся, как это она еще держится и не сходит вниз. А лавина не просто нависала — она сама словно сигналила об опасности: в ущелье резко изменился климат, не мог низко пролететь вертолет: скопившаяся масса влаги и породы буквально притягивала его к себе. Но люди игнорировали предупреждения природы. С начала 90-х годов была ликвидирована постоянно работающая в советское время гляциологическая лаборатория, наблюдавшая за геофизической обстановкой в ущелье.

Вот так и с современной российской политикой на Кавказе: стоим, смотрим и ждем, пока все окончательно не обвалится.

Глава V

НЕЛЮДИ

О числе террористов, захвативших школу в Беслане, спорят до сих пор. Официально их — 32, один из которых, Нурпаша Кулаев, был схвачен живым. Но с этой цифрой не согласны многие: как бывшие заложники, которым личное горе не помешало собственному подсчету, так и представители официальных органов — в том числе председатель парламентской комиссии по расследованию теракта Александр Торшин. Нет единства и по поводу национальной принадлежности бандитов. Поначалу говорили, что, мол, ни одного ингуша среди них нет. Оно и понятно — власти не хотели провоцировать межнациональную резню.

Вдохновитель теракта в Беслане Шамиль Басаев называл цифру в 33 боевика: «В «Норд-Весте» (операции по захвату бесланской школы) участвовали 33 моджахеда. Из них две женщины. Готовили четырёх, но двух 24 августа 2004 г. я отправил из Ингушетии самолётом в Москву. Там их посадили на два взорвавшихся самолёта. В группе было 12 чеченцев, 2 чеченки, 9 ингушей, 3 русских, 2 араба, 2 осетина, 1 татарин, 1 кабардинец и 1 гуран. Гураны — это народ, живущий в Забайкалье».

Но к высказываниям этого персонажа, особенно после заявления о причастности «чеченских моджахедов» к пожару в театре им. Станиславского в Москве в мае 2005 года,

следует относиться с изрядной долей скепсиса. Его заявления все больше начинают походить на речи психически нездорового человека, полностью оторванного от реальности.

Так что единственное, кроме голословных заявлений, чем приходится нам руководствоваться — это официальные данные Генпрокуратуры. Хотя складывается впечатление, что и там имеются сомнения по поводу численности и состава группировки. Так, по официальным данным следствия, банда была «в количестве более 30 человек». Национальности — «жители Чеченской Республики, Республики Ингушетия и других субъектов Российской Федерации, а также иностранные наемники». Эта цитата приведена из заявления заместителя Генпрокурора Николая Шепеля на процессе по делу Нурпаши Кулаева в Верховном суде Северной Осетии 17 мая 2005 года. Итак, получим ли мы когда-нибудь ясный и четкий ответ на вопрос, сколько было этих отморожков?!

В ожидании беспорядков

О том, что они придут, в Беслане знали многие — от рядовых милиционеров до простых горожан. Многочисленные свидетели утверждают: за 2 недели до начала сентября, то есть в середине августа, на местном Зильгинском кирпичном заводе, одном из крупных градообразующих предприятий, вдруг появилось сообщение о... возможном террористическом акте в начале нового учебного года. Горожан призывали быть бдительными, милиция просила граждан сообщать о подозрительных людях или об «интересной», с точки зрения компетентных органов, информации.

Уже тогда, в двадцатых числах августа, по городу поползли тревожные слухи, Беслан слегка насторожился. Впрочем, особого значения тому листку на заводской доске объявлений горожане не придали: во-первых, люди на Северном

Кавказе к угрозам давно привыкли, а главное, местные жители были уверены, что после июльского налета на соседнюю Ингушетию и августовского на Чечню — они в безопасности. Просто потому, что уж коли милиция открыто предупреждает об опасности, значит, она к отпору готова.

По свидетельству жителей, уже с 28 августа бесланские милиционеры на глазах всего города в один момент оцепили... местный отдел внутренних дел. Причем усиленными постами дело не ограничилось, полностью была перекрыта и заблокирована Октябрьская улица, на которой и находилось здание Правобережного РОВД. Был запрещен проход и проезд машин. По словам очевидцев, тогда, 28 августа, милиция охраняла в первую очередь саму себя, но не город: ни патрулей, ни постовых, ни солдат с оружием в Беслане не прибавилось. Понятно, что просто так оборону не занимают, для этого нужны веские аргументы или, как минимум, серьезная оперативная информация. Похоже, она действительно была.

Свидетели утверждают, что групп захвата школы было 3. Напомним, что, по официальной версии, все боевики подъехали на грузовике к школе, начали выгружать оружие и взрывчатку, одновременно загоняя детей и родителей в спортивный зал. Грузовик с оружием и бандитами, и правда был, но уже в самом спортзале заложники (хотя этот факт следствием пока не доказан) увидели не менее 10—15 человек с оружием. И они оказались здесь раньше тех, приехавших на грузовике. Бандиты распределяли несчастных по спортзалу, «уплотняли», покрикивали, били прикладами по спинам и, поторапливая, стреляли в потолок. Во дворе же «держали оборону» еще не менее 20 боевиков с автоматами.

В это же время со стороны спортивного комплекса напротив, через железную дорогу, к школе бежала третья группа. Свидетели, стоявшие на автобусной остановке рядом со спорткомплексом, с изумлением смотрели на то,

как прямо рядом с ними остановился грузовик, из которого выпрыгивали вооруженные люди и устремлялись к школе № 1. Их пробежало не менее 15–20 человек. И самое главное, тяжелой ноши у них с собой не было.

Выходит, если суммировать все свидетельства местных жителей, с разных сторон (а вовсе не на одном ГАЗ-66, как утверждается официально) в Беслан прибыло не менее 40–45 человек. Но как оказались внутри школы те 10–15 человек, «ответственных за встречу»? И сколько всего было этих нелюдей? В Беслане утверждают: в ночь на 1 сентября рабочие заносили в школу ящики, много ящиков. Сторожа и женщину-вахтера это встревожило не на шутку, они даже позвонили домой директору школы Цалиевой с вопросом: «Что происходит?». Ответ был шутливым: «Пусть заносят, лишь бы не выносили ничего». Может быть, именно так в школе оказалось оружие, а псевдоробочие в одну ночь превратились в боевиков?

Закладка же в библиотеке под полом действительно была, оттуда террористы заставляли мужчин-заложников подносить им взрывчатку. Тех, кто был против, расстреливали в одной из комнат. Жены расстрелянных, тоже бывшие заложницы, рассказывают еще, что на их вопросы: «Ну, как там?», мужчины отвечали: «Ничего хорошего». Оружия и взрывчатки там находилось очень много.

Взрывчатка, расположенная в спортзале и по периметру школы, приводилась в действие электродетонаторами. Свидетели утверждают, что боевики, вошедшие в школу, просто выдергивали в определенных местах из-под шпательки на стенах уже готовые шнуры и прикрепляли к ним заряды. Это, видимо, тоже входило в план летнего «ремонта». Отключить же электричество в осажденном здании спецслужбы не могли: работающий вентилятор хоть как-то гонял воздух в душном спортзале. По нему боевики и проверяли, есть ли в здании 220 вольт.

Позаботились «строители» и о самой большой прозрачной стене на 2-м этаже актового зала: высота стекла там была 6 метров, а длина — 5. Оттуда мог начаться штурм, но на две трети перегородка была просто... заложена кирпичной кладкой. Якобы для безопасности самих детей, резвящихся в зале и бьющих стекла... Потом эту стену не могли взять ни гранатометы, ни крупнокалиберное оружие.

Бандиты общались по-русски

16-летний Костя Марусич, бывший заложник, вспоминая все подробности происходящего в школе, был серьезен и внимателен, как разведчик. Отец у него русский, мать осетинка, оба языка знает хорошо. Террористы, которых он видел близко, говорили между собой или по-русски, или на незнакомом Косте языке. Он был в здании, когда начался захват, и не смог уйти, натолкнувшись на вторую цепь боевиков.

Потом, уже в спортзале, Костя слышал разговор захватчиков, что нужно вскрыть полы. Он показывает: вот здесь, на первом этаже, недалеко от входа, в библиотеке прорублены дыры в полу, отодвинуты слуги. Уходившие в библиотеку вернулись в спортзал с пластиковым мешком патронов. Версия о том, что террористы заранее, под видом ремонтников, заложили в школе свои припасы, официально опровергнута. Начальник управления образования Зарема Бургалова сказала нам, что отпустила на ремонт около 44 тысяч безналичных рублей, но они не успели прийти в школу — и ремонт в долг делала муниципальная бригада.

Боевики видели любое движение вокруг еще и потому, что успели поставить систему наблюдения. Несколько видеокамер, установленных внутри и снаружи здания, передавали сигналы на монитор, который террористы перемонтировали из школьного телевизора. Потом он

валялся разбитый на втором этаже, где были оборудованы боевые позиции. Были у них и более сложные приборы: как только под покровом темноты спецслужбы установили свои сенсорные датчики на частном доме рядом со школой, снайпер боевиков мгновенно уничтожил «жучки».

Впрочем, вскрытие полов в библиотеке эксперты объясняют тем, что террористы хотели посмотреть, возможна ли атака из-под земли. Хотя явная тщательность предварительной разведки делала эту операцию бессмысленной. Боялись, что снизу пустят газ? В спортзале они первым делом разбили окна, чтобы сквозняком исключить газовую атаку. Хотя сам выбор объекта захвата и огромное количество детей ее исключали, на всякий случай они взяли противогазы.

Такой профессионализм не стыкуется с объявлением наших доблестных правоохранителей, что заложников захватила кучка наркоманов. Может, террористам и помогли опустившиеся люди, согласившиеся подзаработать на смерти, но основной костяк группы составили отнюдь не бойцы-первогодки. А противостояли им, если не считать вмешавшихся в последний момент спецназовцев, солдаты-срочники и горстка милиционеров с пистолетами. Так что помощь местного ополчения, прикрывшего огнем разбегающихся после взрыва заложников, оказалась отнюдь не лишней, хотя до того они не дали установить нормальное оцепление. Впрочем, кто может гарантировать, что оно оказалось бы нормальным?

Костя встает в проеме раскуроченных дверей в коридоре первого этажа. Здесь взорвалась шахидка. Что это было — нервный срыв, отражение борьбы в группе террористов? Есть версия, что убитый милиционером на входе боевик был руководителем отряда, а один из террористов по кличке «Полковник» был вынужден принять командование. Начались разборки. Хотя вызывает сомнение авто-

номность действий отряда — уж слишком точно все было просчитано. Скорее всего, они имели постоянную связь со своим командованием.

Внутренней логикой не объяснить приступы жестокости, расстрелов, которые сменялись относительным спокойствием. Некоторые ведь могли внезапно и рассмеяться, когда малыш подходил с просьбой поиграть автоматом, и дать кусок еды, и сводить в туалет, а там разрешить смочить губы водой из раковины и набрать ее в майку, чтобы выжать в иссохшие рты малышей. Другие напоминали зомби, которые без приказа не сделают ничего. А чередование относительно доброго и запредельно жестокого поведения может быть вызвано корректировкой снаружи, которую разработчики операции проводили, исходя из реакции обороняющейся стороны и мирового общественного мнения.

Кто-то в спортзале ждал мирного освобождения, кто-то — штурма. Мужчины ждали гибели. Они видели, как сначала на второй этаж уводили тех, кто возмущался, и слышали выстрелы. Потом вызывали мужчин — убрать трупы, но обратно они уже не возвращались. Их тоже расстреливали. **В кабинете на втором этаже батареи под окном до сих пор в крови, лежат сигареты — их принесли потом, с мыслью о тех, кто перед смертью мечтал о последней затяжке...** Но одному удалось бежать. Он переваливал через подоконник одного своего умирающего земляка-армянина, тот умолял: «Добей!» — «Как я могу? Ты что?». Один из двоих охранников вышел, оставшийся менял рожок автомата, мужчина перевалил раненого через подоконник и сам выпрыгнул вслед. Охранник начал стрелять вслед, беглец пополз, волоча подвернувшуюся ногу. Милиционеры, слава Богу, бросили дымовую шашку — дополз. И рассказал, что происходит внутри.

Ложь и хаос множат преступления. Не было нормального оцепления — ушли в город террористы. Костя Мару-

сич, когда его водили на опознание, не увидел того боевика, который вел переговоры со штабом по телефону без малейшего акцента, свойственного жителям Кавказа. Все трупы были бородатые, а среди захватчиков таких было меньшинство, в масках же постоянно ходили лишь несколько боевиков. А вот предъявленного единственного живого террориста Кулаева в школе почти никто не запомнил. Может, конечно, его поймали снаружи, и был он одним из корректировщиков банды? Кстати, в первый день телевидение показало, пусть в маске, но явно другого пленного. Где шахидка, которую взяли в городе, работник штаба даже слышал взрыв пояса, снятого с нее? Гаишники рассказали нам, что в Ардоне поймали троих «закопченных» неизвестных, которые заблудились на угнанной машине.

Вооруженные группы, по мнению следователей, были созданы Шамилем Басаевым, Асланом Масхадовым, Магомедом Хашиевым и подданным королевства Саудовская Аравия Тауфиком аль-Джадани, именуемым Абу Дзейбом.

Террористы поименно

«В процессе работы по задержанию пособников с октября по январь месяц текущего года на территории Ингушетии спецподразделениями, которые принимали участие в задержании, были убиты оказавшие вооруженное сопротивление пособники боевиков по событиям в Беслане», — сообщил заместитель Генпрокурора России Владимир Колесников.

Вот они

Террористы Магомед-Башир Албаков и Урусхан Лолохоев были уничтожены 8 января на улице Тангиева на окраине Назрани. Оба принимали участие в нападении на Ингушетию в ночь на 22 июня 2004 г.

Последний из них — брат сержанта МВД Михаила Лолохоева. Он взорвал себя в кабинете замминистра МВД Иссы Торшхоева, куда его вызвали на служебное расследование после нападения на Ингушетию. Два бандита Хашиевых (Магомед и Саид-Магомед) были уничтожены 10 октября 2004 года в ингушском селе Гамурзиево. Известно, что они принимали участие в нападении на ингушских милиционеров. Абу Дзейт — 16 февраля 2005 г. в селении Кантышево Назрановского района Ингушетии. Аслан Масхадов — 8 марта сего года в селении Толстой-Юрт в Чечне.

К сожалению, про чеченца Абу Радия пока нельзя сказать, что он уничтожен. На момент сдачи книги в типографию он находился в розыске по подозрению в причастности к ряду терактов. Непосредственно в школе его не было, однако Радий участвовал в подготовке захвата. Еще он входит в так называемое террористическое подполье в Чечне.

А эти люди были в банде, захватившей школу: Нурпаша Абуркашевич Кулаев и Ханапаша Абуркашевич Кулаев — братья, чеченцы. Родились в селении Старый Энгеной Ножай-Юртовского района Чечни. Нурпаша в 1973, Ханапаша в 1980 году. Старший Кулаев давно известен спецслужбам. По их данным, он прошел обучение в одном из лагерей Хаттаба, после чего примкнул к отряду Басаева. В 1999 году он принимал участие в боях за город Грозный. Перешел в отряд Абу Аль-Валида и когда последнего убили, вернулся к Басаеву, став одним из его личных телохранителей. В 2002 году был арестован за нападение на комендатуру Ведено, но через год освобожден по невыясненным причинам. Носил кличку «Однорукий» — потерял руку во время нападения в Ведено.

Младший, Нурпаша, тоже знаком с российской пенитенциарной системой не понаслышке — первый раз он был задержан спецслужбами в 2001 году.

Маирбек Саид-Алиевич Шебиханов, родился в 1979 году, чеченец. Односельчанин Кулаевых. Тело бандита было опознано Нурпашой. Прокуратура Ингушской республики обвиняла Шебиханова в нападении на колонну федеральных войск 7 августа 2003 года на дороге между станицей Нестеровской и селением Алхасты Сунженского района. Поначалу Маирбек в преступлении сознался. Суд присяжных, однако, счел вину недоказанной, и 8 июля 2004 года, за полтора месяца до бесланских событий, террорист был выпущен на свободу.

Султан Магомед-Гериевич Камурзоев, родился в 1977 году в Казахстане, чеченец. В феврале 2000 был задержан по обвинению в участии в незаконных вооруженных формированиях Грозненским временным отделом внутренних дел. В апреле того же года отпущен на свободу в связи с истечением срока задержания.

Иса Жумалдинович Торшхоев, родился в 1981 году, ингуш. Житель ингушского города Малгобек. В июне 1999 совершил разбойное нападение на дом Магомедовых в Терском районе Кабардино-Балкарии, угнал у них скот. По горячим следам был взят сотрудником Моздокского РОВД, при задержании у Торшхоева была найдена боевая граната. В апреле 2000 Моздокский районный суд дал Исе 2,5 года условно. В июне того же года он был осужден вторично Терским судом. Его приговорили к 3 годам лишения свободы и тут же амнистировали. После протеста прокуратуры на решение суда Торшхоев ударился в бег и был схвачен лишь в марте 2001 года. Судья Терского суда Толпарова отпустила подозреваемого

под расписку. Дело было рассмотрено в июле 2002. За незаконное ношение гранаты и кражу Торшхоева приговорили к 4 годам условно. Но обвинение в разбое было по непонятным причинам снято.

Адам Магомед-Ханович Илиев, родился в 1984 году, ингуш. Тоже житель Маглобека. В сентябре 2003-го был схвачен на окраине поселка Южный вместе с двумя подельниками. Они занимались изготовлением взрывных устройств. При обыске были изъяты тротильные шашки, селитра, металлические шарики, провода, электронные часы. Однако через полтора месяца Илиева выпустили под подписку о невыезде, а вскоре, с согласия зампрокурора района, и вовсе прекратили дело. Магомед Мурцалович Хочубаров, родился в 1983 году, ингуш. Уроженец города Назрань, жил в Чечне. Был судим за незаконное хранение оружия. Бейала Баширович Цечоев, родился в 1973 году, ингуш. Уроженец ингушского села Сагопши. Тоже был судим за незаконное хранение оружия.

Руслан Тагирович Хучбаров, родился в 1972 году, ингуш. Кличка — «Полковник». Уроженец ингушского села Галашки. Жил в селе Знаменка-Орловская Орловской области вместе с русской женщиной, от которой имеет ребенка. В 1998-м УВД Орловской области объявило его в розыск за убийство. Тогда Хучбаров скрылся в Чечне. Состоял в отряде полевого командира Ибрагимова, участвовал в операциях с Арби Бараевым. Потом перешел в банду Басаева. Спецслужбы подозревают его в ряде крупных терактов, в частности, в расстреле колонны федеральных войск между селами Галашки и Алхасты 11 мая 2000 года и подрыве здания УФСБ Ингушетии 15 сентября 2003. Хучбаров участвовал в разработке плана теракта и лично закупал селитру

для изготовления взрывчатки, взорвавшейся у здания ингушских спецслужб. По оперативной информации, он также был причастен к подготовке женщин смертниц, которые были на «Норд-Осте», взрывали себя в Москве и Моздоке. Хучбарова называют главарем захвативших бесланскую школу террористов.

Ибрагим Магомедович Дзортон, родился в 1976 году, ингуш. Был в розыске в связи с нападением на ингушских милиционеров 22 июня 2004 года.

Адам Ахмедович Пошев, родился в 1982 году, ингуш. Также разыскивался в связи с нападением 22 июня.

Иса Аскереевич Торшхоев, родился в 1975 году, ингуш. Жил в Маглобеке. В марте 2003 вместе с шестью бандитами отстреливался от милиционеров, блокировавших дом. Тогда пятеро боевиков было убито, а Иса с подельником скрылись.

Мусса Исаевич Цечоев, родился в 1969 году, ингуш. Уроженец села Сагапши. Его разыскивали в связи с нападением на ингушских милиционеров. Кроме того, именно Мусса являлся владельцем грузовика ГАЗ-66, на котором боевики приехали к школе. Возможно, что он и сидел за рулем авто. А имя бандита стало известно 3 ноября 2004 года. В тот день в Нальчике арестовали его девушку Марину Коргиеву. В родном селе террориста остались его отец Исса Сосланбекович, мать Марем Уматгиреевна, жена Зарета Лечаевна Арсмирзаева и двое детей — Алина и Халис.

Хизраил Хансолтанович Ахмедов, родился в 1974 году, чеченец. Уроженец села Бильтюрт Ножай-Юртовского района Чечни. Входил в банду Басаева. В декабре 2000 попытался устроиться на работу в МВД Чечни. После проверки его «завернули».

Тимур Магомедович Цокиев, ингуш. Житель селения Сагопши в Ингушетии. По оперативной инфор-

мации, был мужем одной из террористок, погибшей в «Норд-Осте».

Ислам Саид-Алиевич Шебиханов, родился в 1985 году, чеченец. Он — младший брат Маирбека Шебиханова.

Аслан Ахмедович Ярыжев, о нем почти ничего не известно.

Также скудна информация и об иностранных наемниках. Шепель назвал только одного — подданного королевства Саудовской Аравии Абу Фаруха. А заместитель генпрокурора Колесников говорил также о некоем Магомаде, предположительно гражданине Турции. По данным ЦРУ, переданным в СВР, 3 сентября Абу Фарух звонил своей матери в город Джидан Саудовской Аравии, чтобы попрощаться. На какое смертельно опасное дело он собирался, остается только догадываться.

Владимир Анатольевич Ходов родился в 1976 году, украинец. Находился в розыске за изнасилование, а также по подозрению в причастности к терактам во Владикавказе 3 февраля 2004 и взрыва поезда Москва-Владикавказ 29 мая 2004 года. Единственный житель Осетии среди уничтоженных боевиков. С его односельчанами нам удалось встретиться, и мы расскажем о нем подробнее:

По кличке Абдулла

Село Эльхотово находится недалеко от административной границы. Через селение проходит железная дорога из Владикавказа на Москву. За горами уже Карачаево-Черкессия. Именно отсюда родом единственный официально опознанный террорист-осетин, который был среди террористов — Владимир Ходов по кличке «Абдулла». В Эльхотово от своего

соплеменника, убитого во время штурма, отрещиваются всеми силами: «не наш он» — вздыхают жители села.

— О нем вспоминать даже не хочется, — сказали в 3-й школе, где учился Ходов. А то, что он здесь жил, еще не значит, что он осетин. Ничего хорошего, что есть у нашего народа, он за 20 лет не впитал. Ничему не научился...

Мать террориста — Александра Самошкина из украинского города Бердянска. С Анатолием Ходовым Александра познакомилась в 1979, вышла за него замуж, и вскоре переехала на родину мужа — Эльхотово. Почти сразу после переезда у них родился ребенок, которого назвали Борисом. Так и жили вчетвером в небольшой квартирке большого дома (что для одноэтажного Эльхотово своего рода экзотика) на улице Зортова, почти в центре города. Мать работала медсестрой в больнице, отец — электриком колхоза «Кавказ».

Семья, по отзывам соседей, была беспокойная. Одни говорят, что все из-за матери — мол, крутой нрав был у нее. Отчим террориста в конце 90-х умер. По словам соседей, спился...

Учились братья кое-как. Сам Владимир после окончания 4-го класса решил, что и такого образования ему вполне хватит. Официально ни тот, ни другой нигде не работали. Чем они зарабатывали себе на хлеб — соседи толком не знают.

Младший из братьев, Борис, в 16 лет угодил в тюрьму — зарезал своего одноклассника. Мотив так доподлинно и остался неизвестен: по одной из версий, он не поделил «дозу» наркотика с приятелем. Ему дали 8 лет, и Ходов оказался в зоне заключения в районе Майкопа. А Владимир в 1998 году поехал навестить Бориса «на зону», и, как говорят, в дороге изнасиловал девочку. После этого Владимир Ходов был объявлен в розыск.

Дальше темная история. По одной из версий, насильника поймали, но он сумел выкрутиться. Во всяком слу-

чае, никто из бывших односельчан не помнит, чтобы он надолго исчезал из поля зрения. Владимир постоянно приезжал навещать мать. А по данным службы безопасности Украины — он до 2000 года проживал в квартире своего деда в Бердянске, скрываясь от уголовного преследования.

В заключении младший брат Владимира Борис принял мусульманство, а по возвращении (он отсидел 4 года вместо 8) обратился в ислам и старшего брата. Они вместе стали ходить в эльхотовскую мечеть.

В 2003 Борис надумал жениться на продавщице из сельского магазина Светлане Габисовой. Но девушка к ново-явленному жениху особой симпатии не проявила. Отчаявшись добиться ее руки, Ходов-младший украл Свету. И хотя «похищение невесты» до сих пор практикуется на Кавказе, но обычно это происходит с согласия обеих сторон. У «жениха» Габисова пробыла недолго: родители смогли вернуть ее домой целой и невредимой. А Ходов стал засылать Габисовым записки с угрозами.

Выяснения отношений между семьями закончились трагедией. Старший брат Светланы Иристон в ходе завязавшейся борьбы убил Бориса. Его признали виновным и в марте 2004 дали 7 лет. На похороны брата, состоявшиеся в июне 2003 года, приехал Владимир Ходов. Хоронил брата он по мусульманскому обычаю: достал тело из гроба, обмыл его, завернул в саван. Запретил брать с собой на кладбище венки, прочитал молитвы над могилой Бориса. И все время, по заверениям очевидцев, рядом с ним был какой-то странный небритый человек.

О Владимире Ходове заговорили снова, когда 3 февраля 2004 года во Владикавказе, в одном из самых оживленных районов города, была взорвана машина. Тогда погибли два человека, а в ходе следствия было установлено, что в автомобиле находилось взрывное устройство, сделанное из артиллерийского снаряда. Ходов оказался в числе подозреваемых.

Спустя два месяца, 29 мая, близ Эльхотова прогремели новые взрывы: 2 фугаса взорвались на железной дороге. На этот раз обошлось без жертв. И снова среди главных подозреваемых числился Ходов.

3 сентября 2004 Владимира Ходова убили во время штурма школы в Беслане. Односельчане утверждают, что незадолго до трагических событий он спокойно жил дома у своей матери.

— Мы проверяли эту информацию, — сообщили нам в прокуратуре. — Она сомнительна. Опросили всех, и никто не смог подтвердить, что Ходов действительно был здесь.

Но как бы то ни было, мать Ходова исчезла аккуратно в день штурма — 3 сентября. По словам соседей, за ней приехала машина. И люди в камуфляже увезли женщину в неизвестном направлении.

Есть большая вероятность того, что это могли быть представители спецслужб. Ведь Ходов был опознан не только благодаря дактилоскопической экспертизе, но и по свидетельству его матери. Где сейчас находится женщина — выяснить невозможно. Зато ее односельчане торжествуют. Сход села принял решение изгнать из села Александру Ходову. Поначалу хотели, по примеру Израиля, снести дом, в котором жил террорист, но потом решили, что лучше будет вручить ей билет на родную Украину. Но оказалось, что и на это тратиться не нужно.

Загадочный «Магас»

Есть группа террористов, существование которых официально никогда не подтверждалось. Но что странно, их участие в захвате школы в Беслане никто в спецслужбах не отрицает.

Самой загадочной фигурой среди так называемых неофициальных террористов является некто по кличке «Ма-

гас». Поначалу его называли главарем банды, напавшей на школу. Бандита уже разыскивали по подозрению в участии в июньском нападении на Назрань и за взрыв здания УФСБ Ингушетии. В частности, во время рейда на Ингушетию он лично убил и.о. министра внутренних дел Ингушетии Абукара Костоева и двух сотрудников прокуратуры. О том, что человек с кличкой «Магас» был в числе боевиков, свидетельствовал Нурпаша Кулаев. Первоначально считалось, что под этим именем скрывается ингуш Магомед Евлоев. Однако это не подтвердилось. Кроме того, выяснилось, что и Евлоев — имя не настоящее. Под ним скрывался бывший ингушский милиционер Али Мусаевич Тазиев. Он с 1998 года числился как «героически погибший при исполнении служебного долга». По данным спецслужб, Тазиев являлся членом группы Абу Аль-Валида.

Что странно, про «Магаса» очень быстро забыли. Уж не потому ли, что, по некоторым данным, ему удалось уйти из школы?

Похоже, по этой же причине умалчивали и об ингуше Изнаура Исаевиче Кодзоеве, 21-летнем уроженце села Кантышево. Известно, что он проходил обучение в лагере неподалеку от села Али-Юрт. Еще участвовал в нападении на Ингушетию. Его отец — Исса Кодзоев — лидер организации «Нийсхо» («Справедливость»), которая в начале 90-х призывала ингушей идти воевать с осетинами.

После теракта в Беслане утверждалось, что труп Изнаура опознан. Сотрудниками ФСБ в ночь с 1 на 2 сентября была доставлена в Беслан его жена, которая в видеообращении просила отпустить детей-заложников. Эта видеозапись был показана 3 сентября по телеканалу «Россия». Однако в действительности уничтожен Кодзоев был 13 апреля 2005 года! Согласно официальному сообщению пресс-службы ФСБ, в 6.00 в селении Альтиево (муниципальный округ Назрани) был блокирован дом № 11 на улице Дорожной.

В нем и укрывался Кодзоев. Сдаваться террорист не пожелал и был убит спецназом ФСБ. Боевика пытались уничтожить и раньше — в родном селении Кантышево, операция была проведена 6 января 2005, но тогда безуспешно.

Кроме этих, среди террористов, захвативших школу, назывались и следующие люди.

Абдул-Азим Лабазанов, родился в 1973 году в Казахстане, чеченец. В первую чеченскую кампанию воевал на стороне федеральных войск, дезертировал и стал участником банды полевого командира Тархана Газиева. После перебрался в бригаду Доку Умарова. По данным МВД, участвовал в серии терактов, организованных Саид-Эмиром Дадаевым. До начала августа находился в Чечне.

Арсен Мержоев. Поначалу сообщалось, что Нурпаша Кулаев опознал его среди убитых. Известно, что он односельчанин Кулаева. По некоторым данным, Арсен из влиятельной в селе семьи. И благодаря этому он оказался вне поля зрения спецслужб. Что интересно, в начале ноября 2004-го в родном селении Сагапши был задержан его полный тезка ингуш Арсен Мержоев. Как оказалось, его взяли за пособничество террористам, захватившим школу. Якобы он был в банде, знал о готовящемся теракте, в последний момент вышел из нее, но не сообщил о планах в правоохранительные органы.

Илесс Горчханов. По оперативным данным участвовал в ряде терактов с Ходовым и Хучбаровым.

Башир Плиев. Бывший сотрудник службы собственной безопасности МВД Ингушетии. О том, что он сотрудничает с боевиками, спецслужбы узнали после нападения в ночь на 22 июня на Ингушетию, где он выполнял роль координатора, знавшего о всех передвижениях и спецоперациях силовиков в республике. Его взяло в разработку УФСБ. В августе к нему пришли с обыском и нашли склад оружия. Но, предупрежденный сослуживцами, Плиев скрылся.

ся. Впрочем, МВД Ингушетии факт гибели своего бывшего сотрудника в бесланской школе отрицает.

Адам Куштов, ингуш. По имеющейся информации, самый юный из боевиков — ему было 17 лет. Уроженец пригорода Южный г. Владикавказа. Во время осетино-ингушского конфликта в 1992-м его семья переехала в Ингушетию, где проживала в лагере беженцев в селе Барсуки.

Магомед Аушев. Из бедной семьи, два брата работают на заводе. Был, по некоторым данным, у боевиков мелкой сошкой. Участвовал в нападении 22 июня на Назрань. 24 июня 2004 года Аушева задержали сотрудники карабулакского ГОВД, но после проверки в тот же день отпустили.

Еще сообщалось, что среди участников теракта был 22-летний гражданин Грузии Борис Иосифович Тетрадзе. По некоторым данным, он являлся проводником полевого командира Руслана Гелаева, многократно пересекавшего российско-грузинскую границу. Но повторимся: то, что эти люди имеют отношение к бесланской трагедии — всего лишь предположения.

Суд над Кулаевым

А ответ пока за всех держит Нурпаша Кулаев. Суд над ним, начавшийся в мае 2005 года во Владикавказе, казался бы, должен был дать едва ли не полную картину бесланской трагедии. Однако процесс едва ли не сразу превратился в трагифарс и наглядное свидетельство вопиющего непрофессионализма следствия.

Никаких сенсаций поначалу никто и не ожидал: все, что следствию было нужно, из уст Кулаева прозвучало уже 6 сентября 2004-го, когда пленный боевик вещал с телеэкрана, что хочет жить, а на дело их отряд послали Масхадов и Басаев. Уже тогда особой веры словам Нурпаши не было. И вовсе не оттого, что произносимое с экрана четко укладывалось в уже

тогда сформулированную линию прокуратуры: просто, откуда рядовому боевику знать, кто и как планировал такую масштабную операцию?! К тому же человек, мечтающий сохранить себе жизнь, вполне мог наговорить что угодно. В данном случае — то, что от него хотели услышать следователи.

И потому развал сценария обвинения вряд ли можно назвать сенсацией: совсем не по конспектам обвинителей вдруг заговорил подсудимый, осознавший, что терять ему просто нечего — иного приговора, кроме пожизненного, ему не светит, а в тюрьме он недолго проживет. Показания Кулаева на суде сильно отличаются от тех, что он дал на предварительном следствии. Нестыковку же их сам Нурпаши разъяснил просто: да я вообще не понимал, о чем меня спрашивали, плохо знаю русский язык. А на вопрос из зала, били ли его, ответил недвусмысленно: «А вы как думаете?».

Основная линия защиты Кулаева: сам он о готовящемся нападении заранее не знал, собрали и повезли на дело, во время захвата школы он ни одного выстрела не произвел. У него и еще у нескольких боевиков поначалу вообще не было оружия. Его он получил, якобы, уже в школе. В этом повествовании достоверно лишь одно: Нурпаши был взят (или сдался сам) уже без оружия в руках. Кулаеву-младшему повезло, что никто не свидетельствовал о том, что он вел огонь при захвате школы и принимал участие в расстрелах заложников. Следствие это тоже не доказало. А и как оно могло это сделать? После пленения террориста никто не догадался сделать смывы с его рук, провести элементарную экспертизу на предмет наличия или отсутствия на них пороховой гари. Видимо, спецслужбы посчитали, что и так все ясно.

И если бы не несколько свидетелей, которые показывают (хотя и не слишком уверенно), что 1 сентября Кулаев был вовсе не тем безобидным агнцем, каким кажется сейчас: «он суетился с оружием всюду, сгонял заложников в зал, вместе с другими боевиками конвоировал мужчин-за-

ложников на расстрел и, возможно, расстреливал сам», — то подсудимому вообще ничего нельзя было предъявить.

А уж во что совсем невозможно поверить, так это в то, что отряд террористов вышел на боевую операцию, имея в своем составе хотя бы одного невооруженного! Такого просто быть не может: а если засада, если проверка на дороге, если придется с ходу вступить в бой?! На дело шли не дилетанты, а тертые и опытные люди, гораздо опытнее тех, что брали «Норд-Ост».

Но это мелочи, касающиеся лично Кулаева и потому понятные: человек защищает свою жизнь так, как может. Куда интереснее иные признания террориста. Подтверждая версию прокуратуры, что на дело их вышло 32 человека, Кулаев, однако, утверждает, что какие-то боевики уже находились в здании школы до того, как туда ворвался отряд «Полковника»: «Мы не успели зайти во двор, как со второго этажа (по школьникам) стрелять начали». Любопытно, следствие о такой версии даже не заикалось. Это же означает, что была еще одна группа, засевшая в школе заранее. И это подтверждает слова наших свидетелей. Все-таки выходит, как мы и говорили, что террористов было не 32, а больше. И кому-то удалось уйти.

А вот другое откровение Кулаева иначе, как провокационным, назвать нельзя: он утверждает, что безопасный путь из Ингушетии в Осетию отряду «Полковника» подсказал милиционер, которого они взяли по дороге и которого посадили в кабину грузовика. Офицер и показывал, куда ехать. По показаниям Нурпаши получается нестыковка: это что, выходит, отряд вышел на такое громкое дело, не произведя ни разведки объекта, ни путей и подходов к нему, не произведя рекогносцировки местности, не отработав пути отхода?! Да это полная чушь, совершенно не стыкующаяся с тактикой боевиков. Ни один полевой командир не пойдет на дело, не отработав детальный план. Ключевой момент

операции — выход отряда к объекту атаки, потому что именно на марше боевики наиболее уязвимы. И невозможно поверить, что они будут спрашивать дорогу у случайно встретившегося милиционера, рискуя залететь в засаду.

Известно, что того ингуша-милиционера оперативники и следователи «мурыжили» полгода, выбивая признательные показания. Затем отпустили. Это означает, что против милиционера вообще не было никаких улик, даже косвенных — иначе он непременно сел бы в одну с Кулаевым клетку в зале суда в качестве подельника. К тому же Нурпаша ранее показывал, что сидел в кузове грузовика, под тентом, ничего не видел, не слышал. Так откуда же он может знать все подробности, происходящие в головном «жигуленке»? И зачем он вдруг реанимирует почившую, казалось бы, версию, проверить которую уже невозможно? Да еще и подписывает де-факто ингушу-милиционеру смертный приговор, подбрасывая дровишки в продолжающий тлеть осетино-ингушский конфликт. Вот и любопытно, сам ли Кулаев дошел до мысли такой или ему вновь подсказали?

Любопытно и другое откровение Нурпаши. Словно играя на настроенную против Дзасохова публику, он сообщает: главарь террористов «Полковник» был готов отпустить 300 заложников, если в школу придут президенты Северной Осетии Александр Дзасохов и Ингушетии — Мурат Зязиков. В принципе, это не новость. Вопрос в другом: а что мог обо всем этом знать рядовой боевик Кулаев? И вот тут какой-то Нурпаши Кулаев, взятый в дело, по его же словам, случайно, буквально накануне, да еще и безоружный — оказывается в курсе планов своего командира. Который — это тоже известно по показаниям свидетелей — вовсе не намерен был делиться этими планами даже с ближайшим окружением. Кулаев что, интервью у «Полковника» брал? И тот рассказал — парню, взятому в дело чуть ли не 31 августа, в боях и походах не проверен-

ному?! Тут одно из двух: либо Кулаев просто врёт, либо недоговаривает про себя и не такой уж он безвинный мальчик, а достаточно информированный и вовсе не рядовой боевик...

Но совсем уж, казалось бы, взрывает процесс самое громкое утверждение Кулаева: он сообщил, что взрывы 3 сентября в заминированном зале произошли не из-за нелепой случайности, как утверждает следствие (отклеилась от жары изолента, замкнуло контакт), а потому, что федеральный снайпер застрелил боевика, «который стоял на кнопке».

В принципе, это очень похоже на правду: гибель «человека с кнопкой» действительно вызвала бы подрыв. Однако мы все же решили освежить память: припомнили топографию местности, схему школы и еще раз пересмотрели собственные снимки, сделанные в то время. И пришли к убеждению: нет, тут явно что-то не то — заговаривается подсудимый!

Лишь один вопрос к Кулаеву: а видел ли он своими глазами, как прилетевшая пуля снайпера поразила подрывника? И где в этот момент был сам? Да и чем же тогда Кулаев занимался, если видел и момент гибели минера террористов, и тут же, навскидку, определил, что это дело рук снайпера, да еще и умудрился выжить при этом — несмотря на подрыв зарядов?! Да и кулаевское описание поведения «Полковника» несколько странно: детализация такая, словно Нурпаши не рядовой боевик, а ординарец или заместитель полевого командира! Не сходится тут что-то.

Лжет Кулаев! И дело здесь даже не в том, что он просто физически не мог видеть момент гибели минера (если только сам его не снял!). Все проще: версия снайперского выстрела в подрывника маловероятна. Хотя бы потому, что тот не торчал возле окна, а находился в глубине спортивного зала, там, где не просматривался ни со стороны главного входа, ни с другой. В первом случае окрестности представляют собой открытую местность и одноэтажный частный сектор — ни высоток, ни даже пятиэтажек, с которых удобно было бы «ра-

ботать» снайперу. Да, там есть хрущевки, но вид на спортзал им полностью перекрыт... другим крылом школы! И вообще, именно эту школу боевики выбрали для захвата не просто так — она, в отличие, скажем, от других, действительно расположена для обороны почти идеально — держит местность. И из здания школы неплохо можно держать под обстрелом всю прилегающую местность. Что и было сделано!

Так откуда же тогда стрелял тот снайпер — неужели из заднего крыла школы или, что еще нелепее, из внутреннего двора, подкравшись к окну?! Тот, кто своими глазами видел эту местность, в версии Кулаева усомнится. Да и не стыкуется снайперский выстрел с тем хаосом, что был тогда: что же это за спецоперация такая, когда снайпер снимает минера, а штурмовая группа застигнута врасплох?!

Наверное, до окончания процесса Нурпаши Кулаев выдаст еще несколько схожих «сенсаций» и они обязательно вызовут резонанс. Но какие к нему могут быть претензии, кроме уже предъявленных? Ведь слова Кулаева вызывают интерес лишь потому, что следствие и обвинение расписались в полном бессилии: ни нормального расследования не смогли провести, ни убедительной картины произошедшего не представили. Стоит ли удивляться, что Кулаеву верит все больше и больше тех, кто просто устал от официозных лжи и недомолвок?!

Бригады террористического труда

Трагическим событиям в Беслане предшествовала серия терактов в России. Первой «ласточкой» стало нападение на Ингушетию в ночь с 21 на 22 июня 2004 г. И, кстати сказать, немалая часть террористов («Полковник» - Хучбаров, Дзортов, Пошев, к примеру), атаковавших республику, осенью оказались среди захватчиков школы № 1. А оружие, которое использовалось в Беслане, было, по большей части, как

раз захвачено на ингушских милицейских складах. В результате той атаки погибло 78 человек и более сотни ранено. Была уничтожена верхушка республиканского МВД, в том числе и.о. министра внутренних дел Абукар Костоев, разграблены милицейские склады с оружием — похищено 1056 единиц оружия. Вылазка не имела прецедентов по своим масштабам — в ней участвовало, по некоторым данным, до 600 боевиков. По официальным данным банда была гораздо меньше — 90 человек. Боевики с легкостью захватывали милицейские блок-посты в одном из самых милитаризованных регионов России, беспрепятственно проникали на самые укрепленные объекты. И столь же беспрепятственно террористы ушли на рассвете.

Незадолго до нападения на Назрань, 17 июня, в Интернете появилось заявление Шамиля Басаева, что готовятся новые теракты, которые будут иметь «неожиданные и крайне болезненные последствия для путинского режима».

И действительно, в августе 2004 последовала череда терактов. 24 августа в 19.43 в Москве прогремел взрыв на автобусной остановке на Каширском шоссе. К счастью, он произошел в момент отхода автобуса № 742, а потому на остановке осталось мало людей. Пострадало 4 человека — погибших не было.

В этот же день около 23 часов, с разницей в 9 секунд, происходят взрывы на пассажирских самолетах: ТУ-134, выполнявшем рейс 1303 Москва-Волгоград, и ТУ-154, следовавшем рейсом 1047 Москва-Сочи. Первый самолет упал в Тульской области, второй — в Ростовской. На борту ТУ-134 находилось 35 пассажиров и 9 членов экипажа, на ТУ-154 — 38 пассажиров и 8 членов экипажа. Всего — 90 человек. Причиной катастрофы лайнеров стали взрывы, произведенные упомянутыми нами террористками-смертницами на борту. Ими оказались Амнат Нагаева и Сацита Джебирханова. Басаев утверждал, что именно он направил шахидок в Москву.

Но единственными виновниками в этом теракте на сегодняшний день считаются сотрудник авиакомпании «Сибирь» Николай Коренков, билетный спекулянт Армен Арутюнов и капитан милиции Артамонов, якобы недосмотревший за террористками. Первые два были признаны виновными и получили по полтора года тюрьмы, а капитан — 7 лет. О службе безопасности аэропорта, досматривавшей террористок и пропустившей их со взрывчаткой на борт лайнеров — ни слова.

Спустя неделю, 31 августа, в 20.05 в Москве взорвала себя сестра Амнат Нагаевой — Роза у станции метро «Рижская». В результате погибло 10 человек и еще 51 ранены. А среди убитых нашли давно разыскиваемого спецслужбами Николая Кипкеева. Как выяснилось, он «курировал» женщину-террористку и сам оказался в зоне поражения.

На следующий день случился Беслан...

Предвестники трагедий

Но есть еще одна версия. Некие «Бригады Исламбули» также взяли ответственность за августовские теракты в России. И это не миф и не чья-то глупая шутка, как тогда поспешил сообщить кто-то из российских экспертов. Люди, стоящие за этой вывеской, принадлежат к ядру руководства «Аль-Каиды». Это реальный след, и Россия обязана потребовать выдачи головорезов от укрывающего их Ирана — своего южного соседа, которого она упорно продолжает считать своим другом. Остается непонятным, почему тогда российские спецслужбы не отработали вполне реальный иранский след последних терактов?

Известно, что «Бригады Исламбули аль-Каиды» — это полное название — подразделение глобальной сети Усамы бен Ладена. Его представители предупреждали на своем сайте в Интернете, что взрывы авиалайнеров — это «толь-

ко начало кровавой войны против тех, кто посвятил себя уничтожению ислама».

Поскольку название группировки наводило на мысль о причастности к ней граждан Египта, египетские правоохранительные органы быстро нашли и компьютер, с которого пришли тексты заявлений, и провайдера сайта, на котором они были размещены. Российская пресса, ссылаясь на египетскую, тогда сообщила, что группировка была совершенно «безобидной» и после произведенных арестов прекратила свое существование, сайт был закрыт; один из арестованных, некто Махмуд, на допросе будто бы показал, что опубликовал заявления от имени вымышленной организации шутки ради.

Вообще-то в Египте, где с исламистами расправляются с фараоновой беспощадностью, а при допросах широко практикуются пытки, такими вещами не шутят. «Разгром» компании шутников, впрочем, не помешал им опубликовать 4 сентября очередное заявление от имени «Бригады» — на сей раз о непричастности к захвату заложников в Беслане. При этом они, однако, не осуждали, а, напротив, приветствовали действия «братьев в Чечне, защищающих свои честь и веру»; ответственность за происходящее в Беслане несет, по мнению авторов послания, «отвратительное российское правительство».

Еще раз «Бригады» дали о себе знать после кровавой развязки в Беслане — своей следующей мишенью они объявили «главу государства неверных» Владимира Путина.

Что же такое «Бригады Исламбули» — миф или реальность? Эксперты расходятся во мнениях. Многие из них полагают, что это какая-то эфемерная или даже виртуальная группировка. Другие воздерживаются от категорических оценок. Впервые «Бригады» дали о себе знать 31 июля 2001 года, когда террорист-смертник покушался на жизнь министра финансов Пакистана Шавката Азиза, едва на-

значенного на пост премьер-министра. Прежде о террористической группе с таким названием никто не слышал. Но в мире террора это ничего не значит: группировки часто в целях конспирации манипулируют названиями — называются чужими, изобретают новые, видоизменяют старые. Зато имя Халида Исламбули на Ближнем Востоке широко известно. Адепты террора почитают его как героя и предшественника нынешних террористов-самоубийц.

Халид Ахмед Шавки аль-Исламбули — офицер египетской армии, член тайного исламистского общества «Джамаат аль-Джихад» и организатор покушения на президента Египта Анвара Садата в 1981 году. После убийства Садата он был схвачен и казнен. У казненного остался старший брат Мохаммед. Сейчас ему 49 лет. Он пошел по стопам брата и примкнул к радикальной группировке «Аль-Джамаат аль-Исламия», организованной молодым врачом Айманом аль-Завахири, впоследствии ставшем «правой рукой Усамы бен Ладена».

Оба, и Завахири, и Исламбули, заочно приговорены египетским судом к смерти за организацию покушений на жизнь премьер-министра Египта в 1993 году и президента Мубарака в 1995-м. Имя Завахири оказалось тесно связано с Россией после того, как в декабре 1996 года он пытался добраться до Чечни, однако вместе с двумя сопровождающими был задержан в Дагестане за нелегальное пересечение границы. Поскольку на руках у Завахири был суданский паспорт на вымышленное имя, а сам он был без бороды, в европейском платье, и представлялся коммерсантом, дагестанские спецслужбы не признали в нем одного из самых опасных террористов мира (о Усаме бен Ладене никто тогда и слыхом не слыхивал). Впрочем, некоторые эксперты этим объяснениям не верят — они предполагают, что в дагестанском отделении ФСБ у Завахири нашлись сочувствующие или даже сообщники. Петицию, призываю-

щую власти освободить Завахири, подписали 26 мусульманских священнослужителей Дагестана и депутат Госдумы Надир Хачилаев. После того, как Завахири и его подельники были приговорены судом к лишению свободы сроком на шесть месяцев и почти сразу же освобождены из-под стражи с учетом предварительного заключения, их почему-то не выдворили из страны. Они провели в Дагестане после освобождения еще 10 дней, встречаясь с местными ваххабитами; один из помощников Завахири провел переговоры с Хаттабом.

Сейчас очевидно, что арест в Дагестане был идеальным шансом воспрепятствовать созданию глобальной сети террора. Оставшись на полгода без шефа, его группа почти распалась. Завахири, как утверждают осведомленные люди, на самом деле не столько «правая рука», сколько «голова» бен Ладена. Впрочем, упущенных шансов было много и у американцев.

Вернемся к Исламбули. Следующая глава его одиссеи связана с Ираном. Как утверждают осведомленные люди, базирующиеся в Чечне арабские моджахеды находятся под контролем именно иранских главарей «Аль-Каиды», прежде всего Заркави и Исламбули. О том, что Заркави руководит «чеченскими арабами», говорил 5 февраля 2003 года в своем выступлении на Совете Безопасности ООН еще госсекретарь США Колин Пауэлл. На схеме, которой он иллюстрировал свое сообщение, представителем Заркави в России значится Абу Хафз, заменивший Хаттаба и Абу аль-Валида на посту командира бригады арабских моджахедов «Аль-Ансар» в Чечне. Его называют также именем Абу Хафз аль-Урдани («Иорданец»), дабы отличать от Абу Хафза аль-Масри («Египтянина»), устроившего взрывы на мадридском вокзале, а сам он в своих воззваниях называет себя «командующим восточным фронтом на Кавказе» и «представителем военной шурры правительства моджахедов». Но в насто-

ящее время у Заркави много «работы» в Ираке: в один день со взрывом у метро «Рижская» в Ираке головорезы (в буквальном смысле слова) Заркави убили 12 непальцев, работавших поварами и уборщиками в иорданской компании. Всего вероятнее, оперативный контроль над чеченскими моджахедами перешел к Мохаммеду Исламбули, который тоже не раз бывал в Чечне. Если это предположение справедливо, нет ничего удивительного или необычного в том, что российские теракты Мохаммед посвятил памяти брата.

В свете всего вышеизложенного высказывания некоторых российских экспертов о том, что «Бригады Исламбули» — организация «безобидная», выглядят несколько опрометчивыми, легковесными и преждевременными. Египетская ячейка исполняла вспомогательные функции и никогда не была главным звеном. Существуют ли «бригады» как автономное подразделение в составе «Аль-Каиды» или это вывеска одноразового пользования — не суть важно. Люди, назвавшиеся этим именем, существуют.

Почему так быстро сошли на нет разговоры про «Бригады Исламбули»? Отработало ли следствие этот след? Имеют ли «Бригады» отношение к Беслану? 6 сентября минувшего года советник президента России Асламбек Аслаханов сгоряча сказал журналистам, что террористы «получали приказы из-за рубежа». Тема эта не получила развития, и совершенно ясно почему: Иран — не та страна, которую Москва хотела бы обвинить в поддержке международного терроризма. Правительство России или туманно намекает на некие темные внешние силы, добивающиеся распада России, или расточает гневные филиппики в адрес Нидерландов, посмеявших запросить информацию о случившемся, или, наконец, обвиняет в укрывательстве террористов Вашингтон и Лондон...

Следствие по делу о теракте в Беслане пока также не дает на этот счет ответа.

Глава VI

ВОЗВРАЩЕНИЕ В РЕАЛЬНОСТЬ

Но поиски организаторов бесланской трагедии оказались не самым печальным во всей этой истории. Пока спецслужбы собирали информацию о всех террористах мира, в Беслане люди пытались начать жизнь после случившегося. В первые дни они делали это как по инерции. Более 660 пострадавшим требовалась срочная медицинская помощь: в больницы Москвы было направлено 207 человек, в клиники Ростова-на-Дону — 16, в лечебные заведения Германии 4 ребенка. В стационарах Северной Осетии оставались 433 пострадавших, из них 250 детей. Выживших и не нуждавшихся в срочном лечении заложников отправляли на реабилитацию в Краснодарский край. Ну, а дети возвращались за парты. Некоторые из них закончили учебный год в школе № 6, расположенной неподалеку от разрушенного здания 1-й. У входа в учебное заведение весь год по очереди, сменяя друг друга, дежурили родители и милиция. А психологи из Москвы и Владикавказа помогали бесланским детям адаптироваться в сложных условиях после теракта. Ведь многие ученики, даже не будучи заложниками, пережили не меньший ужас. Например, старшеклассникам приходилось помогать взрослым таскать трупы и раненых, как на войне. У всех были потери — сестры, братья, родители, одноклассники... От пережитого горя

многие повзрослели раньше времени. Некоторые дети первые дни не могли даже говорить. «Теракт отнял у малышей детство, а у старшекласников — юность», — говорили нам в Беслане. Для работы с детьми в бесланской поликлинике была оборудована специальная комната, в которую нанесли полным-полно игрушек. Многих ребятишек снова учили нормально двигаться, думать и смеяться.

— Больше половины наших пациентов — дети, — рассказывали нам московский психолог, доктор психологических наук Александр Венгер и кандидат психологических наук Елена Морозова. Александр Леонидович принимал участие в реабилитации жертв землетрясений в Армении, а 2 года назад вместе с Еленой Ивановной и группой коллег из института Сербского оказывал помощь пострадавшим от теракта в «Норд-Осте». Потом доктора приехали в Беслан. — В среднем возраст детей — 10—12 лет. Самому младшему 4 года, старшему — за 20. Конечно, мы работаем и с родителями, так как психическое и физическое здоровье детей в огромной степени зависит от состояния их родных. А наши пациенты в первую очередь боятся террористов. Они вообще со страхом реагируют на незнакомых людей. Другие фобии — это боязнь темноты и одиночества. Очевидно всеобщее нарушение сна. Кроме того, после теракта дети очень мало едят или совсем отказываются от еды. Некоторые из них забираются в шкафы: таким образом они прячутся от террористов. Другие защищаются, завязывая двери на веревочки.

К каждому пациенту требовался индивидуальный подход. Некоторым родителям врачи советовали укладывать детей спать рядом с собой, пока не пройдет острый период страха. Пусть даже речь шла о 15-летнем подростке.

А еще нам рассказали о бывшей заложнице, пережившей глубокую депрессию. Женщина считала себя недостойной оставаться в живых после произошедшего. Она считала

себя невероятной трусихой. И это несмотря на то, что во время событий она добровольно вошла в школу и просила террористов вывести группу детей в туалет. Несколько раз ей удавалось уговорить их это сделать. Когда детьми прикрывались как живым щитом, поставив их на окна, она умоляла встать вместо них. Чувство вины у женщины появилось из-за того, что она не смогла спасти дочь подруги. Женщину пришлось очень долго возвращать к жизни. Как и педагога одного училища. Она винила себя в смерти детей, которых в тот день послала в школу взять документы...

На грани безумия

Но психологическая помощь была не единственной, в которой нуждались бесланцы. Случилось так, что тем, кто смог найти, опознать и похоронить своих родных, как это ни парадоксально звучит, завидовали. Потому что долгое время многие горожане не могли найти близких ни среди живых, ни среди мертвых. Неопознанные трупы и фрагменты тел свозились во Владикавказ, а потом и в Ростов-на-Дону на экспертизу. Поначалу родственники терпеливо ждали, ездили по моргам, обрывали телефонные провода чиновников. А потом на бесланском кладбище вскрывали могилы. Делать это пришлось из-за небезосновательного подозрения, что в них захоронены совсем не те, чьи имена указаны на надгробиях. Скандал разразился в начале декабря 2004. В доме погибшего школьника Сослана Бероева раздался телефонный звонок. Звонили из прокуратуры. Деду Сослана Георгию сообщили, что его внук опознан в Ростове-на-Дону. Между тем Сослана похоронили вместе с его братом-близнецом Асланом еще 5 сентября, через 2 дня после штурма. Но после вскрытия могилы выяснилось, что под табличкой «Сослан Бероев» похоронен другой ученик бесланской школы — Борис

Джибилов. В свое время мать Сослана опознала во владикавказском морге тело сына всего по 2 признакам: по его трусам и по ногтям ног. Как раз к 1 сентября братьям купили полный комплект одежды, начиная от костюма и заканчивая трусами. Больше узнавать было просто не по чему — тела обгорели полностью. На сей раз тело Сослана привезли из Ростова в Беслан в закрытом гробу и захоронили не раскрывая. Родственники надеются, что генетическая экспертиза не ошиблась — третьи похороны ребенка они просто не вынесут. Сослан — не единственная неправильно опознанная жертва. Точно также перепутали девочек Азу Гумецеву и Мадину Томаеву. На этом счет судебно-медицинских ошибок не закончился. И подобная скандальная ситуация могла сложиться только в одном случае: государство, обязанное провести экспертизу погибших, полностью устранилось и пустило опознание на самотек. «А что мы? — сетовал начальник республиканского бюро судебно-медицинской экспертизы Юрий Гуцаев. — Раз родственники опознали, мы должны были на этом основании выдать тела для захоронения». Сколько всего таких ошибочно похороненных — судить сложно. Так, в январе 2005 года власти согласились передать Владимиру Кисиеву останки внука, уверяя, что после анализа ДНК ошибки быть не может. Вот только предложили ему 2 тела на выбор. Во время теракта у Кисиева погибли сын и внук. 32-летнего Артура террористы расстреляли в первый же день захвата школы. Владимир опознал и похоронил его. 6-летнего Аслана, погибшего при штурме, долго не могли найти. Сначала Владимиру позвонили из прокуратуры и сказали, что семья Чеджемовых предала земле его внука по ошибке. Чеджемовы в свою очередь уверяли Кисиева, что никакой ошибки быть не могло. После этого власти согласились передать Владимиру останки Аслана, уверяя, что на этот раз, после анализа

ДНК, это точно его внук. Убитый горем пожилой человек нашел в себе силы приехать в морг, где ему предложили на выбор 2 тела... Кисиев померил размер ноги этих несчастных мальчиков, дома сравнил замер с обувью Аслана. И оказалось, что у внука при жизни нога была на 3 сантиметра меньше. Справедливо рассудив, что ноги у покойников не растут, Владимир Кисиев тело забирать отказался. Будь Кисиев такой один, все еще можно было бы списать на трагическое стечение обстоятельств. Но в схожую ситуацию попали многие родственники погибших: власти Северной Осетии торопливо раздавали трупы погибших по принципу: по одному в одни руки. Чьи это руки, никого особо не интересовало. **Помимо «Аслана Кисиева» неопознанным и непохороненным долго лежало в бесланском морге тело 7-летнего мальчика Георгия Агаева. Его родственникам предлагали тело ребенка, но они уверены: это не Георгий. Так что и по сей день некоторые родственники погибших не уверены, что они похоронили именно «своих» детей, внуков, братьев и сестер.** Между тем генетическая экспертиза — очень точный анализ: если его проводить правильно, ошибок быть не должно. Так что проблема бесланцев не в экспертизе, а в чиновниках, которые уже через месяц после трагедии стали воспринимать пострадавших и их родственников как обычный статистический материал. И вообще, к чему в Беслане не прикоснись, чувствовалось, что здесь поработал российский бюрократ, для которого пострадавший человек — это просто запись на бумажке. А еще отличная возможность нагреть руки на чужой беде.

Негуманитарная помощь

Разумеется, прокуратуры и судмедэксперты - это еще не все отечественное чиновничество: скандалы в Беслане связаны практически со всем, что происходило в городе после

сентябрьского теракта. Судьбы людей определяло неторопливое передвижение бумажек по столам разного рода начальников. Бумажки спорили, бумажки терялись, бумажки противоречили друг-другу. Бессчетные комиссии и подкомиссии, отделы и советы выхолостили помощь конкретным людям. На наших глазах бывшие заложники обивали пороги разных инстанций (больницы, морги, районная администрация, собес) с просьбами помочь им, их детям и близким. — «Нас тут гоняют туда-сюда как скотину», — жаловалась нам одна из посетительниц отдела соцобеспечения граждан. В списке Генеральной прокуратуры официальное число граждан, признанных потерпевшими, составило **1343** человек — показательно, что прокуратура смогла подсчитать эту цифру только к весне 2005.

А вот как выглядел процесс распределения помощи прошлой осенью. Согласно спискам, утвержденным Республиканской межведомственной комиссией по координации работы по выполнению распоряжения Правительства РФ от 11.09.04, в денежной компенсации нуждались лишь 956 человек. Из них погибшими числилось почему-то 271 вместо 318. Получившими серьезные ранения были признаны 550 человек, легкие — 12, еще 123 человека числились просто заложниками. Сразу же возник резонный вопрос: почему 58 потерпевших в компенсации не нуждаются? И эта проблема была далеко не единственной. Правительство России дало распоряжение Минфину выделить из резервного фонда в 2004 году на каждого погибшего в результате теракта одновременную материальную помощь в размере 100 тысяч рублей, а для оплаты захоронения еще 18 тысяч. Тем, кто получил тяжелые ранения средней тяжести, должны были выделить помощь в размере 50 тысяч рублей. Легкораненым — по 25 тысяч рублей, а другим гражданам из числа заложников — по 15 тысяч. Расчетная потребность в денежных средствах для оказания единовремен-

менной материальной помощи пострадавшим гражданам составила 61 миллион 623 тысячи рублей. Правительство России выделило 59 миллионов 991 тысячи двумя траншами: один в конце сентября, другой — в конце октября 2004 года.

Почему денег выделили меньше, чем посчитали изначально? Оказывается, первоначальную цифру никто сомнению не подвергал, но из-за ошибок в оформлении не были учтены 23 человека. То есть все знали, что в реальности эти люди были, но их почему-то решили не считать. От ошибок, конечно, никто не застрахован, но их непременно нужно исправлять. Вот тут и начинается театр абсурда: региональная комиссия, ведавшая распределением компенсаций, решила пока вообще не выделять 23 плохо посчитанным заложникам единовременную материальную помощь — это пообещали сделать как-нибудь в другой раз. Что это значит? Когда будет следующий теракт и появится okazия получить еще один компенсационный транш из центра? Но даже эти деньги получили далеко не все. Из 933 человек, которые все-таки попали в нужные списки, компенсацию получили только 477 пострадавших граждан — всего на их лицевые счета было перечислено около 37 млн. рублей. А спустя 2 месяца после трагедии на счетах Министерства труда и социального развития Республики Северная Осетия — Алания все еще оставалось более 22 млн. рублей федеральных средств из тех, что должны были быть выплачены в качестве единовременной материальной помощи пострадавшим! Чиновники объясняют это необходимостью уточнить паспортные данные и подтвердить степень родства при получении помощи. Надо полагать, что речь шла о случаях, когда компенсацию пытается получить человек, который прямым родственником не является. Разрешить спор чиновники, естественно, не могут, эти вопросы находятся в компетенции суда. Однако таких случаев было установлено всего 8! Так почему же

более 22 млн. рублей оставалось на счетах Минтруда по прошествии 60 дней с момента теракта?

Можно было все это свалить на трудности в столь сжатые сроки проверить всех пострадавших, однако четкости в распределении денег не прибавилось и с течением времени. На конец июня 2005 года из 118 родственников погибших двое еще не получили положенной компенсации. Кроме того, к лету 2005 года около 400 человек сумели через судмедэкспертизу изменить степень тяжести с легкой до средней. Стало быть, им надлежало доплатить по 25 тысяч рублей. Однако на момент сдачи книги этого еще не произошло.

При этом 20 млн. рублей, которые были выделены Фондом социального страхования (ФСС) России из своего резервного фонда на санаторно-курортное лечение бывших заложников, также несколько месяцев лежали мёртвым грузом на счёте регионального отделения ФСС республики. Чиновники оправдывались, что практически всё санаторно-курортное лечение и оздоровление пострадавших оказывалось в качестве гуманитарной помощи, так что денег на это не потребовалось. Действительно, за счёт спонсоров безвозмездное лечение в санаториях получили 1637 граждан, вот только счесть это заслугой государства никак нельзя. И последний, совсем уж вопиющий факт: в конце апреля 2005 года районный суд города Беслана по иску республиканского Министерства труда и социального развития решил лишить денежных компенсаций тех, кто смог убежать из школы сразу после захвата. Речь шла о 30 старшеклассниках, которым поначалу дали по 40 тысяч рублей. С лекарствами Северной Осетии тоже помогала скорее не власть, а общественность, помощь приходила и из-за рубежа. А вот тот факт, что далеко не все лекарства дошли до нуждающихся, — несомненная «заслуга» властей. Дело в том, что только 44 процента поступивших в качестве гуманитарной помощи лекар-

ственных средств имели сертификаты соответствия и могли использоваться лечебно-профилактическими учреждениями. При этом за 3 месяца работы прикомандированных специалистов федерального государственного учреждения «Центр сертификации» Минздравсоцразвития России было просертифицировано всего 8,1 процентов (!) лекарственных средств, а более чем 47 процентов ожидали своей очереди на складах. Но лекарства — не единственная помощь, которая не дошла до адресата из-за проволочек наших бюрократов. С 4 по 12 сентября было совершено 19 специальных авиарейсов в бесланский аэропорт, — рассказывала председатель республиканской комиссии по приему и распределению гуманитарной помощи и министр труда и соцразвития Туганова, — принято 164 тонны различных грузов на сумму 117,9 млн. руб. В том числе из Китая — на 35 млн. руб., США — на 24 млн. руб., Франции — 12,6 млн. руб. Из Киргизии поступило 33 тонны овощей, фруктов, одежды. Этот груз передан в АМС Правобережного района (г. Беслан) и распределяется среди пострадавших.

Всего с 5 сентября по 28 октября 2004 года из-за рубежа было получено 275 455 т гуманитарного груза на сумму более 140 млн. рублей. Однако большая его часть на протяжении 60 (!) дней после трагедии продолжала оставаться на складах в связи с таможенными сложностями. Были нарушены все сроки, отведённые законом для соответствующего декларирования грузов: шутка ли, в большинстве документов сроком подачи полных таможенных деклараций значился декабрь 2004 года. Да, в Беслане все слышали о раздаче стиральных машин и велосипедов. Только никто не знает, где это происходило. Чаще люди пересказывали друг другу истории из разряда «и смех, и грех». — Нашему Алану в качестве помощи принесли сарафанчик на полторагодовалую девочку, ботиночки на ребенка и какие-то игрушки для младенцев, — рассказывала Эльвира Кусаева. — Я ради интереса заглянула в списки, по которым раз-

носят помощь, но там было написано: «Алан Кусаев, 16 лет». Кроме детской одежды, семье Кусаевых выдали в качестве помощи ячмень. Что делать с этим злаком никто не объяснил. Обычно в Осетии им кормят домашнюю птицу. У соседей Кусаевых гуманитарная помощь сразу перекочевала на помойку. А еще помощью оказались драные и засаленные матрацы. — Они там думают, что у нас землетрясение было? — жаловался Алан, работающий на складе спиртзавода «Феникс». — У нас хоть и трагедия, но имущества люди не лишились. Так на кой черт нам надо было это старье присылать? Но, видимо, так уже сложилось, что в России любая гуманитарная помощь рано или поздно оказывается на прилавках в открытой продаже. Так было с грузами, направляемыми для беженцев из Чечни, так обстояло дело и в Беслане. Весь предыдущий опыт говорит о том, что для того, чтобы нажиться на гуманитарной помощи, нужно максимально затягивать её официальное оформление. Потом, за давностью события и сложностью выявления нуждающихся, можно будет реализовать её со скидкой в соседних регионах. Что ж, для реализации этой схемы в Беслане были созданы все условия... Все это очень грустно, потому что действительно помочь бесланцам хотели очень многие. В республику худо-бедно, но шли деньги на выплату компенсаций, гуманитарная помощь. Посыпались и приглашения пострадавшим отдохнуть, частные пожертвования. Так, только 4 октября 2004 года по официальным данным на счет фонда помощи пострадавшим в Беслане поступило больше 600 миллионов рублей, около \$ 500 тысяч и 50 тысяч евро. В это время в самом Беслане недоумевали — куда пошли эти деньги. Оказалось все просто: отчета по собранным для жертв теракта средствам практически не велось. Счетная палата проверяла поступление средств из федерального бюджета. Частные же пожертвования по сути никто не проверял. Об-

щественный совет помощи пострадавшим в результате теракта отчитался, что по состоянию на 20 июня 2005 года на специальный счет по оказанию помощи семьям погибших и пострадавшим поступило 1 млрд. 45 млн рублей. Из которых было прислано \$ 1 млн. 460 и 124 тыс. — евро. По утверждениям председателя комиссии Маирбека Туаева, все средства были распределены между пострадавшими. Выделяли из расчета 1 миллион за погибшего, 750 тысяч тяжелораненым. В том числе пытались дать по 1 миллиону и семьям погибших сотрудников ЦСН ФСБ, погибших при освобождении заложников. Однако спецслужбы наотрез отказались давать какую-либо информацию о своих погибших сотрудниках. И еще 1 миллион отправили в декабре в фонд помощи пострадавшим от цунами в Юго-Восточной Азии.

Но для того, чтобы выяснить, как и на что в действительности были потрачены эти деньги — понадобится крупномасштабная ревизия.

Счетная палата проводила подобную еще в октябрь-ноябре 2004 года. Тогда по ее результатам выяснилось, что на 1 ноября средства зачислены на лицевые счета 477 пострадавших граждан. Еще 22,9 млн. руб. находились на лицевом счете Министерства труда и социального развития республики. Средства на лицевые счета зачисляли в соответствии со списками при наличии сведений из Генпрокуратуры России о признании пострадавших граждан потерпевшими, свидетельств о смерти, заключений бюро судебно-медицинской экспертизы Минздрава республики о степени причиненного вреда здоровью.

Учком как бельмо на глазу

Чуть ли единственное исключение в этом чиновничьем беспределе — учком школы № 1, который открыл сайт в Интернете и отчитывался за каждую полученную копей-

ку: куда и на что пошли полученные деньги. Выжившие чудом учителя ходили по домам и с рук на руки передавали напрямую деньги. Кстати, мы стали свидетелями одной из многочисленных проверок учкома, который был как бельмо на глазу у чиновников. В декабре 2004 в его штаб на улице Плиева пришел проверяющий из УБЭПа. Сказал, что якобы поступил сигнал от жителей Беслана. Член учкома Фатима Рамонова (сейчас она руководит комитетом) представила служителю закона все банковские выписки, а также расписки в получении денег жителями Беслана. Ни одной копейки не ушло налево. Минут 15 потребовалось убэповцу, чтобы лично удостовериться в этом. Оно и не удивительно: в комитете состоят люди, которым пришлось разделить с народом всю боль — это учителя школы № 1 и мать погибшего ребенка. Координатором учкома с сентября 2004 года по май 2005 был Виссарион Асеев. Это под его руководством буквально за один день был создан сайт beslan-uchkom.mail15.com. — Я собрал в администрации предварительные списки, — рассказывал Асеев. — Правда, с боем — они не хотели делиться информацией. Стали проверять их: был ли в заложниках, что с ним сейчас. Помощь распределяли, похороны организовывали. Надо было за людей бороться. Ведь начался настоящий беспредел — первое время гробы продавали. Никогда не забуду, как ко мне подошел младший брат, расстроенный, злой. Я спросил: «Что случилось?». А он мне — «20 рублей на гроб не хватает, без денег тело не отдадут». Это что за людьми надо быть, чтобы такое творить? Я пошел в администрацию и так наорал на них! После этого оттуда начали звонить в морг с вопросами: почему гробы продают, а не раздают бесплатно. Потом подключили Минфин, чтобы оплатить затраты... В администрации на каждого покойного выделили по 25 тысяч рублей. Чиновники решили, что этого достаточно, мол, пусть хоронят, как могут. Я пошел опять в ад-

министрацию — говорю им, свяжитесь с Минтрансом, пусть транспорт выделяют. Кто машины искать будет? Кто копать будет? Вот так постоянно приходилось трясти чиновничий аппарат, чтобы он о своих прямых обязанностях не забывал. Технику нагнали, начали могилы копать. С автотранспортных предприятий пригнали катафалки со всей республики.

Вообще, учком чиновникам с самого первого дня существования мешал. Потому что это неправительственная, неконтролируемая ими структура, на которую они не могут влиять. Это их просто бесило. Как это люди могли самоорганизоваться и выполнять какие-то функции лучше чиновников?! А мы реально были лучше, потому что первые деньги пошли от нас. Нам французская журналистка дала 200 долларов, я поменял, и мы 6000 рублей просто занесли самым бедным. Там людям просто кушать нечего было и эти крохи для них были как манна небесная. Деньги к нам пошли — стали давать уже по 3000 на пострадавшего. У нас задача была — просто поддержать людей первое время, пока государственная машина развернется и начнет помогать пострадавшим. Всего через учком прошло порядка 2,5 миллионов рублей... Но в принципе мы свою задачу видели не в том, чтобы получить и распределить деньги, проинформировать общественность. Вот мы и указывали паспортные данные, адреса людей, чтобы с ними связывались прямую и посылали им деньги. Я часто людей встречаю и они мне говорят: вот посылку из Германии или еще откуда-то получили. А адреса отправители брали с нашего сайта.

Виссарион Асеев ушел с поста координатора организации незадолго до передачи власти от Дзасохова к Мамсурову. В преддверии главного политического события в Северной Осетии против оппозиционеров провели акцию устрашения. В Беслане это происходило так: 18 мая сожгли машину оппозиционного депутата Руслана Эльдарова,

19 мая побили стекла в учкоме, а 1 июня — избили Виссарииона. Может быть, это стечение обстоятельств, но в этот день вышло интервью Асеева в газете, где он критиковал новую власть. По факту избиения заведено уголовное дело, но Асеев сомневается, что кого-нибудь найдут. — Чтобы организацию не подставлять, я занялся активно политикой, а это, к сожалению, у нас небезопасно. Хотя, по большому счету, все, что я делал с 2003 года, когда стал депутатом — это тоже политика. И тот же учком — политика. Это была первая ласточка гражданского общества в Беслане, вообще в Северной Осетии. Все эти «бесланские матери» откуда появились? Благодаря учкому. Люди поверили в свои силы. А что касается Дзасохова и Мамсурова, для них на первом месте защита своих собственных интересов. Президенту Дзасохову надо было сказать всю правду своему народу и быть с ним, а не врать через своих помощников про 350 заложников...

Бизнес на крови

А навстречу огромным деньгам, стекающимся в Беслан, потянулись мошенники и хапуги. То, что деньги «рвали» чиновники, наверное, уже никого в России не удивит. Но, возможно, самый подлый способ поиметь кусочек от бесланской помощи — неожиданно вспомнить о своих родительских обязанностях. Неожиданно стали всплывать мамочки и папочки, которые долгие годы не вспоминали о своих «деточках». Память стала гораздо лучше, когда выяснилось, что за маленьких заложников можно получить вознаграждение. Больно писать об этом, но у некоторых погибших детей родители появились посмертно. В декабре 2004 всплыла история про женщину, которой привезли «гуманитарной» картошки меньше, чем другим. Жалобщица возмущалась произволу, постоянно подчеркивая, что потеряла в школе мать и сына. «Стыда у нее нет, —

вот что сказали нам соседи скандалистки и рассказали неприятную предысторию Залины. Так зовут эту женщину. Когда ее сыну было полтора годика, Залина уехала в Израиль. То, что на родине под опекой престарелой бабушки остался грудной ребенок, ее не беспокоило. Пока Залина не услышала про полагающуюся компенсацию. Эмигрантка быстро вернулась в Беслан и стала активно собирать материальную помощь. По словам соседей, очень успешно: насобирала на новую квартиру. Появился родитель и у братьев Казбека и Махарбека Каркузашвили. Их мать Лера погибла в школе, дети остались сиротами, но, как только начали раздавать компенсацию, объявился их «родной папка». Первым делом он обратился в суд за признанием своего отцовства. Никто, собственно, и не спорил, что он таковым и является. Но в Комитете по защите прав ребенка при президенте Северной Осетии утверждали, что своими действиями «главный кормилец» вряд ли чего добьется. Детям уже больше чем по 10 лет, значит, при оформлении опеки их мнение будет учтено. А они явно не хотели жить с неожиданно выплывшим из прошлого папашей. Пострадавших в Беслане наперебой приглашали отдохнуть чуть ли не все страны мира. Но списки нуждающихся в отдыхе составлялись так, что на сочинский детский кинофестиваль «Кинотаврик», к примеру, в составе группы пострадавших из Беслана прибыли крепкие совершеннолетние ребята с бычьими шеями, золотыми цепями в палец толщиной, в спортивных костюмах и с машинами. Один из устроителей «Кинотаврика», пожелавший остаться неизвестным, рассказал: «На бывших заложников они явно не тянули. По ночам по балконам лазили за водкой да к девкам в комнаты. Потом нам эти ночные «выползки» надоели, пришлось поставить милиционеров вдоль балконов. «На всю страну Беслан опозорили», — вздыхают жители городка, когда вспоминают об этой истории. Если из-за обыкновенного

на Кавказе кумовства несколько пострадавших паровозом тянут за собой всех родственников, это еще полбеды. Хуже, если ради отдыха этих крепких парней с золотыми цепями кто-то из действительно нуждающихся в помощи вынужден был остаться дома. И еще выходит, что списки уезжающих на отдых контролировались слабо. А когда это делалось, то выходило не намного лучше. «Мне позвонили домой и спросили, хочу ли я отправить своих девочек в Чехию, — рассказал Виталий Дзампаев, у которого погибла супруга Таисия. — Я согласился. Потом мне перезвонили и сказали: мол, дети никуда не поедут, так как их не было в школе. Вы себе даже не можете представить, как оскорбило меня подобное заявление. Они бы вначале свои списки посмотрели, а потом звонили...».

Глава VII

ПЕРЕЖИТЬ БОЛЬ

Сколько мы выслушали историй о том, когда и без того травмированным и физически, и морально людям приходилось наткаться на глухую стену непонимания, а порой и презрения. В течение года после школьных событий наши авторы не раз возвращались в Беслан, к людям из школы № 1. И в который раз слушали рассказы о том, как это было страшно, и как тяжело спустя время пережить эту невыносимую боль.

Хочется поведать миру обо всех семьях: потерявших, выживших, погибших... Но на это не хватит и десятка книг. Мы расскажем о Муртазовых, Дзампаевых и о сироте Боре Рубаеве. У всех у них разные судьбы, но одна трагедия. Бесланская.

Дзампаевы: фото и две бутылки кагора

Рядом с Бесланом есть небольшая деревенька Фарн, что по-осетински означает «Счастье». И название это селению очень подходит: люди здесь живут тихой размеренной жизнью, неведомой обитателям крупных городов. Вернее, жили. Хотя потери села от теракта не сравнить с Бесланом, но и его зацепила страшная трагедия. Дом Дзампаевых на улице Братьев Цахиловых — один из

немногих в деревне, облачившихся в траур. Здесь жила учительница бесланской школы № 1 Таисия Хетагурова, по мужу Дзампаева. Теперь без матери растут две девочки — Зарина и Марина. 1 сентября Виталий Дзампаев повез семью в школу. Жену — на работу, детей — во 2-й и 3-й классы. Сам он тоже хотел посмотреть на торжественную линейку, но уже на месте выяснилось, что дома остался фотоаппарат. А какое без него торжество? Ведь снимки напоминают о радостных и счастливых событиях. Пришлось отцу высаживать Таю, Марину и Зарину около школы, а самому возвращаться домой. Потом Виталий несчитанное количество раз корил себя за то, что не остался...

Во время штурма Зарине и Марине удалось выбраться из захваченной школы живыми. А их раненая мама продолжала вытаскивать на волю учеников, но себя спасти она не смогла. «Это какой-то злой рок, — вздыхает Виталий. — Я сам без матери рос, а теперь у моих детей такая же судьба».

До Беслана Таисия преподавала осетинский язык в 17-й школе Владикавказа, туда ее направили по распределению после ВУЗа. В североосетинской столице молодая учительница и познакомилась с Виталием. Произошло это на улице: увидели друг друга и не смогли пройти мимо. Разговорились, выяснили, что почти земляки — Таисия родом из селения Коста, что неподалеку от Фарна. Еще поняли, что у них много общего. Чуть позже вспыхнуло чувство, переросшее в настоящую любовь. Вот тогда молодые и решили сыграть свадьбу.

Где будут жить, определились еще до бракосочетания — у мужа в Фарне. Тая оставила работу во Владикавказе, решила перевестись поближе к новому дому. Отправилась устраиваться в местную школу, но там выяснилось, что учителя осетинского не нужны. Зато вакантное местечко

нашлось в Беслане. Так и зажили. Таисия учительствовала, а Виталий занимался хозяйством: коровами, огородом... Все было не хуже, чем у других. Иногда удавалось даже на отдых к морю съездить.

Жизнь Дзампаевых после гибели Таисии разделилась на две половины. До трагедии была настоящая насыщенная жизнь, теперь — только существование. — Вот как бывает. Были планы, и в один момент все порушились, — вздыхает Виталий. — А мы же третьего ребенка зимой ждали. Но малыш погиб, так и не успев родиться. Бога благодарю, что девочки мои вырвались из этого ада.

Вот уже много месяцев подряд отец пытается заменить дочуркам обоих родителей. И боится признаться даже самому себе, как нелегко приходится.

А в доме так ничего и не изменилось. Всё та же фотография Таисии, красивой, умной, любимой... Всё те же две бутылки «Кагора», стоящие с прошлой осени возле фото. Разве что за окном картины меняются. На смену холоду идет тепло, которое изо всех сил пытается согреть все семейство Дзампаевых.

Недавно им удалось сменить обстановку. Виталий с Мариной и Зариной съездили в Эстонию. 20 дней отдыхали на берегу Балтийского моря в местечке под название Хаапсалу.

Ехали туда на перекладных — полтора дня до Москвы, а оттуда к месту назначения. Полдня, проведенные в столице, не пропали даром.

«Конечно, за такой короткий срок, да еще из автобусных окон, многого не увидишь, — говорили девочки, — но зато — Москва!».

А отдых пролетел стремительно. Дзампаевы ходили на оздоровительные процедуры, плавали в бассейне, дышали чистым воздухом. Быстро европеизировавшаяся Прибалтика поразила гостей из Беслана. Даже отсутствие

мусора на улицах показалось диковинкой. Но ещё больше приятно удивило то радушие, с которым приняли гостей эстонцы. Так, местный пастор, узнав, что к ним приедут пострадавшие из Северной Осетии, решил устроить для детей праздник. Он организовал сбор подарков для гостей. Чего только не презентовали детям. В те минуты в глазах девочек плескалось настоящее счастье, похожее на то, когда рядом была мама...

Так что поездка всему семейству пришлось по душе. А возвращение в Беслан вернуло Дзампаевых в суровую реальность. В доме снова все напоминает о погибшей Таисии. Девочки вновь притихли. И все в который раз замирают перед фотографией любимого человека, так и не вернувшегося оттуда... И кто знает, пройдет ли когда-нибудь эта страшная и невыносимая боль...

Муртазовы: спасатель из «Альфы»

У Валерия и Марины Муртазовых трое детей: Батраз и двойняшки Аслан с Сосланом. У всех мальчиков характеры абсолютно разные, но когда нужно договориться, они всегда сумеют это сделать. И тогда в спортзале поддерживали друг друга как могли. Хотя двойняшки вообще не должны были там оказаться. Им до школы оставалось два года. Отец вез малышей в детский сад, но он оказался закрытым на ремонт. Коль не судьба, решили посмотреть на первый звонок... Потом были долгие мучительные часы в душном зале, стрельба, кровь, крики о помощи...

И случилось чудо: все Муртазовы вернулись домой: и мальчики, и мама, и папа, и тетя. Но как остался жив глава семейства — одному Богу известно. Ему повезло дважды: вначале его не расстреляли со многими мужчинами, потому что боевикам нужны были сильные руки для перетаскивания трупов. Но во время штурма Вале-

рий уже попрощался с жизнью в тот момент, когда обозленный террорист приставил к нему дуло автомата. За какие-то доли секунды перед глазами промелькнула вся жизнь и раздался выстрел... Но не в Валерия, а в боевика. И тут Дзампаев увидел своего спасителя — офицера «Альфы». Через мгновение спецназовца уже не было, он отправился на спасение других жизней. Но этого человека Валерию теперь не забыть никогда. Сколько раз он пересказывал своим сыновьям рассказ про мужественного и сильного человека из «Альфы». И мальчики слушали, затаив дыхание.

Спустя время Валерий отыскал своего спасителя. Случилось это в Москве, куда Муртазов приехал на лечение. Первым делом он отправился на кладбище, где похоронили погибших в Беслане спецназовцев. На погосте он встретил одну из жен офицеров. Разговорились, и Валерий поведал ей историю своего спасения. Женщина, в свою очередь, рассказала о благодарном заложнике тому самому офицеру. Так они и встретились в мирной обстановке. «Альфовец» даже приезжал к Муртазовым в гости.

Марина тоже побывала в столице. Врачи делали ей коррекцию носа, посечённого осколком.

Ну, а школьник Батраз так толком весь год и не учился. За партой он провёл в общей сложности лишь полтора месяца. А все потому, что у мальчика остался безумный страх перед школой. Последний раз Батраз попытался пересилить его в марте. Хватило его на один день, на второй он сбежал с уроков, равно как и многие другие из тех, кто был в заложниках. В тот день в милицию Беслана позвонили и сообщили о готовящемся теракте в 6-й школе. Именно туда перешли учиться бывшие ученики из разрушенной 1-ой. Каким-то образом об этом звонке узнали дети и началась самая настоящая паника. Учени-

ки выпрыгивали из окон. Батраз прибежал домой без портфеля и верхней одежды. А на улице ещё лежал снег и стояла минусовая температура. Звонок оказался «уткой». Но многие из ребятишек, убежавших тогда, боятся возвращаться назад.

В Беслане частенько появляются слухи о возможном повторении событий, потому люди пребывают в постоянном напряжении. «Уезжать отсюда надо», — вздыхая, говорит бабушка Мери. — Здесь жизни уже не будет. Чуть что — сразу чудится теракт. Вчера на трансформаторной будке хлопнули предохранители, все сразу в панику, схватили детей и бежать! Люди кричат: «Кто стрелял?».

Если уж взрослые боятся, что же говорить о детях. Так, например, Батразу нужно было забрать портфель из комнаты, в которой, как назло, не было ни души. Мать ему говорит: «Сходи, принеси, Батик». А он: «Пусть Асик сходит». — А почему сам не принесешь? — Не хочу. — Почему? И молчание. Хотя и так все понятно — страшно ему идти в пустую комнату одному. Семья Муртазовых надеется, что, переехав в другой город, они смогут если не забыть, то хотя бы сгладить в памяти сентябрьские события. Сестра Марины, Ирина Беджисова, та самая спасенная тетя, уже уехала из Беслана. Во Владикавказ. — Не страшно всё бросать и начинать свою жизнь с нуля? — Не страшнее, чем в захваченной школе.

Боря Рубаев: борьба за опеку

В школе у 7-летнего Бори Рубаева погибли родители. Лена и Артур разошлись, когда мальчик был еще совсем маленьким. Сын остался с матерью, а Артур возвратился в дом к своим родителям: Лидии и Бекмурзе Рубаевым. Лена вернула свою девичью фамилию Останий и зажили они с сынишкой вдвоем. Отец не часто вспоминал Борю, он был

гостем в их доме лишь по праздникам. Но в этом, скорее, был виноват не он сам, а родители, точнее его мать — именно она все решала. Но проводить Борю в первый класс Артур решил сам.

Первоклассник был на седьмом небе от счастья: он одинаково любил и маму, и папу.

А потом 7-летнего ребенка ждало страшное испытание. На его глазах погибла мать. Мальчик до последнего надеялся, что она встанет, обнимет его и уведет от невыносимого кошмара. Но она не встала. Не пришел и папа. О том, что его тоже убили, Борику сказали потом, дома... Мальчик никак не хотел понять, что не увидит их никогда... А в это время взрослые решали, с кем будет жить ребенок. На роль опекунов претендовали родственники с обеих сторон: материнской и отцовской. Сам Борик никаких пожеланий не высказывал. Он любил всех своих дядь, тетя, дедушек, бабушек... Но все на свете мальчик отдал бы за то, чтобы вернуть родителей.

Потом Борику сказали, что официальным опекуном будет его дед по мужской линии Бекмурза Мухтарович. Или, если по-русски, Борис Михайлович. «Да знаю, — вздыхал малыш, — в его честь меня назвали, а как же тетя, я ведь с ней жил».

Надо заметить, что опекунство было оформлено в тот момент, когда Борик с сестрой его матери Валентиной был на реабилитации в Сочи. По возвращении его ждал переезд из дома, где он жил с мамой. Переезд прошел тяжело. Когда мальчик только начал приходить в себя от нового потрясения, вокруг него развернулась настоящая борьба. Обе стороны — материнская и отцовская — ополчились друг против друга. «Ребенок должен жить с нами!», — твердила каждая из них. Аргументы у всех были разными и по-своему убедительными. Одни настаивали, что Борик непременно должен продолжить род Рубаевых. Родствен-

ники по материнской линии намекали на почтенный возраст родителей Артура.

Борик же постоянно спрашивал: «А когда моя другая мама придет?». Другая мама — это тетя Валентина. Дело в том, что Елена много работала и ребенок проводил много времени с ее сестрой. Но на вопрос ребенка нет ответа. Вопросы опекуинства, пока он не достиг 10-летнего возраста, решаются без него.

После поездки в Сочи с «мамой Валентиной» была еще — в Пятигорск с бабушкой Лидией. А затем, буквально через несколько дней, мальчик впервые сел за парту. Как и большинство учеников бывшей 1-й школы, теперь он ходит в шестую.

Перед тем, как сесть за парту, Борик у вновь пришлось пережить потрясение. Дедушка с бабушкой повели его на рынок покупать все — форму, ранец, учебники. Ведь то, что припасла Лена, осталось в разрушенной школе. Мальчику стало не по себе в толпе людей. Перед глазами вновь всплыл спортзал, забитый детьми и взрослыми. Борик стал проситься домой. Вернулся жуткий страх, что сейчас снова все начнется...

И опять мальчик боялся оставаться в комнате один, особенно ночью. Но бабушку с дедушкой это особо не волновало. В их доме Борик оказался чужим — даже когда их внук от сына Казбека, Георг, обижал своего младшего двоюродного брата, никто не вступался за него. В этом доме его защищал лишь отец, но его уже не было рядом...

Сестры мамы — Татьяна и Валентина — обожают мальчика и мечтают вернуть ребенка себе. Но взрослые никак не могут между собой договориться.

В результате Татьяна подала иск в районный суд Беслана, чтобы оформить опекуинство. Но «сражение» было проиграно. Одновременно сестры добивались, чтобы им разрешили видиться с ребёнком. Выяснилось, что Рубаевы

не дают своего согласия даже на эти встречи. Даже после выхода специального постановления о том, что сестрам матери можно забирать Борю на выходные дни, война между семьями не была окончена. У Рубаевых находились тысячи причин, чтобы не отдавать мальчика: то ребенок на свадьбу едет, что в год траура по погибшему событие, по осетинским обычаям, просто невыносимое, то ему зуб надо подлечить... После угроз пожаловаться участковому инспектору Бориса стали отпускать. Случилось это в начале весны 2005.

Затем сёстры подали кассацию в Верховный суд Республики Северная Осетия на решение Бесланского суда. 20 апреля Верховный суд отменил решение об опекунстве Бекмурзы Рубаева над Борей и вернул дело на пересмотр обратно в Беслан. А там опекуном был вновь назначен дедушка Бори.

Самое печальное, во всех этих разбирательствах забывают о самом главном участнике спора — о Борисе. Мальчик находит в себе силы пережить еще и эту судебную возню вокруг себя. Но у каждой из сторон находятся веские основания, почему малыш должен жить с ними. — Я с ужасом наблюдаю, что это уже не тот Борик, который был, — жалуется Валентина. — Он всё больше уходит в себя, всё меньше и меньше верит людям. На майские праздники он побывал в доме матери и не хотел оттуда возвращаться к опекунам. «Я не пойду туда», — упирался Борис. Пришлось уговаривать и успокаивать малыша.

По словам Валентины, после одной из таких истерик у ребенка она не выдержала и оставила Борю еще на пару дней. Это поступок вылился в уголовное дело против Валентины. Разъяренный дед Бекмурза поднял на уши весь Беслан — звонил в детскую комнату бесланской милиции и требовал, чтобы они направили группу захвата для «освобождения» Бори. К счастью, в милиции оказались

нормальные люди и ОМОН для «спасения» ребенка привлекать не стали.

Но уголовное дело против Валентины с Татьяной возбудили. По статье «самоуправство». И комментировать это «расследование» в прокуратуре не стали, отделавшись дежурными фразами про соблюдение закона. В общем, борьба за опеку над мальчиком развернулась нешуточная. И кто в ней победит — пока неясно. Хочется верить только в то, что Борику удастся после всего этого остаться человеком с психикой, пригодной для нормальной жизни...

Глава VIII

ВЛАСТЬ: ЛОЖЬ И ХАОС

Весной 2005-го информационные агентства скупо сообщили: в мусорной свалке возле щебеночного завода на окраине Беслана найдены остатки различных вещей, вывезенные туда после штурма школы № 1. Обнаружились, например, обломки школьных парт, обгоревшие балки, обрывки детской одежды, обувь, неразорвавшаяся граната, рюкзак, возможно, принадлежавший террористу. А еще там найдены фрагменты человеческих останков. Теперь уже не установить, кому они принадлежали и сколько человек оказались вот так выброшенными в мусор — государственные органы дорогостоящую экспертизу производить не собираются.

Они вообще ничего не собираются проводить, начисто отрицая, что найденное имеет отношение к школе № 1, ее захвату и штурму. Хотя в той куче страшного мусора многие женщины нашли и опознали одежду и обувь своих погибших или пропавших при теракте детей. По версии информагентств, первоначальная реакция спецслужб на находку была шоковая — их представители твердили только одно: «Мы ничего об этом не знали!».

Позже шок прошел, пришли указания, и властные структуры всё начисто стали отрицать: мусор и мусор, никакого отношения к школе не имеет. Чиновничью логику

можно понять: как признать, что после штурма все просто взяли, сгребли в кучу и вывезли на свалку — это же преступление! Причем вовсе не с моральной точки зрения: на юридическом языке это именуется уничтожением улики и вещественных доказательств. Ведь — в теории — после трагических событий на месте преступления должна была обследоваться едва ли не каждая пылинка-песчинка. Для установления всех обстоятельств теракта, для восстановления полной картины преступления, для определения точной причины гибели каждого человека, для идентификации погибших — для всего этого важна буквально каждая крошка, потому как никто не знает, какая именно крупинка станет тем недостающим фрагментом мозаики, тем звеном, которое позволит воссоздать относительно объективную картину. Но все, выходит, ушло в мусор?

Сейчас понятно, что уходило на наших глазах. Мы наблюдали все это с раннего утра 4 сентября 2004 года, только еще не осознавая, что именно творится... Еще дымилась выгоревшая школа, на дворе выкладывались сохранившиеся тела, прикрытые фольгой от палящего солнца, люди в штатском и форме заполняли какие-то бумаги. Сотрудники МЧС разбирали завалы, выгребая все из здания в тот же двор. **А весь этот выносимый из школы «хлам» сгребал в кучу урчащий во дворе небольшой трактор-экскаватор, захватывал своим ковшом и сгружал в кузова КАМАЗов. Даже тогда это жуткое зрелище пробило до дрожи: ведь понимали, что там есть и фрагменты человеческих тел, не могут не быть!**

Но ведь отдавшие то распоряжение не дети — профессионалы прокуратуры и спецслужб, криминалисты: уж они-то лучше всех понимали, что это — уничтожение улики. Потому что теперь картина происшедшего не будет документально подтверждена никакими материалами экспертиз, а проведенным — грош цена. Поскольку они априори

будут неполными и однобокими. И уже почти невозможно, к примеру, будет установить, отчего загорелась крыша, похоронившая под собой сотни людей — от взрывов установленных террористами фугасов или от залпов огнеметов и гранатометов штурмующих.

И то, что экскаваторы сгребали в кузова то, что должно было тщательно исследоваться еще на месте, что улики безвозвратно уничтожались — факт зафиксированный. Сначала казалось, что во всем этом изначально не было злого умысла, что все банально просто: какова власть — таково и следствие, таковы и «профессионалы». Теперь очевидно: не было никакого шока — было четкое указание. Иначе никакой следователь, в каком бы шоке он ни находился, не будет трогать место происшествия. Да просто обязаны были бы обнести всю местность хоть колючей проволокой и накрыть тентами — чтобы собрать все до последней гильзы, до последнего тапочка, до последней волосинки, дабы в мельчайших деталях восстановить картину. Как это и сделали британцы после взрыва ливийскими террористами пассажирского самолета над Локерби: по кусочкам, по винтикам собрали взорванный самолет в ангаре. И на все сто восстановили картину трагедии.

Но нашей власти подлинная картина, наглядно демонстрирующая полнейшую некомпетентность и недееспособность этой самой власти, непрофессионализм всех ее чиновных структур, не нужна. Потому все и пошло в мусор.

Цифры с потолка

В Беслане власть с самого начала лгала о подлинных обстоятельствах и деталях теракта. Вплоть до кровавой развязки официально в несколько раз занижались цифры захваченных террористами в школе заложников.

И это несмотря на то, что школа № 1 в тридцатитысячном Беслане — привилегированная. На открытие учебного года в нее стекаются не только ученики с родителями, но и бывшие выпускники, официальные лица. В числе заложников оказались дети Таймураза Мамсурова — нынешнего президента республики, а тогда спикера парламента. У главы администрации района Владимира Ходова — внук. Он погиб. Ходов показывает: пуля вошла в грудь, мальчик встретил смерть лицом к лицу... Бесланцы были в ярости, когда им говорили, сколько в школе заложников.

Зачем нужно было врать — на первый взгляд непонятно. Скорее всего, за этим стояло типично чиновничье стремление преуменьшить масштаб трагедии: ведь кому-то придется отвечать за то, что в регионе, беспредельно напичканном войсками — почти в нескольких десятках километров от штаба 58-ой армии, не считая еще кучи воинских частей всех силовых ведомств, спокойно совершает свой рейд отряд террористов.

Несомненно, власть, отчаянно уцепившись за эту цифру, просто пыталась таким незамысловатым образом снизить масштаб события и, по ее мнению, тем самым на время отвлечь от него внимание. Следуя старому кремлевскому принципу: если о событии не говорят — его нет. Но цифра, взятая с потолка именно местными, североосетинскими чиновниками, и будучи доложенной на самый верх, превратилась в официальную. Поскольку ни президент Северной Осетии, ни начальник местного УФСБ, ни министр внутренних дел республики — никто из них уже не мог признаться вышестоящей инстанции, что соврали. Наверху, разумеется, довольно быстро догадались, что дело обстоит не совсем так, как докладывают с мест, но сделали вид, что все путем: не Москва — так что при любом раскладе и любом исходе событий отвечать не Кремлю, а местным — пусть они и выкручиваются, как могут. Тем паче,

президентскую администрацию вполне устраивал именно пониженный градус трагедии. Ведь, как ни крути, любой теракт такого уровня — не просто следствие провала кремлевской политики в регионе, но и нагляднейшее свидетельство полнейшей профнепригодности именно тех кадров, на которые ставит нынешняя власть. Так круг и замкнулся: власть нижняя врёт верхней, потому что боится ответственности, власть верхняя, делая вид, что верит, врет уже на всю округу — потому что ей, в общем-то, плевать на людей, взятых в заложники — ее волнует лишь «престиж державы».

Но Беслан — не Москва, там просто невозможно скрыть истинные масштабы трагедии: город маленький, так что в этой школе чуть ли не у каждого в заложниках оказался если не родственник, то хотя бы дальний знакомый. Да и вообще бессмысленно было лгать хотя бы потому, что уж сами-то террористы прекрасно знали, сколько человек они захватили.

И вот именно эта ложь во многом и породила то, что, в конечном счете, привело к страшной развязке. Бесланцы поняли, что власть, большая и маленькая, врёт им сознательно, что этим чиновникам в форме и штатском глубоко наплевать на их детей и близких. Люди довольно быстро осознали: власть будет спасать не заложников — только саму себя и свой, ложно поднятый, престиж. Власть не говорила правды не только о заложниках, но и о террористах и их требованиях, утверждая: эти отморозки ничего не хотят и вести переговоры с ними бесполезно.

На самом деле, были и требования, была возможность переговорного процесса. Это же азы любой спецоперации: с террористами нужно говорить — хотя бы потому, что любая затяжка времени работает на спасение человеческих жизней. В конце концов, можно не принимать требования боевиков, но зачем об этом кричать во всеус-

лышание, загоняя террористов в угол, из которого только один выход?! Потому что когда по радио и ТВ те же бандиты слышали о себе то, что слышали — и заложников у них мало, и требований никаких — реакция их была однозначна: они ожесточались еще больше. И расстреливали людей...

Позже выяснилось, что московское начальство дало указания поменьше упоминать о требованиях террористов. А они, как мы уже писали, кроме вывода войск из Чечни и освобождения своих соратников по бандитскому налету на Ингушетию в июне, потребовали доставить в школу официальных лиц. Президентов Северной Осетии и Ингушетии Дзасохова и Зязикова, советника президента России Аслаханова и детского доктора Рошалья. Рошаль — «кровник» террористов по «Норд-Осту», Зязиков — основной адресат их атак в Ингушетии, Аслаханов — враг боевиков и соперник кадыровцев. Было очевидно, что их приглашают на казнь. Понятно, что требование о выводе войск, в любом случае, мгновенно выполнить нельзя. Следовательно, разработчикам операции нужен был громкий теракт.

Но террористы допустили в школу Руслана Аушева, бывшего президента Ингушетии, вместе с которым неожиданно отпустили матерей с грудными детьми. На его фоне «непоход» Александра Дзасохова особенно раздражал бесланцев, да и всю Осетию, как выяснилось. Президент республики объяснял землякам, что в школу его не пускает Москва.

Никаких переговоров!

Школу захватили не дилетанты — матерые волки с боевым опытом, командиры которых на все сто учли уроки как Буденновска, так и «Норд-Оста». И потому уже с ними нельзя было играть по старым правилам: они, возможно, и

рассчитывали уйти, но, как оказалось, готовы были пойти и до конца. Значит, не надо было спешить, нужно было тянуть время, вести переговоры, Да, в конце концов, когда речь о таком количестве заложников — черт с этим престижем государства, пусть отдадут детей и уматывают — достанем потом! Если сможем...

Но государство не желало вступать ни в какие переговоры. Уже в 10 утра 1 сентября прошло сообщение: в Беслан прибыли руководители ФСБ и МВД генералы Николай Патрушев и Рашид Нургалиев. Понятно, что столь высокие лица появляются на месте событий, чтобы оценить обстановку, принять решения и, при необходимости, возглавить штаб операции, взять на себя ответственность за конкретные решения — будь то переговоры или силовая акция. Также было очевидно, что на момент прибытия шефов силовиков в Беслан ни о какой немедленной спецоперации и речи быть не может. У ФСБ и МВД еще нет никакой реальной информации о террористах, местные силовики банально не владеют ситуацией, прибывающим же спецподразделениям центрального подчинения нужно время, чтобы осмотреться, войти в курс дела и подготовиться к штурму.

Однако Патрушев и Нургалиев исчезли столь же стремительно, как и появились! Именно быстрое исчезновение высокого начальства с места предстоящего события и есть главный признак не просто грядущей спецоперации, но и того, что проведут ее очень скоро и будет она кровавой. Начальство никогда не растворяется в воздухе, когда светит победа малой кровью. Тут же было ясно: будет бойня, за которую должны ответить местные товарищи.

Потому и пленных во время штурма и дальнейших операций не брали: к чему свидетели, сболтнут еще чего лишнего. Так что единственному оставшемуся в живых террористу Кулаеву просто повезло: до арестовавших его

оперативников, видимо, не успели довести устных инструкций. Или один все же был нужен живым, а то как-то нехорошо получалось: в «Норд-Осте» всех прикончили. В Беслане требовался тот, с кем можно было договориться, понятливый... А вот прочие — только мертвые: иначе они поломали бы сценарий, рассказав на суде и про переговоры, и про то, как и когда поняли, что штурм неизбежен.

После отлета Патрушева и Нургалиева в чисто номинально существовавшем штабе операции воцарилась полнейшая импотенция: никто не хотел ничего — ни руководить, ни грамотно планировать операцию, ни принимать конкретных решений, ни брать ответственность. Полнейшая апатия! Потому что и привезенные Патрушевым генералы, и местные чиновники — все они прекрасно понимали: как ни спланируй, все пустое — будет большая кровь. Потому что Кремль сказал: никаких переговоров, только штурм, любыми средствами, любой ценой — и не затягивайте! А при таком раскладе — что планировать? Только готовить морги и больницы.

Не стоит верить свидетелям, бывшим в те дни в штабе, что Кремль был готов выполнить все условия террористов. Аушев с разрешения Москвы обратился к Ахмеду Закаеву, чтобы тот связался с Асланом Масхадовым и попросил его выступить посредником. Масхадов обещал перезвонить, но не перезвонил. Возможно, он вел переговоры с Басаевым, организовавшим захват. А после трагедии Масхадов объявил, что организаторов теракта надо судить, но военное время не позволяет сделать этого.

В это время товарищи из штаба отправили «Альфу» с «Вымпелом» репетировать захват. И это они сделали открыто! Спецназовцы отрабатывали штурм школы на похожем здании в соседнем селе — среди бела дня, на глазах у сотен людей! Чтобы через 15 минут весь Беслан и Владикавказ только и говорили об этом тренинге... Если то было

психологической демонстрацией, приемом, рассчитанным на запугивание террористов, то и тут просчитались по полной программе — не бандитов запугали, а местных жителей. Они окончательно уверились, что власть плюнула на них, списав их детей в графу «неизбежные потери», готовя штурм. Поэтому отчаявшимся людям ничего не оставалось, как самим взяться за оружие.

И то, что вышло 3-го сентября — случайный, на наш взгляд, взрыв, вызвавший цепную реакцию — прямое следствие всего вышесказанного: властная импотенция достигла своей критической массы. Хотя, конечно, кто теперь уже узнает, сколько «случайностей» в том взрыве.

Вот что говорит об этом полковник внешней контрразведки в отставке Олег Нечипоренко: «Меня, честно говоря, удивили заявления, что штурм в Беслане не готовился, даже вопрос о нем не рассматривался. Ведь любая контртеррористическая операция имеет свою технологию. В этом процессе вопрос о штурме, как и переговоры — один из элементов, без которого не бывает плана операции... «Альфа» готова к конкретным наступательным действиям, длящимся чаще всего буквально несколько минут. В Беслане «Альфа», по сути, не реализовала свои профессиональные навыки, она оказалась перед лицом совершенно других задач. Бойцы просто по-человечески подставляли свои тела, чтобы закрыть ими от пуль детей и женщин».

Стоит ли удивляться, что в том хаосе заговорили огнеметы, гранатометы и даже танковые орудия? Как ни удивительно, применение этих средств потом будут замалчивать: даже не эксперту понятно, что такие средства никто, нигде и никогда не применяет при операциях по спасению заложников — годны они только для уничтожения всего, что шевелится, без разбора.

Но ведь и это тоже говорит о полнейшей некомпетентности, профнепригодности и бессилии тех, кто руководил

операцией: где же тогда были их взрывники-специалисты со своей спецтехникой? Отчего для проделывания проломов нельзя было применить специальные заряды направленного действия, коих полно в любой инженерной части и которые в состоянии применить любой грамотный минер?! Нет ответа.

Только вопросы. И очень власти неприятные. А когда отвечать не хочется, но придется (хотя бы и формально), лучший способ избежать — скрыть улики. Точнее, уничтожить то, что можно, чтобы все неприятные вопросы можно было загасить на корню. Официально ведь уничтожены все террористы, кроме одного-единственного, который сначала послушно говорил, как дрессированный попугай. Заложники-свидетели, видевшие слишком много, неофициально предупреждены: не болтать, говорить только то, что нужно. Потому что если свидетели будут рассказывать, как боевики вскрывали полы в школе, доставая оттуда заранее завезенное снаряжение — как тогда будут выглядеть местные власти, все это прозевавшие?! Ведь тогда придется копать глубже, доискиваясь до очень болезненного: кто из местных и как пособил террористам? И кто в ФСБ, МВД и 58-й армии прозевал этот рейд и почему — ведь террористы открыто шли по заранее разведанному маршруту, после рекогносцировки на местности, имея в карманах точные карты и планы — в том числе и план школы.

Вопросов много, и все они для власти неприятные, даже мерзкие. Напрашивались же они еще 1 сентября. Потому уже 3 сентября сокрытие следов шло полным ходом: какие еще улики, если по школе бьют гранатометы и из танковых орудий, всё погребая под руинами? Если гранатометные залпы еще можно списать на горячку боя и неконтролируемое остервенение людей с оружием, уже мало что соображавших в том аду, на что списать танк?! Ведь не сами танкисты решили пальнуть — им отдали такой приказ.

Еще одна ложь: местная вариация

Вранье Кремля обязательно должно была породить местную вариацию. Не только потому, что в официальной версии не оказывалось крайних (не считать же всерьез таковым Кулаева!). Эта вариация не могла не появиться и потому, что крайней в глазах жителей Северной Осетии выглядит власть республиканская. Ибо все, кто воочию наблюдал в те дни Александра Дзасохова, ничего, кроме омерзения, испытывать не могут: ничего худшего для дискредитации власти как таковой и придумать было нельзя. Кто знает, возможно, тот, кто планировал теракт, просчитал и эти его последствия — Беслан взорвал ситуацию в относительно спокойной тогда Осетии.

Безусловный факт, что 3 сентября больше всего напортачили командированные в Беслан товарищи с большими звездами на погонах из нескольких ведомств, не сумевшие ни создать единого штаба, ни скоординировать действия, да еще и не пожелавшие взять на себя ответственность за принимаемые решения. Точнее, они как раз окончательно и довели ситуацию до развала и хаоса своей трусливой безответственностью. Только вот Дзасохов не мог сказать вслух: во всем виноваты «начальники» из Москвы, не сумевшие профессионально сделать то, что должны были. А не мог он это произнести еще и потому, что сам оказался столь же некомпетентен и непрофессионален. Дзасоховская система управления рухнула в первые же секунды бесланской трагедии. Потому что чиновники его клана оказались компетентны лишь в одном — в вопросах личного процветания. Беслан показал, чего на деле стоит хваленая дзасоховская «стабильность»: ширмой, за которой процветает чудовищная коррупция и клановость.

Но ведь и Москва не может назвать вещи своими именами, назначив крайним Дзасохова и его команду — именно этот клан правит республикой, на нем зиждется бюрократическая «вертикаль власти». И потому нельзя просто так взять и назначить Дзасохова козлом отпущения — правящие кланы этого не поймут, возможны осложнения. А оно Кремлю нужно?

К маю 2005-го ситуация изменилось: Кремль договорился с кланами о смене первой фигуры. 31 мая Дзасохов ушел в отставку, его заменил Таймураз Мамсуров, председатель парламента. Но и перед «новой» властью неизбежно вставала та же проблема: Беслан — кто виноват? Держаться аморфной официальной версии Генпрокуратуры нельзя — разнесут на клочья свои же сограждане, уставшие от лжи и во всем разуверившиеся. Так можно и остатки контроля над республикой утратить. Валить все на Дзасохова? — Тоже никак нельзя: сам из этого же клана, им же одобренный и выдвинутый — так можно и без тыла остаться, и без головы. А вот Москва как виновник — это оптимально, ровно то, чем можно отбиться от местной публики.

И, выдержав приличий ради пару недель после смены первых лиц, Владикавказ впервые громко выразил недовольство официальной версией бесланской лжи, предъявив свою. Почти год молчал, а тут вдруг высказался.

Но новая версия лишь на первый взгляд выглядит правдоподобно. Она столь же далека от истины, сколь и кремлевская. Хотя огласил ее глава североосетинской парламентской комиссии по расследованию причин и обстоятельств трагедии 1—3 сентября 2004 года в городе Беслан Станислав Кесаев. Суть такова: в массовой гибели людей могут быть виновны федеральные силовые структуры, официальное же расследование полно нестыковок и противоречий. Скажем, число боевиков, захвативших шко-

лу, было, по мнению Кесаева, как минимум в два раза больше, чем утверждает следствие, и совершенно непонятно, кто же на самом деле руководил операцией по штурму школы 3 сентября.

«Когда официальный руководитель операции... во время операции дает интервью, то у простых людей, а у профессионалов тем более, возникает вопрос: а когда же он руководит операцией? — говорил Кесаев. — Значит, операцией руководил кто-то другой. А именно — те большие генералы, которые все там присутствовали. Но руководителем считался Андреев — его назначили, причем назначили телефонограммой. 2-го числа на него возложили обязанности. Скажем, с Басаевым в Буденновске боролся Черномырдин. Конечно, тоже было плохо, но результаты были лучше. А мы Фрадкова не видели. В Беслане была полная рассогласованность».

Вот только тут некая недоговоренность: ведь Кесаев знает, кем были эти «кто-то другие». Согласно преданным огласке показаниям допрошенного в качестве свидетеля Дзасохова, реально руководили операцией прибывшие 1 сентября в Беслан заместители директора ФСБ — генералы Проничев и Анисимов. Все решения принимали только они и, вместе с ними, некие неизвестные высокопоставленные сотрудники администрации Президента РФ! В показаниях генерала Андреева, разумеется, нет даже и упоминания таких фамилий — Проничев и Анисимов! А сам Дзасохов — согласно, разумеется, его версии, — был страшно далек от этого штаба: с ним не советовались, ничего не согласовывали и даже якобы замолкали, когда он появлялся в том штабе.

Так или иначе, реально в этой картине только одно: был штаб, в котором рулила целая куча генералов и чиновников из Москвы. А когда слетается стая начальников, ни один из которых на себя ничего не берет — нет никакого

штаба, нет управления, есть хаос и бардак, неизбежно ведущие к кровавой развязке.

Кесаеву непонятно, почему при штурме федеральные силы использовали танковую артиллерию: «Армия не в состоянии нам объяснить, почему по школе стрелял танк». А чего тут объяснять: потому что такой был приказ. Кто его отдал? — «А хрен его знает», — звучит реплика Кесаева. Однако в армии порядок отдачи и исполнения приказов достаточно четок, так что несложно проследить всю цепочку от командира танка до командующего 58-ой армией (вот, еще один генерал со своим штабом, еще одно ведомство!), от командующего — до того, кто отдал ему приказ. И североосетинский политик не может этого не понимать. Он вдается в детали и частности, вроде бы кровавые и захватывающие, но, на самом деле, уводящие в сторону. И незримо подводящие нас к выводу: во всем виноваты непрофессиональные исполнители из Москвы — эта орда генералов ФСБ, армии и МВД. Отсюда рукой подать до вывода, почти произнесенного вслух: не виноватые мы, это все они — злыдни федеральные, они нас от всего отстранили...

Ход тактически верный: вне удара местная власть — уже ушедший Дзасохов и, тем паче, совершенно чистый и невинный Мамсуров; вне подозрений Кремль — в лице Президента, даже первые лица силовых ведомств — они тоже совершенно ни при чем! Потому как при такой трактовке крайними оказываются не те, кто реально заварил кашу неуправляемого хаоса и штабного идиотизма, а лишь пешки, которыми, случись что, можно и пожертвовать. Одну пожертвовали сразу, сняв с должности начальника УФСБ по республике генерала Андреева. Но ведь погоны не сняли, из органов не погнали, под суд не отдали, без куска хлеба не оставили, дав синекуру в Академии ФСБ: ведь генерал все сделал правильно, сообщив нуж-

ные показания, где о заместителях директора ФСБ — ни слова.

Версия Кесаева вроде бы бьет и по расследовавшей дело Генеральной прокуратуре. Но тоже не очень сильно, поскольку задевает вовсе не Генерального прокурора Владимира Устинова, как раз и задавшего линию следствия изначально, а лишь его подчиненного — зам. ген-прокурора России по Южному федеральному округу Николая Шепеля.

Вот и выходит, что, на самом деле, североосетинские политики сделали хороший ход: и сами вышли из поля критики, и Кремль не подставили — во всем виноваты московские исполнители. И это значит, что никакого отношения к истине версия Владикавказа не имеет: на поверхность всплыла полуправда, призванная освежить официальную большую ложь. Да ведь и задача та же: прикрыть свою полнейшую некомпетентность и недееспособность.

1 сентября 2005 — годовщина бесланской трагедии. Но до сих пор никто из чиновников, кто должен был отвечать за случившиеся провалы, не только не был с позором снят и наказан — не получил даже устного порицания! Да, министр внутренних дел республики Казбек Дзантиев подал в отставку, руководители Правобережного РОВД, базирующегося в Беслане, были уволены. Ну, перевели бывшего губернатора Санкт-Петербурга Яковлева с должности полпреда в правительство. Плавно пересел с должности главы республики в удобное сенаторское кресло бывший президент Дзасохов. Комиссии по Беслану и парламента Северной Осетии (под руководством Станислава Кесаева) и российского парламента (под руководством вице-спикера СФ Александра Торшина) время от времени делают очередные громкие заявления и в который раз переносят выне-

сение своего вердикта по бесланским событиям. Да вряд ли кто и ждет от этих комиссий правды. Кроме, возможно, самих бесланцев, если они еще готовы хотя бы прислушаться к ее мнению, что, учитывая телодвижения этой самой власти, кажется более чем сомнительным.

— Парламентская комиссия, на мой взгляд, неоправданно переносит срок завершения своей работы, — говорит депутат Государственной Думы РФ от Республики Северная Осетия Арсен Фадзаев. — Сначала говорили, что работа завершится в январе этого года, потом оглашение результатов перенесли на март, июль и, в конце концов, на сентябрь. Многие жители Северной Осетии очень недовольны постоянными переносами сроков расследования. 16 июня 2005 года слушался очередной доклад о ходе работе комиссии и я был искренне удивлен, что он оказался поверхностным... — А почему родственники погибших выступают против Мамсурова и встают на сторону боевика Нурпаши Кулаева? — Они хотят получить объективную информацию. Люди боятся за жизнь Кулаева. Думают, что в тюрьме его убьют. Поэтому они говорят: «Мы за тебя! Только скажи нам правду». Понятно, что он им не нужен. Им нужно, чтобы он как можно дольше жил, выдавал как можно больше информации... Относительно действий Александра Сергеевича во время теракта должен сказать, что он должен был выйти к народу и найти какие-то слова поддержки, а может быть, и пойти в школу. Мы, конечно, понимаем, что есть глобальные интересы и что государство не может идти на компромисс с террористами: сегодня они захотели Дзасохова, завтра захотят другого. Но если так уж сложилось, после 40 дней Дзасохову нужно было приехать в Беслан к пострадавшим и попросить у них и у всего народа Осетии прощения. И тогда бы ему многое простили. Он сохранил бы свое имя и смог бы приезжать в республику. А сейчас он чужой человек в Осетии.

Очень большое недовольство в республике вызывает и то, что её экс-главу перевели туда, где его не сможет достать ни Генпрокуратура России, ни правоохранительные органы, ни пострадавшие в теракте. Думаю, и со стороны Дзасохова неэтично принимать эту должность: мог бы дожидаться конца расследования парламентской комиссии или, в конце концов, найти себе другое место...

Точка отсчета

Беслан теперь — точка отсчета не только в пространстве, но и во времени. Традиционная для России последних лет августовско-сентябрьская эскалация напряженности в 2004 году ударила событием, ужаснувшим даже самых далеких от политики людей. На закопченной стене в спортзале бесланской школы № 1, между баскетбольным щитом и дырой от взрыва мощного заряда выцарапано: «Поднявший руку на ребенка — это даже не зверь, это изверг, это сатана». Как жить людям, увидевшим это?

Беслан, помимо того, что — столица знаменитых осетинских водок, — самый крупный гражданский и военный аэродром на Северном Кавказе. Если в очередной раз туда прилетит важная комиссия из Москвы, ее члены могут в воздухе перед посадкой посмотреть направо — и увидят новое кладбище, где только ровные ряды сотен одинаковых могил. Здесь похоронены жертвы теракта в школе № 1. А на холмах слева от аэропорта видны три деревни. Это начало Ингушетии.

За два месяца до теракта под Назранью в июне 2004 года мы видели мемориал жертвам геноцида ингушского народа. Экспозиция в нем поделена поровну — стены, рассказывающие о сталинской депортации 1944 года — об осетино-ингушском конфликте 1992 года. Теперь

в Беслане никто не жалеет ни о первом событии, ни о втором. Хотя понимают, что геноцид был, но считают его возможной мерой.

Об этом как-то не принято писать, несмотря на все множество публикаций о событиях в Беслане, а ведь именно новый осетино-ингушский конфликт мог стать прямым их последствием. Более того, через сорок дней после теракта, когда многие горячие головы прогнозировали начало новой осетино-ингушской войны — ведь именно по прошествию этого срока по осетинским обычаям следует мстить за кровь убитых — в Беслан съехалось невероятное число журналистов со всего мира. Едва ли не меньше, чем их было в дни трагедии. Но ничего «интересного» для СМИ так и не произошло. Межнациональную резню удалось предотвратить и повторения войны 1992 года не произошло. На административную границу между Осетией и Ингушетией были стянуты дополнительные войска. Так, в селение Чермен, находящееся на самой границе, была переброшена часть из Ростова-на-Дону. На улицах самого села через каждые 10 метров стояли вооруженные до зубов солдаты, и в село не впускали и не выпускали никого, за исключением транспорта, имеющего особое разрешение. Мы лично видели, как тормознули машину с ингушскими милиционерами — даже они с мигалками и табельным оружием стояли в огромной пробке на границе. Из Владикавказских школ, вузов и больниц, чтобы избежать нежелательных последствий, эвакуировали ингушей. Многие уезжали самостоятельно, чтобы не провоцировать осетин своим присутствием. Вообще, единственный инцидент был зафиксирован еще 4 сентября, задолго до сороковин. На подступах к селению Карца, находящемуся в пригороде Владикавказа, были остановлены 200 осетин, вооруженных палками.

В самой Осетии как-то мало верят в то, что в бесланской резне повинен некий обобщенный «международный терроризм», а ряды бандитов представляли собой экзотический «террористический интернационал» и состояли из арабов, корейцев и даже негров.

Напавшим на школу № 1 удалось достичь желанной цели — разжечь межнациональную рознь, расширить территорию террора за пределы Чечни, за пределы Ингушетии. Никого уже не волнуют рассказы о страшном погроме в Назрани 22 июня 2004 года, когда вместе с милиционерами погибло и 20 мирных жителей, о проведенном по такому же сценарию погроме в Грозном. Беслан затмил и взрывы самолетов, и шахидку на «Рижской». Он запугивает власть не только ощущением достижимости любого объекта, но и доисторической, нечеловеческой жестокостью. И намерением спустить лавину неконтролируемого, звериного террора кровной мести, национального безумия.

— Я вижу связь между тем, что произошло в Беслане в сентябре, и тем, что случилось в июне, когда террористы напали на Ингушетию, — говорит президент Ингушетии Марат Зязиков. — Это все одних рук дело. Надо искать конкретных преступников, а не национальный след. Среди напавших на Ингушетию были люди двадцати национальностей, среди них осетины, казахи, татары, уйгуры. Так что же мне теперь, обвинять Казахстан или Татарстан? Беда в том, что терроризм давно интернационализировался, а вот борьба с ним — нет. Террористы находят слабые точки в межнациональных отношениях и бьют по ним. Это действуют силы, которые хотят нас поссорить. И я уверен, что наши народы это понимают. В результате всех событий последних лет Кавказ стал мудрее: сами люди не дадут дестабилизировать обстановку, потому что понимают: победителей в новом конфликте не будет, все окажутся в проигрыше.

И осетины, и ингуши, и их соседи считают себя потомками древних аланов, они веками гоняли друг друга по «кавказскому меловому кругу». У них у всех, православных, язычников и атеистов — одинаковые имена. Потом жизнь в большой империи сравняла всех гнетом, затем появилась возможность в мутной воде XX века поживиться (под идеологическими лозунгами) землей соседа. Тогда и стали перекраивать границы. В составе Грузии появилась Южная Осетия, ингушей слили с чеченцами, Пригородный район отдали осетинам, а вернувшимся из депортации чеченцам и ингушам — два больших района Ставропольского края. Лучше не стало, разбои и набеги продолжаются столетия, но теперь виновата уже Москва — все стороны убеждены в ее корыстных умыслах.

В общем, у всех народов на Кавказе есть повод обижаться на давнюю и недавнюю историю. Значит, дело не в соседях, не в плохих или замечательных обычаях — дело во власти, которая все это допускает. Теперь она старается не допустить новой войны, ставит войска вдоль административной границы. А уроки из войны прошлой, из войны продолжающейся рядом десять лет — не извлекла. Не хочет, не нравятся ей уроки.

...До сих пор говорят о бандах, о полевых командирах. И параллельно — о мирных жителях и раскаявшихся, вернувшихся с гор домой боевиках. В открытую сопрягают эти понятия только солдаты, зло и растерянно осознающие, что мирный житель днем — это возможный боевик ночью. Но солдатам никто не объясняет, что дело не в разбойничьем менталитете подлого противника, а в том, что не уехавших из Чечни мужчин жизнь заставляет не работать, а воевать на той или другой стороне. Иногда — по очереди.

А происходит это примерно так. Поступает заказ на акцию. Под нее собираются несколько профессионалов,

до того, возможно, и не знакомых. Решают, сколько им нужно рядовых исполнителей, сколько им выделить денег из поступившей суммы, а сколько — оставить себе. Жизнь и смерть на Кавказе дешевы, так что суммы, которые Басаев называет в Интернете, вполне вероятны. Потом устанавливают связь с теми, кто живет в месте проведения акции, организуют разведку. Репетируют. Воюют или взрывают. И разбегаются.

Получается, что надо, во-первых, воевать с заказчиками, разработчиками, режиссерами и сценаристами террористической войны, а во-вторых, не допускать притока к ним свежих исполнителей. Это значит, не только угрожать бомбежками Панкисскому ущелью, но и создать неподкупную пограничную службу. Перестать метаться от завистливой вражды с Западом к льстивому одобрению любых его акций — и договориться с западными спецслужбами о физическом, а не только информационном взаимодействии. А в конфликтном районе дать рядовым людям возможность прокормить и защитить семью и себя. Но даже эта задача для нынешней власти сложна.

Не менее, чем война с реальной мировой сетью террора. Сетью, которая сплетена десятилетиями «холодной войны», которая подражает главным организованным преступникам XX века — тоталитарным режимам. Она без натуги соединяет фанатиков и недочеловеков; снайпер и минер могут сотрудничать с наркоманом и истериком, при случае легко заменяя обслуживающий персонал или не задумываясь его расстреливая. Тем более, что предыдущий опыт Буденновска, Первомайского и Комсомольского научил — профессионал имеет шанс уцелеть при любом нашем оцеплении.

Как видим, ее децентрализованный, интернетный способ действий не исключает стратегического планирования и обучения новой тактике. Сеть усвоила уроки «Норд-Оста»

и послала в Беслан зомби с противогазами, построила августовско-сентябрьскую атаку по нарастающей, чтобы пиаровский эффект от одной акции устрашения к другой рос в геометрической прогрессии. Этой сети не нужна огромная армия и увеличенный за год на треть военный бюджет, ее призывников поставляет ее противник. Она способна легко менять цели и средства, не дожидаясь разработки курса в военной академии.

И страшно подумать, что может быть следующим узлом этой сети!

Вместо эпилога:
ЧЕТЫРЕ ВОПРОСА К ПРЕЗИДЕНТУ

1 сентября 2004 года моя дочь Галя пошла в первый класс. Она как раз произносила клятву первоклассника на школьной линейке, когда стало известно, чем закончился, едва начавшись, День знаний в бесланской школе... Шок, гнев, недоумение, страх за собственных малышей — трудно передать гамму чувств, которую испытали в тот момент мы — родители.

Но примешивалось и другое ощущение. В этой московской школе учится много детей с Кавказа, в том числе выходцев из Чечни. Они — тоже наши дети, симпатичные и озорные. У них милые заботливые мамы. И если за что и можно в 24 часа из нашей школы «вылететь», то за использование «пятого пункта» в ходе выяснения детских отношений. Благодаря твердой и мудрой позиции директора, в этой отдельно взятой школе в районе Арбата национальный вопрос как таковой снят раз и навсегда. И мне бы не хотелось, чтобы когда-нибудь здесь перестала звучать чеченская, армянская, осетинская или любая другая речь. Для наших русских детей, а значит, для будущего страны это стало бы началом конца.

Другая история? Или все-таки не совсем другая?

Так сложилось, что развязка бесланской трагедии застала меня в Новгороде на международном семинаре. Политологи, журналисты и эксперты по России из разных

стран собрались подискутировать на тему «проект Россия» — эдакий междусобойчик, где все оппоненты много лет знают друг друга как облупленных и благостно попиивают чай и горячительное в перерывах между словесными перепалками на заседаниях.

Жизнь внесла коррективы. Проект Россия повернулся к участникам своей самой жуткой стороной: в режиме реального времени разворачивались события вокруг захваченной террористами школы: спонтанный штурм, которого, как официально утверждали потом представители спецслужб, никто не планировал; эвакуация под огнем раненых детей в больницы, которые почему-то ожидали принять не тысячу, а десятки пострадавших. И, наконец, апофеоз: призыв российского Президента к согражданам — мобилизоваться и объединиться в борьбе с внешним врагом, вынашивающим злокозненные планы по развалу России; знакомый по недавним временам: «Не позволим!», плюс политический лозунг момента: «Кто не с нами, тот против нас!».

Я не вполне уяснила, с кем мне следует объединяться против терроризма и почему уважаемый мною генерал СВР в отставке в дальнейшей дискуссии, видимо, под впечатлением шокирующих кадров, призвал раздать россиянам оружие, дабы защищаться от врага (своеобразное признание того, что на спецслужбы в этом деле полагаться не приходится). Зато, думаю, поняла, почему не менее уважаемый мною депутат Госдумы и бывший замминистра обороны поспешил заверить российских и иностранных журналистов и политологов: в самой-то Чечне терроризм побежден (убийства бывшего президента Кадырова как бы и не было), осталось, мол, справиться с тем, что творится вокруг.

И вот прошел год после бесланского кошмара. Чуть больше года — после выборов в республике, «победившей терроризм». Вот уже и террориста номер один Аслана Масхадова показательно ликвидировали, можно сказать, пуб-

лично линчевали. Все под контролем? Или дело в дозированной, тщательно фильтруемой информации из-за гор, сводящейся к сводкам об уничтожении очередной банд-группировки.

Зачистка в станице Бороздиновской Шелковского района Чечни в июне 2005 года, — «рядовая», по выражению местных чиновников, — с увозом в неизвестном направлении «неустановленными» бойцами «неустановленного спецназа» 11 жителей (по подозрению в пособничестве террористам) и последующим исходом 250 семей через границу Дагестана, — лишь один из примеров «мирной жизни» в регионе. Из тех, что не удалось замолчать. Кстати, по данным Левада-центра 75 процентов россиян полагают, что в Чечне продолжается война; 49 процентов москвичей считали прошлогодние теракты, включая бесланскую трагедию, ее результатом. Вообще, если проанализировать информацию, время от времени впрыскиваемую в СМИ представителями федеральных сил, получается, что за последние годы они уничтожили больше бандитов, чем чеченцев, когда-либо проживавших на своей территории. Что наводит на мысль: то ли ловят не тех, то ли ловят не те.

Абстрактного терроризма не бывает. По сути — это несовместимый с цивилизованным образ действий и мыслей, который различные экстремистские группировки используют для достижения неких политических целей. У этих людей есть имена. Американцы борются за свое нефтяное будущее на Ближнем и Среднем Востоке и в этом контексте столкнулись с диким и неуправляемым внешним врагом в лице Усамы бен Ладена и его воинов ислама. Испанцы много лет тщетно пытаются укротить баскских сепаратистов и пожинают горькие плоды вылазок террористов из ЭТА. Израильтяне находятся в состоянии перманентной войны с палестинскими экстремистами, то отвергая любые переговоры, то идя на них.

И у наших доморощенных террористов есть имена. Даже дети их уже выучили. А российские власти тем временем спешат укрыться за некой абстракцией под названием «международный терроризм». Не потому ли, что не знают, как подступиться к решению реальных проблем, будь то чеченская, осетино-ингушская или любая другая кавказская?

Подвешенность проблемы Чечни дала повод руководству Аль-Каиды и связанных с ней структур держать вооруженную руку на пульсе республики. Даже некоторые наши либералы при упоминании Чечни делают круглые глаза: там ничего не сделаешь, не вести же переговоры с теми, у кого руки по локоть в крови?

Коррупция по карте

На фоне сомнительного эксперимента Кремля по выстраиванию вертикали власти, намерение принять меры к экономическому развитию региона выглядит вполне здраво. Кажется, наши руководители все-таки отдают себе отчет в том, что нищета и разруха не в последнюю очередь подпитывают террористическую среду на Кавказе. Проблема в замкнутом круге: вяло текущая война вкупе с экономической разрухой подкармливает не только террористов, но и чиновников. Причем по всей вертикали. И чем лучше она выстроена, тем отлаженнее механизм подпитки. Источник в одной из российских спецслужб поведал мне такую историю.

Президент, якобы, некоторое время назад поручил ФСБ подготовить для него лично карту Грозного с указанием каждого дома. Цель: понять, наконец, что там разрушено, что восстановлено. Но это, по свидетельству источника, неожиданно оказалось абсолютно нереальным делом. Для начала потребовалась куча своих же внутриведомственных согласований. Потом коллеги из дружественного подразделения заявили, что не могут обеспечить безопасность «картографов».

В итоге к каждому дому подобраться так и не удалось, а все участники спецоперации, находясь в Чечне, были озабочены одной мыслью: как бы не пасть от рук своих же нечистых на руку возмущенных коллег. Не случайно полпред Президента в Южном Федеральном округе Дмитрий Козак во время посещения Чечни на одном из первых совещаний с представителями силовых структур поставил перед ними задачу бороться с бандитизмом и коррупцией как среди чиновников, так и среди самих силовиков... А скандальные события в Бороздиновской заставили полпреда поставить перед своими собеседниками еще один неприятный и наболевший вопрос: о многочисленных фактах похищения людей в Чечне.

Чтобы худо-бедно бороться с терроризмом, требуются профессиональные точечные удары. А для этого нелишне хотя бы после очевидных провалов, вроде бесланского, спрашивать с тех руководителей силовых структур в центре и на местах, по чьему недомыслию либо умыслу не удалось защитить сограждан. На заседании Верховного суда Северной Осетии по делу Нурпаши Кулаева, бывший заложник признался, что на него оказывали давление «неизвестные в камуфляже», чтобы он не рассказывал о спрятанном в школе оружии. После его слов на мониторах, установленных в зале для журналистов, пропал звук. Что, впрочем, мало кого удивило...

Родственники потерпевших в результате бесланского теракта подали Генпрокурору России ходатайство о возбуждении уголовных дел в отношении руководителей силовых структур по факту преступной халатности, «бездеятельности и ошибок». Но подобные дела у нас возбуждать как-то не принято.

Конечно, награды раздавать приятнее. Да и создание очередных бюрократических монстров с громкими названиями вроде «межведомственного органа, координирующего работу спецслужб по борьбе с терроризмом»,

не только греет генеральские души, но и может произвести впечатление на запуганного обывателя. Однако вряд ли защитит его от террористов.

Корпорация заложников

Все мы — заложники. Вот уже ровно десять лет. С того самого момента, когда лучший министр обороны всех времен и народов Павел Грачев (по версии Бориса Николаевича Ельцина) решил наскоком одного десантного полка покорить Грозный, а если повезет и Чечню. С тех пор тысячи русских парней погибли в мирное время за сомнительные цели и по причине бездарной политики властей. Тысячи мирных чеченцев сгнули в этой мясорубке и еще тысячи обозленных ушли в горы мстить обидчикам. Сотни, ранее не отличавшиеся особой религиозностью, стали джихадистами. Тысячи россиян, взрослых и детей, встретились лицом к лицу с шахидами-смертниками. Кому-то это еще предстоит.

Я не сгущаю краски. Жестокость нарастает как снежный ком. А я — просто реалист: ни одно самое развитое и богатое государство до сих пор не выработало эффективных методов борьбы с терроризмом, несмотря ни на какие сверхмеры безопасности или введение особых уровней угроз. Потому что террористы вынуждают власти играть на своем поле. Чего стоит хотя бы альтернатива: выпустить ценой огромных жертв захваченных боевиков, которые совершат новые злодеяния, в том числе и против детей, или подвергнуть опасности жизни детей-заложников, фактически обрекая многих из них на гибель? Ни один нормальный человек, даже если он призван решать высшие государственные задачи, не в состоянии в этой ситуации принять моральное и справедливое по человеческим меркам решение. Но любой нормальный политик обязан быть честен со своими избирателями до конца.

Признаюсь, впервые мне захотелось посмотреть в глаза нашему Президенту именно после бесланских событий. Посмотреть и задать несколько, возможно, наивных вопросов.

1. Не следует ли, чтобы избежать новых бесланов и Норд-Остов, хотя бы попытаться подойти к чеченской проблеме с «открытым умом»?

2. Не пора ли отказаться от практики нахождения «удобных» по тем или иным причинам партнеров в Чечне, которые Москву же и используют, решая у себя на родине собственные проблемы и сводя личные счета?

3. Предположим, Вы не хотите больше играть в демократию. Почему тогда не применить старый британский принцип — разделяй и властвуй? Да разделите Вы уже политических сепаратистов и отморозков! Говорите с одними и «мочите» других. Только не оставляйте все как есть. Иначе получится как всегда. Пример далекого и чужого для нас Ольстера, в котором англичане на протяжении многих десятилетий «мочили» то одних, то других экстремистов, получая в ответ у себя теракт за терактом, известен. Но ведь сели-таки в конце концов англичане за стол переговоров с теми, у кого руки были в крови. И что? Проблема остается, но сепаратисты обсуждают ее уже в британском парламенте и о терактах почти не слышно.

4. Вы с нами, господин Президент?

Мы публикуем фотографии погибших и список тех, чьи фото не смогли поставить по многим не зависящим от нас причинам. Эти люди уже давно преданы земле, но мы будем о них помнить ...

1. Батагова Алана Алановна, 1998
2. Батагова Марина Юрьевна, 1972
3. Батагова Юля Алановна, 1996
4. Ваниев Альберт Гивиевич, 1985
5. Габараев Эмзар Сиваевич, 1967
6. Григорян Гагик Манукович, 1974
7. Жукаева Марина Кирилловна, 1973 (умерла в больнице в августе 2005 г.)
8. Коцоев Артур Измаилович, 1966
9. Маликиев Арсен Александрович, 1990
10. Михайлов Александр Михайлович, 1951
11. Решетняк Василий Викторович, 1996
12. Сокаева Альбина Владимировна, 1992
13. Тебиев Заурбек Олегович, 1995
14. Тедтов Тимур Эльбрусевич, 1997
15. Фраев Руслан Михайлович, 1967
16. Цкаева Кристина Руслановна, 1994
17. Цкаева Фатима Борисовна, 1974
18. Белько Андрей Витальевич, 1974, сотрудник ЦСН ФСБ
19. Ильин Олег Геннадьевич, 1967, сотрудник ЦСН ФСБ
20. Катасонов Роман Юрьевич, 1976, сотрудник ЦСН ФСБ
21. Кормилин Дмитрий Иванович, 1963, сотрудник ЦСН ФСБ
22. Кузнецов Михаил Борисович, сотрудник ЦСН ФСБ
23. Лоськов Олег Вячеславович, 1981, сотрудник ЦСН ФСБ

24. Маляров Вячеслав Владимирович, 1969, сотрудник ЦСН ФСБ
25. Перов Александр Валентинович, 1985, сотрудник ЦСН ФСБ
26. Пудовкин Денис Евгеньевич, 1976, сотрудник ЦСН ФСБ
27. Туркин Андрей Алексеевич, 1975, сотрудник ЦСН ФСБ
28. Разумовский Дмитрий Александрович, 1968, сотрудник МЧС
29. Замараев Валерий Валентинович, 1959, сотрудник МЧС